
Карл Густав
Юнг
Тавистокские
лекции

КАРЛ ГУСТАВ ЮНГ

C.G.JUNG

ANALYTICAL PSYCHOLOGY: ITS THEORY AND PRACTICE

The Tavistock Lectures

К. Г. Юнг

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тавистокские лекции

Электронное издание

ИОИ
Москва
2020

УДК 159.9(081)
ББК 88.3
Ю50

Юнг, Карл Густав.

Ю50 Аналитическая психология: теория и практика. Тавистокские лекции / К. Г. Юнг ; пер. с англ. В. В. Зеленского. — Эл. изд. — 1 файл pdf : 268 с. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10". — Текст : электронный.

ISBN 978-5-7312-0973-1

Карл Густав Юнг — швейцарский психолог, психиатр и культуролог, теоретик и практик глубинной психологии, создатель одного из направлений психоанализа - аналитической психологии, ученый, чьи открытия в области психологии по масштабу и значимости для мировой культуры в целом можно сопоставить только с масштабом и значимостью открытий Зигмунда Фрейда.

Книга «Аналитическая психология. Тавистокские лекции» представляет собой запись курса лекций, прочитанных автором для сотрудников Тавистокской клиники в Лондоне в 1935 году.

Книга предназначена как для специалистов-психологов, философов, историков культуры, так и для всех, кто интересуется психологией и стремится к более ясному осознанию психической реальности в них самих и окружающем мире.

УДК 159.9(081)
ББК 88.3

Электронное издание на основе печатного издания: Аналитическая психология: теория и практика. Тавистокские лекции / К. Г. Юнг ; пер. с англ. В. В. Зеленского. — Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — 272 с. — ISBN 978-5-88230-469-9. — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7312-0973-1

«Человеку со всей определенностью необходимы общие убеждения и идеи, которые придают смысл его жизни и помогают ему отыскивать свое место во Вселенной.

Человек способен преодолеть совершенно невозможные трудности, если убежден, что это имеет смысл. И он терпит крах, если сверх прочих несчастий вынужден признавать, что играет роль в «сказке, рассказанной идиотом».

К.Г. Юнг

Швейцарский психолог, психиатр и культуролог, теоретик и практик глубинной психологии был создателем одного из направлений психоанализа — аналитической психологии.

Карл Юнг родился 26 июля 1875 года в Кессвиле, кантон Тургау, на берегу живописного озера Констанц в семье пастора швейцарской реформаторской церкви; дед и прадед со стороны отца были врачами. Учился в Базельской гимназии, любимыми предметами гимназических лет были зоология, биология, археология и история. В апреле 1895 года поступил в Базельский университет, где изучал медицину, но затем решил специализироваться по психиатрии и психологии. Помимо этих дисциплин, глубоко интересовался философией, теологией, оккультизмом.

По окончании медицинского факультета Юнг написал диссертацию «О психологии и патологии так называемых оккультных явлений», оказавшуюся прелюдией к его длившемуся почти 60 лет творческому периоду. Основанная на тщательно подготовленных спиритических сеансах с необычайно одаренной медиуматическими способностями Хелен Прейсверк (кузиной Юнга) эта работа представляла описание ее сообщений, полученных в состоянии медиуматического транса. Важно отметить, что с самого начала своей профессиональной карьеры Юнг интересовался бессознательными продуктами психического и их значением для субъекта. Уже в этом исследовании[1] легко можно увидеть логическую основу всех его последующих работ в их развитии — от теории комплексов к архетипам, от содержания либидо к представлениям о синхронности и т. д.

---

[1] См.: Юнг К. Г. Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1939. Т. 1. С. 1—84.

В 1900 году Юнг переехал в Цюрих и стал работать ассистентом у известного в то время врача-психиатра Юджина Блейлера в больнице для душевнобольных Бургхольцли (пригород Цюриха). Он поселился на больничной территории, и с этого момента жизнь молодого сотрудника стала проходить в атмосфере психиатрического монастыря. Блейлер был зримым воплощением работы и профессионального долга. От себя и сотрудников он требовал точности, аккуратности и внимательности к пациентам. Утренний обход заканчивался в 8.30 утра рабочей встречей персонала, на которой заслушивались сообщения о состоянии больных. Два-три раза в неделю в 10.00 утра происходили встречи врачей с обязательным обсуждением историй болезни как старых, так и вновь поступивших пациентов. Встречи происходили при непременном участии самого Блейлера. Обязательный вечерний обход происходил между пятью и семью часами вечера. Никаких секретарей не было, и персонал сам печатал на машинке истории болезни, так что порой приходилось работать до 11 часов вечера. Больничные ворота и двери закрывались в 10 вечера. Младший персонал ключей не имел, так что, если Юнг хотел вернуться из города домой попозже, он должен был просить ключ у кого-либо из старшего медперсонала. На территории больницы царил сухой закон. Юнг упоминает, что первые шесть месяцев он провел совершенно отрезанный от внешнего мира и в свободное время читал пятидесятитомную Allgemeine Zeitschrift fur Psychiatrie.

Вскоре он начал публиковать свои первые клинические работы, а также статьи по применению разработанного им же теста словесных ассоциаций. Юнг пришел к выводу, что посредством словесных связей можно обнаружить («нащупать») определенные совокупности (констелляции) чувственно окрашенных (или эмоционально «заряженных») мыслей, понятий, представлений и тем самым дать возможность выявиться болезнен-

ным симптомам. Тест работал, оценивая реакцию пациента по временной задержке между стимулом и ответом. В результате выявилось соответствие между словом-реакцией и самим поведением испытуемого. Значащее отклонение от норм отмечало присутствие аффективно-нагруженных бессознательных идей, и Юнг ввел понятие «комплекс», чтобы описать их целокупную комбинацию[2].

В 1907 году Юнг опубликовал исследование о раннем слабоумии (эту работу Юнг послал Зигмунду Фрейду), несомненно повлиявшее на Блейлера, который спустя четыре года предложил термин «шизофрения» для соответствующей болезни. В этой работе[3] Юнг предположил, что именно «комплекс» отвечает за выработку токсина (яда), задерживающего умственное развитие, и именно комплекс напрямую направляет свое психическое содержание в сознание. В таком случае маниакальные идеи, галлюцинаторные переживания и аффективные изменения при психозе представляются в той или иной степени искаженными проявлениями подавленного комплекса. Книга Юнга «Психология dementia praecox» оказалась первой психосоматической теорией шизофрении, и в дальнейших своих работах Юнг всегда придерживался убеждения о первичности психогенных факторов в возникновении этой болезни, хотя постепенно и оставил «токсинную» гипотезу, объясняясь, в дальнейшем, больше в терминах нарушенных нейрохимических процессов.

Встреча с Фрейдом обозначила важную веху в научном развитии Юнга. К моменту личного знакомства в феврале 1907 года в Вене, куда Юнг приехал после непродолжительной переписки, он был уже широко известен как своими опытами в словесных ассоциациях, так и открытием чувственных комплексов. Ис-

---

[2] Более подробно см. настоящую работу.

[3] См.: К.Г.Юнг. Психология dementia praecox В: Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих., 1939. Т. 1. С. 119—267.

пользуя в опытах теорию Фрейда (его труды он хорошо знал), Юнг не только объяснял свои собственные результаты, но и поддерживал психоаналитическое движение как таковое. Встреча дала начало тесному сотрудничеству и личной дружбе, продолжавшимися вплоть до 1912 года. Фрейд был старше и опытнее, и нет ничего странного в том, что он стал для Юнга, в некотором смысле, отцовской фигурой. Со своей стороны, Фрейд, воспринявший поддержку и понимание Юнга с неописуемым энтузиазмом и одобрением, уверовал в то, что наконец-то нашел своего духовного «сына» и последователя. В этой глубоко символической связи «отец-сын» росли и развивались как плодотворность их взаимоотношений, так и семена будущего взаимоотречения и размолвки. Бесценным даром для всей истории психоанализа является их многолетняя переписка, составившая полновесный том[4].

В феврале 1903 года Юнг женился на двадцатилетней дочери преуспевающего фабриканта Эмме Раушенбах (1882—1955), с которой прожил вместе пятьдесят два года, став отцом четырех дочерей и сына.

Вначале молодые поселились на территори клиники Бургхольцли, занимая квартиру этажом выше Блейлера, а позже (в 1906 году) переехали во вновь отстроенный собственный дом в пригородное местечко Кюснахт, что неподалеку от Цюриха. Годом раньше Юнг начал преподавательскую деятельность в Цюрихском университете. В 1909 году вместе с Фрейдом и другим психоаналитиком, венгром Ференчи, работавшим в Австрии, Юнг впервые приехал в Соединенные Штаты Америки, где прочел курс лекций по методу словесных ассоциаций. Университет Кларка в штате Массачусетс, пригласивший

[4] См., в частности: Тђe Freud/Jung Letters. London, 1974. P. 650. Том содержит 360 писем, охватывающих семилетний период и варьирующих по жанру и объему от короткой поздравительной открытки до фактического эссе в полторы тысячи слов.

европейских психоаналитиков и праздновавший свое двадцатилетнее существование, присудил Юнгу вместе с другими почетную степень доктора. Международная известность, а с ней и частная практика, приносившая неплохой доход, постепенно росли, так что в 1910 году Юнг оставляет свой пост в Бургхольцлинской клинике (к тому времени он стал клиническим директором), принимая все более многочисленных пациентов у себя в Кюснахте, на берегу Цюрихского озера. В это время Юнг становится первым Президентом международной Ассоциации психоанализа и погружается в свои глубинные исследования мифов, легенд, сказок в контексте их взаимодействия с миром психопатологии. Появляются публикации, довольно четко обозначившие область последующих жизненных и академических интересов Юнга. Здесь же более ясно обозначилась и граница идеологической независимости от Фрейда во взглядах обоих на природу бессознательного психического.

Прежде всего разногласие обнаружилось в понимании содержания либидо как термина, определяющего психическую энергию индивида. Фрейд полагал, что психические расстройства развиваются из-за подавления сексуальности и перемещения эротического интереса с объектов внешнего мира во внутренний мир пациента. Юнг же считал, что контакт с внешним миром поддерживается и иными способами, кроме сексуального, а утрату контакта с реальностью, характерную, в частности, для шизофрении, нельзя связывать лишь с сексуальным вытеснением. Поэтому Юнг стал использовать понятие либидо для обозначения всей психической энергии, не ограничиваясь ее сексуальной формой. В дальнейшем расхождения во взглядах выявились и по другим вопросам. Например, Фрейд считал, что невроз зарождается непременно в раннем детстве и главными его факторами являются кровосмесительные фантазии и желания, связанные с так называемым эдиповым комплексом. Юнг,

напротив, был убежден, что причина невроза скрыта в сегодняшнем дне и все детские фантазии — явление второго порядка. Фрейд полагал, что наши сновидения — это неисполненные желания, перебравшиеся в сон, чтобы заявить о себе таким косвенным образом. «Зримое содержание сна,— говорил он,— всего лишь покрывало на «скрытом содержании», которое, как правило, не что иное, как подавленное сексуальное желание раннего детства». Для Юнга же сны являлись каналами связи с бессознательной стороной психического. Они передаются символическим языком, весьма трудным для понимания, но совсем не обязательно связаны с желаниями или представляют тот иной способ скрыть неприемлемое. Чаще всего сны дополняют сознательную дневную жизнь, компенсируя ущербные проявления индивида. В ситуации невротического расстройства сны предупреждают о сходе с правильного пути. Невроз — достаточно ценный сигнал, «полезное» сообщение, указывающее, что индивид забрел слишком далеко. В этом смысле невротические симптомы могут рассматриваться как компенсационные; они тоже часть механизма саморегуляции, нацеленного на достижение более устойчивого равновесия внутри психического. Парадоксально, но Юнг говорил иногда о ком-нибудь: «Слава Богу, он стал невротиком!» Как физическая боль сигнализирует о неполадках в теле, так и невротические симптомы сигнализируют о необходимости привлечь внимание к психологическим проблемам, о которых человек и не подозревал.

Словом, «отступничество» Юнга было неизбежно, и последовавшие события привели к тому, что в 1913 году между двумя великими людьми произошел разрыв, и каждый пошел своим путем, следуя своему творческому гению.

Юнг очень остро переживал свой разрыв с Фрейдом. Фактически это была личная драма, духовный кризис, состояние внутреннего душевного разлада на грани глубокого нервного

расстройства. «Он не только слышал неведомые голоса, играл, как ребенок, или бродил по саду в нескончаемых разговорах с воображаемым собеседником,— замечает один из биографов в своей книге о Юнге,— но и серьезно верил, что его дом населен привидениями»[5].

В момент расхождения с Фрейдом Юнгу исполнилось тридцать восемь лет. Жизненный полдень, притин, акмэ, оказался одновременно и поворотным пунктом в психическом развитии. Драма расставания обернулась возможностью большей свободы развития своей собственной теории содержаний бессознательного психического. В работах Юнга все более выявляется интерес к архетипическому символизму. В личной жизни это означало добровольный спуск в «пучину» бессознательного. В последовавшие шесть лет (1913— 1918) Юнг прошел через этап, который он сам обозначил как время «внутренней неопределенности» или «творческой болезни» (Элленбергер). Значительное время Юнг проводил в попытках понять значение и смысл своих сновидений и фантазий и описать это — насколько возможно — в терминах повседневной жизни[6]. В результате получилась объемистая рукопись в 600 страниц, иллюстрированная множеством рисунков образов сновидений и названная «Красной книгой» (по причинам личного характера она никогда не публиковалась). Пройдя через личный опыт конфронтации с бессознательным, Юнг обогатил свой аналитический опыт и создал новую систему аналитической психотерапии и новую структуру психического.

В творческой судьбе Юнга определенную роль сыграли его «русские встречи», взаимоотношения в разное время и по разным поводам с выходцами из России: студентами, пациентами,

[5] Stevens. On Jung. 1990. London., p. 172.

[6] См. гл.VI автобиографической книги «Воспоминания, сновидения, размышления».

врачами, философами, издателями. Начало «русской темы» можно отнести к концу первого десятилетия XX века, когда в числе участников психоаналитического кружка в Цюрихе стали появляться студенты-медики из России. Имена некоторых нам известны: Фаина Шалевская из Ростова-на-Дону (1907 г.), Эстер Аптекман (1911 г.), Татьяна Розенталь из Петербурга (1901—1905, 1906—1911 гг.), Сабина Шпильрейн из Ростова-на-Дону (1905—1911) и Макс Эйтингон. Все они впоследствии стали специалистами в области психоанализа. Татьяна Розенталь вернулась в Петербург и в дальнейшем работала в Институте мозга у Бехтерева в качестве психоаналитика. Являлась автором малоизвестной работы «Страдание и творчество Достоевского»[7]. В 1921 году в возрасте 36 лет покончила жизнь самоубийством. Уроженец Могилева Макс Эйтингон в 12 лет вместе с родителями переехал в Лейпциг, где затем изучал философию, прежде чем вступить на медицинскую стезю. Он работал ассистентом Юнга в клинике Бургхольцли и под его руководством в 1909 году получил докторскую степень в Цюрихском университете. Другая «русская девушка» Сабина Шпильрейн была пациенткой начинающего доктора Юнга (1904 г.), а впоследствии сделалась его ученицей. Завершив образование в Цюрихе и получив степень доктора медицины, Шпильрейн пережила мучительный разрыв с Юнгом, переехала в Вену и примкнула к психоаналитическому кружку Фрейда. Некоторое время работала в клиниках Берлина и Женевы, у нее начинал свой курс психоанализа известный впоследствии психолог Жан Пиаже. В 1923 году вернулась в Россию. Она вошла в состав ведущих специалистов-психоаналитиков образованного в те годы в Москве Государственного Психоаналитического института. Дальнейшая ее судьба сложилась весьма трагично. После закрытия Психоаналитического института Сабина Нико-

[7] См. сб. Вопросы изучения и воспитания личности. № 1, 1920 г. Петроград. Сс. 88—107.

лаевна переехала в Ростов-на-Дону к родителям. Запрет на психоаналитическую деятельность, арест и гибель в застенках НКВД трех братьев и, наконец, собственная смерть в Ростове, когда она вместе с двумя дочерьми разделила участь сотен евреев, расстрелянных в местной синагоге немцами в декабре 1941 года[8].

Вена и Цюрих издавна считались центрами передовой психиатрической мысли. Начало века принесло им известность и в связи с клинической практикой, соответственно, Фрейда и Юнга, так что ничего удивительного не было в том, что туда устремилось внимание тех русских клиницистов и исследователей, которые искали новые средства лечения разнообразных психических расстройств и стремились к более глубокому проникновению в человеческую психику. А некоторые из них специально приезжали на стажировку или для краткого ознакомления с психоаналитическими идеями.

В 1907—1910 годах Юнга в разное время посещали московские психиатры: Михаил Асатиани, Николай Осипов и Алексей Певницкий[9].

Из более поздних знакомств следует особо отметить встречу с издателем Эмилием Метнером и философом Борисом Вышеславцевым. В период «стычки» Юнга с бессознательным и работы над «Психологическими типами» Эмилий Карлович Метнер, бежавший в Цюрих из воюющей Германии, оказался чуть ли не единственным собеседником, способным к восприятию юнговских идей. (Юнг оставил пост Президента Психоаналитической ассоциации, а вместе с ним утратил и многие

[8] Более подробно о С.Шпильрейн и других см. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб. 1993.; Лейбин В. М. Психоанализ, Юнг, Россия. В: Российский психоаналитический вестник. № 2, 1992.; Овчаренко В. И. Судьба Сабины Шпильрейн. Там же.

[9] Материал об их пребывании см. в журналах «Психотерапия» № 3 за 1910 г.; Журнал неврологии и психиатрии Корсакова С. С, кн. 6. 1908; Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. № 2, 1911 г.

личные связи с коллегами). Еще живя в России, Метнер основал издательство «Мусагет» и выпускал философско-литературный журнал «Логос». За границей Метнер страдал от частых резких шумов в ушах, по поводу чего вначале обратился к венским фрейдистам. Те ничем помочь не смогли, кроме настоятельного совета жениться. Тогда-то и состоялась встреча с Юнгом. Метнер готовился к длительному лечению, но мучающий симптом исчез после нескольких сеансов. Отношения же пациент-аналитик превратились в дружеские и поначалу почти ежедневные.

Затем в течение ряда лет Юнг и Метнер встречались раз в неделю, вечером, и обсуждали те или иные философские и психологические вопросы. Сын Юнга помнил, что отец именовал Метнера «русским философом».

Спустя годы Метнер публикует первую рецензию на вышедшую книгу «Психологические типы», а позже становится издателем трудов Юнга на русском языке, пишет предисловия к ним. Смерть Метнера помешала ему довести до конца начатое дело по публикации четырех томов трудов К. Г. Юнга. Эту работу довершил другой «русский» — философ Борис Петрович Вышеславцев (1877—1954). Высланный большевиками в 1922 году из России, он вначале работал в созданной Н. А. Бердяевым Религиозно-философской Академии. Позже читал лекции в парижском богословском институте. В 1931 году Вышеславцев опубликовал книгу «Этика преображенного эроса», в которой под влиянием, в частности, идей К. Юнга выдвинул теорию этики сублимации Эроса. В те годы между Юнгом и Вышеславцевым завязывается переписка, в которой Вышеславцев объявляет себя учеником Юнга. В конце 30-х годов стараниями Вышеславцева четырехтомное собрание трудов Юнга было завершено. Накануне завершения войны в апреле 1945 года Юнг помог Вышеславцеву с женой перебраться из Праги в нейтральную Швейцарию.

После выхода в свет «Психологических типов»[10] для 45-летнего мэтра психологии наступил нелегкий этап укрепления завоеванных им в научном мире позиций.

Постепенно Юнг приобретает все большую международную известность не только среди коллег — психологов и психиатров,— но и в кругу представителей других направлений гуманитарных знаний: философов, историков культуры, социологов и пр. И здесь, забегая вперед, следует сказать, что труды и идеи Юнга вызвали к жизни волны влияния, по крайней мере, в двух областях. Первая — это школа психологической теории и терапии, т. е. клиническая и личностная психоаналитическая практика; вторая область влияния — искусство и гуманитарные области знания вообще и науки, в частности. И в этом смысле взгляды Юнга на жизнь, искусство и историю можно весьма приблизительно свести к следующим утверждениям:

1. Бессознательное реально. Его активность, его энергетическая основа внутри нас и промеж нас проявляются непрерывно. Психическая реальность не может быть не опознана и не признана. Наш сознательный разум не является единственным управляющим всего индивидуального хозяйства, он даже не единственный (полномочный, но не всегда) хозяин и капитан наших мыслей. Мы всегда и во всем — индивидуально и коллективно — пребываем под влиянием (плохим или хорошим, вопрос другой) той энергии, которая нами не осознается.
2. Именно потому, что бессознательное нами не осознается, мы ничего непосредственно о нем сказать и не можем. Но мы все

[10] 20-е годы вообще богаты появлением работ, посвященных типологии людей. В один год с юнговскими «Типами» вышли книги Эрнеста Кречмера «Строение тела и характер» и Германа Роршаха «Телосложение и характер», а в 1929 году (время появления русского издания «Типов» в Цюрихе) в Ленинграде появилась книга Владимира Вагнера «Психологические типы и коллективная психология», которая уже в тридцатые годы была упрятана в спецхран и запрещена к упоминанию.

же судим о нем по его «плодам», по косвенным проявлениям в сознательной психике. Подобные проявления-манифестации могут возникать в сновидениях, произведениях искусства и литературы, в воображении, грезах, некоторых специфических формах поведения, а также в тех символах, которые управляют народами и обществами.

3. Результирующее (манифестное) проявление психического — всегда сплав, смешение различных влияний, комбинация самых разнообразных факторов. Прежде всего, налицо работа эго, нашего сознательного Я. Затем, в качестве участников действия можно увидеть личностные (в основном, несознаваемые) комплексы индивида или группы, к которой принадлежит тот или иной участник. И в-третьих, несложно проследить участие той или иной комбинации архетипического воздействия, имеющего свое инициирующее начало в коллективной психике, но реализующееся в том же самом индивиде (коллективное бессознательное). Из взаимодействия всех этих составляющих возникают поступки, идеи, произведения искусства, любые массовые движения и коллективные действия. И здесь скрыто вечное очарование жизнью как отдельного человека, так и групп, обществ, наций и всего человечества. От наскальной живописи и инициирующих танцев первобытных дикарей до массовых опытов мировых войн или Гулага.
4. Бессознательное занято непрерывным воспроизводством символов, и это символы психические, имеющие отношение к психике. Эти символы, как и сама психика, основаны на эмпирической реальности, но не являются знаками, эту реальность представляющую. Юнг подробно разбирает как само содержание символа, так и его отличие от знака во многих своих работах. Здесь же я ограничусь простым примером. Скажем, во сне образ быка может лежать в основе сексуальности сновидца, но сам образ к этому не сводится. Юнговское

отношение к символам неоднозначно потому, что он избегает жесткой закрепленности («это означает то») изображаемого образа. Бык как символ психической энергии, представляющей силу, может символизировать агрессивную мужскую сексуальность, но это может одновременно выражать и фаллическое производительное творчество, и образ неба, и фигуру строгого отца и т. д. В любом случае, свободный путь символического размышления открывает широкие возможности для смысла и выступает противником всякого буквализма, фундаментализма любого толка.

5. Юнг был глубоко убежден в том, что значение психических символов значительно шире личностных границ. Архетипический символ трансперсонален по своей сути. Он межличностен по смыслу. Здесь, возможно, скрыта внеконфессиональная религиозность Юнга. Юнг был убежден, что жизненная история существует на двух уровнях и поэтому и рассказываться должна, как в старых эпических поэмах, Библии или Одиссее, сказательно и иносказательно. В противном случае, история, как и сама жизнь, оказывается неполной и, стало быть, неподлинной. Это соответствует двууровневому членению психического на сознание и бессознательное.

В 20-е годы Юнг совершает ряд длительных увлекательных путешествий, предпринятых им в различные районы Африки и к индейцам Пуэбло в Северной Америке. Отчет об этих исследовательских поездках (включая еще и поездку в Индию, состоявшуюся позже, в 1938 году), а точнее, своеобразное культурно-психологическое эссе составили позднее главу «Путешествия» в автобиографической книге Юнга «Воспоминания, сновидения, размышления»[11].

[11] Русский перевод см. Юнг К. Г. Дух и жизнь. М. Практика, 1996.

В отличие от беззаботно-любопытствующих туристов Юнг смог взглянуть на другую культуру с точки зрения раскрытия содержащегося в ней смысла. Постигая этот смысл, он полагает, что сама история имеет известный общечеловеческий универсальный смысл, в рамках которого возможно взаимодействие и культур, и времен. Здесь заключены две главные темы Юнга — психолога и психотерапевта, и Юнга — культуролога. Это тема личностного развития — индивидуации, и тема коллективного бессознательного. Юнг рассматривал индивидуацию как бытие, направленное в сторону достижения психической целостности, и использовал для его характеристики многочисленные иллюстрации из алхимии, мифологии, литературы, западных и восточных религий, пользуясь и своими собственными клиническими наблюдениями. Что касается «коллективного бессознательного», то это понятие также выступает ключевым для всей аналитической психологии и, по мнению многих авторитетных ученых и мыслителей, является «наиболее революционной идеей XX-го века», идеей, серьезные выводы из которой так и не были сделаны до сего времени.

Юнг возражал против той мысли, что личность полностью детерминирована своим опытом, обучением и воздействием окружающей среды. Он утверждал, что каждый индивид появляется на свет с «целостным личностным эскизом.., представленным в потенции с самого рождения», и что «окружающая среда вовсе не дарует личности возможность ею стать, но лишь выявляет то, что уже было в ней [личности] заложено»[12].

Согласно Юнгу, существует определенная наследуемая структура психического, развивавшаяся сотни тысяч лет, которая заставляет нас переживать и реализовывать наш жизненный опыт вполне определенным образом. И эта определенность выражена

[12] Газета Guardian, 27 января 1990 г.

в том, что Юнг назвал *архетипами,* которые влияют на наши мысли, чувства, поступки.

> «...бессознательное как совокупность архетипов является осадком всего, что было пережито человечеством, вплоть до его самых темных начал. Но не мертвым осадком, не брошенным полем развалин, а живой системой реакций и диспозиций, которая невидимым, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь. Однако это не просто какой-то гигантский исторический предрассудок, но источник инстинктов, поскольку архетипы ведь не что иное, как формы проявления инстинктов»[13].

Ближе к концу своей жизни Юнг все меньше отвлекался на внешние перипетии каждодневных событий, все более направляя свое внимание и интерес к общемировым проблемам. Не только угроза атомной войны, но и все возрастающая перенаселенность Земли и варварское уничтожение природных ресурсов наряду с загрязнением природы глубоко волновали его. Возможно, впервые за всю историю выживание человечества *как целого* проступило в угрожающем свете во второй половине XX века, и Юнг сумел почувствовать это гораздо раньше других. Поскольку на кон поставлена судьба человечества, то естественно спросить: а не существует ли архетип, который представляет, так сказать, целое человечества и его судьбу? Юнг видел, что почти во всех мировых религиях, да и в ряде других религиозных конфессиях такой архетип существует и обнаруживает себя в образе так называемого изначального (первочеловека) или космического человека, *антропоса.* Антропос, гигантский космический человек олицетворяет жизненный принцип и смысл всей человеческой жизни на Земле. (Имир, Пуруша, Пан-ку, Гайомарт, Адам). В алхимии и гностицизме мы находим сходный мотив Челове-

[13] Газета Guardian, 27 января 1990 г.

ка Света, который падает во тьму или оказывается расчленным тьмой и должен быть «собран» и возвращен свету. В текстах этих учений существует описание того, как Человек Света, идентичный Богу, вначале живет в Плероме[14], затем побеждается силами Зла — как правило, это звездные боги, или Архоны,— падает или «соскальзывает» вниз и в конечном итоге оказывается разбросанным в материи в виде множества искр, где ему предстоит ожидание своего спасения. Его искупление, или освобождение, заключается в собирании всех разбросанных частей и возвращении в Плерому. Эта драма символизирует процесс индивидуации у индивида; каждый поначалу состоит из таких хаотических многообразных частиц и постепенно может стать *одной* личностью путем сбора и осознания этих частиц. Но эта драма может быть понята и как образ медленного постепенного развития человечества в направлении высшего сознания, о чем Юнг весьма подробно написал в своих работах «Ответ Иову» и «Айон».

Уверенность Юнга в абсолютном единстве всего сущего привела его к мысли, что физическое и ментальное, подобно пространственному и временному, суть категории человеческие, психические, не отражающие реальность с необходимой точностью. Вследствие самой природы своих мыслей и языка, люди неизбежно вынуждены (бессознательно) все делить на свои противоположности. Отсюда антиномность любых утверждений. Фактически же противоположности могут оказаться фрагментами одной и той же реальности. Сотрудничество Юнга в последние годы жизни с физиком Вольфгангом Паули привело обоих к убеждению, что изучение физиками глубин материи, а психологами глубин психического, может быть лишь разными способами подхода к единой, скрытой реальности. Ни психология не может быть достаточно

[14] Плерома — термин, введенный гностиками. Обозначает «место» за пределами пространственно-временных представлений, в котором угасают или разрешаются все напряжения между противоположностями. См. Глоссарий в конце книги.

«объективной», поскольку наблюдатель неизбежно влияет на наблюдаемый эффект, ни физика не способна на субатомном уровне измерить одновременно количество движения и скорость частицы. Принцип дополнительности, ставший краеугольным камнем современной физики, применим и к проблемам души и тела.

В течение всей жизни на Юнга производили впечатление последовательности разных, внешне не связанных друг с другом событий, происходящих одновременно. Скажем, смерть одного человека и тревожный сон у его близкого родственника, случившиеся одномоментно. Юнг ощущал, что подобные «совпадения» требовали какого-то дополнительного объяснения, кроме утверждения о некоей «случайности». Такой дополнительный принцип объяснения Юнг назвал *синхронностью.* По мысли Юнга синхронность основывается на универсальном порядке смысла, являющимся дополнением к причинности. Синхронные явления связаны с архетипами. Природа архетипа — не физическая и не ментальная — принадлежит к обеим областям. Так что архетипы способны проявляться одновременно и физически, и ментально. Здесь показателен пример — случай со Сведенборгом, упоминаемый Юнгом, когда Сведенборг пережил видение пожара в тот самый момент, когда пожар действительно бушевал в Стокгольме. По мнению Юнга, определенные изменения в состоянии психики Сведенборга дали ему временный доступ к «абсолютному знанию» — к области, где преодолеваются границы времени и пространства. Восприятие структур упорядочивания воздействует на психическое как *смысл.*

Незадолго до смерти Юнг завершил работу над своей автобиографической книгой «Воспоминания, сновидения, размышления», ставшей бестселлером в западном мире, а также вместе со своими учениками написал увлекательную книгу «Человек и его символы», в которой популярно рассказывается об аналитической психологии. Он умер в своем доме в Кюснахте 6 июня 1961 года.

Замечание английского редактора

Предисловие Э. А. Беннета (E. A. Bennet)[15]

Институт медицинской психологии (Тавистокская клиника)[16] в Лондоне пригласил Карла Густава Юнга прочесть цикл из пяти лекций, что и произошло в 1935 году в период с 30 сентября по 4 октября. Согласно отчету Института, объявленные лекции не носили какого-либо специального названия. Аудитория числом около двухсот человек состояла преимущественно из лиц медицинской профессии. Сами лекции и последующие обсуждения стенографировались, а затем были отредактированы Мари Баркер и Маргарет Гейм, после чего просмотрены и выверены самим профессором Юнгом. Подготовленный таким образом текст был напечатан на мимеографе и распространен для служебного пользования среди сотрудников клиники, а также среди членов аналитического Психологического Клуба в Лондоне. Текст назывался «Основные психологические понятия. Доклад из пяти лекций Карла Густава Юнга». Работа приобрела

---

[15] Эдвард Беннет, почетный консультант Тавистокской клиники, Патрон Института К.Г.Юнга в Цюрихе. Автор книг, посвященных жизни и деятельности Юнга, в частности, «C. G. Jung» (1961); «What Jung Really Said», («Что же в действительности сказал Юнг?») (1966).

[16] Основанная в 1920 году The Tavistock Square Clinic, в 1931 году изменила свое название на Институт медицинской психологии, а несколькими годами позже стала называться Тавистокской клиникой (The Tavistock Clinic).

известность под именем «Тавистокские лекции», или «Лондонские семинары».

Для настоящего издания Р. Халлом (R. F. C. Hull), переводчиком собрания сочинений К. Г. Юнга, сделана незначительная стилистическая правка.

Труды Юнга были хорошо известны аудитории, но мало кто имел возможность слышать его воочию. Его лекции привлекли представительную группу приверженцев самых разных «школ» как из психиатрических лечебных заведений, так и некоторое количество врачей общей практики (терапевтов). Обычно Юнг вел саму лекцию в течение часа, второй же час отводился на обсуждение прочитанного. С самого начала необычность материала, неформальная манера изложения и удивительная свобода владения английским (не забудем, что это не родной язык Юнга) создали легкую и стимулирующую атмосферу общения, так что обсуждения выходили далеко за пределы отпущенного времени. В довершение своего лекторского мастерства Юнг очень тщательно артикулировал сам текст, подбирая соответствующие слова и выражения, стремясь максимально точно отразить то, что он имел ввиду, в максимально доходчивой форме, свободной от какого-либо доктринерства.

Юнг ограничил свое изложение теми принципами, на которых строился его собственный вклад в глубинную психологию, представив эти принципы в двух главных направлениях: структура и содержание сознательного разума (mind) и те методы, которые использовались для его изучения.

Он определил сознание как связь психических факторов с тем, что «называется эго», с характером зависимости эго от общего установочного типа индивида: экстраверсии или интроверсии. Рассмотрел связь психических факторов с внешним миром посредством четырех функций: мышления, чувства, ощущения и интуиции. Поскольку эго в качестве фокальной точки созна-

ния вытекает из бессознательного, то сознание и его функции могут быть поняты только в связи с гипотезой о личном и коллективном бессознательном. Последнее положение и значение функций вызвало многочисленные вопросы, на которые Юнг дал ясный и исчерпывающий ответ в том смысле, в котором он сам использовал эти термины, многие из которых он самолично ввел в аналитическую психологию.

Объясняя те методы, которые он использовал при исследовании бессознательной умственной деятельности, Юнг подробно изложил суть теста словесных ассоциаций, методов анализа сновидений и активного воображения. Некоторых слушателей удивил упор лектора на тест словесных ассоциаций, поскольку с момента своего появления тест долгое время почти не применялся. Юнг ссылался на него потому, что тест был ключевым звеном в его ранних, научных и клинических изысканиях. Когда Юнг, еще будучи молодым ассистентом в психиатрической клинике в Бургхольцли (Цюрих), с энтузиазмом стал исследовать тайну душевной болезни, никакого более или менее стройного психологического знания в европейской культуре не существовало. Его эксперименты со словесными ассоциациями породили неожиданные и весьма впечатляющие результаты. Среди наиболее ценных следует назвать открытие автономной природы бессознательного. О внесознательной умственной деятельности говорили и в XIX веке, но Фрейд и Юнг увидели в ней клиническое применение. Разработав тест словесных ассоциаций, Юнг подтвердил валидность предшествующей гипотезы, а демонстрация наличия чувственно-тонированного комплекса подтвердила фрейдовскую теорию вытеснения (repression). Изначально стимульное слово в тесте сопровождалось ответной реакцией, ограниченной каким-то одним словом; Юнг решил, что это ограничивает возможности теста, и ввел некоторые изменения в технику его проведения. По мере того, как тест со-

вершествовал свою старую форму, заключавшуюся в измерении времени реакции, была введена одновременная и независимая механическая запись эффекта эмоций в виде пульсового режима, изменения дыхания и количественных вариаций электрического сопротивления кожи. Выявив, что тело и разум действуют как единое целое, Юнг оказался первым клиницистом, кто установил значение физиологических сопровождающих эмоции, известных сегодня под именем психосоматических явлений.

Перейдя границу и оказавшись в мире сновидений, Юнг заговорил о личных и коллективных элементах, составляющих сон, и отдельно об анализе сновидений — принципиальном психотерапевтическом инструменте в своей работе: «сны приносят все, что необходимо». В одном месте, отвечая на, по-видимому, взволновавший его вопрос, Юнг вставил реплику на немецком — к ужасу вопрошавшего! После просьбы председательствующего прояснить сказанное он заметил с улыбкой: «Вот видите, бессознательное действительно работает автоматически». Я хорошо помню это замечание, хотя оно и не попало в книгу.

Толкование сновидений, содержащее архетипический образный материал, использует метод амплификации, о которой речь идет в четвертой лекции. Юнг продемонстрировал, что амплификация через параллельные примеры сновидений сравнима со сравнительным методом в филологии. Сам разум (mind) описывался Юнгом в качестве саморегулирующейся системы как результат компенсаторной связи между сознанием и бессознательным — процесс, по сути схожий с телесными гомеостатическими механизмами.

К сожалению, завершить анализ этого необычайно интересного сна не получилось из-за недостатка времени, и Юнг предложил закончить анализ в своей заключительной лекции. Однако д-р Крихтон-Миллер предложил в качестве альтернативы юнговский материал о трудной проблеме переноса, что и было

в конце концов принято. Юнг объяснил перенос как частный случай более общего процесса проекции и указал на то, что зачастую перенос оказывается основной проблемой анализа. Особый интерес представил опыт и мастерство аналитика в его столкновении с явлением контрпереноса. Этиология переноса и его всецело спонтанная и ничем не спровоцированная природа образовали в конечном итоге то, что Юнг описывал как трудную и сложную терапию переноса.

Представленный здесь в достаточно сжатом виде экскурс в природу переноса составляет восхитительную прелюдию к его более поздней и более детальной работе по этому предмету. В его более ранних работах о переносе говорилось относительно мало, исключая разве что эссе «Трансцендентная функция», написанное в 1916 году. Последнее было впервые опубликовано только в 1957 году (см. vol. 8 собрания сочинений (CW)). В 1946 году на немецком языке появилась отдельная работа «Психология переноса». Само представление о переносе здесь никак не изменилось, но понимание его природы значительно углубилось. Юнг заново вернулся к этой теме в своей последней большой книге «Mysterium Coniunctionis».

В представляемом здесь обсуждении Юнга попросили объяснить суть используемого им термина *активное воображение* и он дал вполне исчерпывающий ответ. Он описал целенаправленный и творческий характер активного воображения в анализе и продемонстрировал, каким образом это можно использовать терапевтически в комбинации со спонтанной живописью и рисунком. Некоторые из присутствующих были весьма удивлены, узнав, что Юнг постоянно советует своим пациентам выражать себя с помощью кисти и карандаша. Тем самым он утверждал огромную ценность подобного способа творческого самовыражения, в особенности для тех, кто испытывал трудность в том, чтобы облечь свои фантазии в слова, а

кроме того пациенты получали возможность активного соучастия в собственном лечении.

Юнг умер в 1961 году в возрасте восьмидесяти шести лет, то есть, двадцать шесть лет спустя после чтения этих лекций. Его публикации на протяжении всего этого периода были весьма многочисленны и демонстрировали рост и развитие, в особенности по части изучения бессознательного в соотношении с нашим пониманием здоровой и больной психики (сознательного разума). В качестве введения к тем принципам, на которых зиждется вся юнговская работа, представляемые здесь лекции превосходны. Они вполне систематичны и в то же время поданы достаточно неформально и просто, а сама запись его живой речи сообщает непреходящее впечатление присутствия его личности.

Э. А. Беннет

Карл Густав Юнг

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ[17]

Тавистокские лекции

Лондон

30 сентября — 4 октября 1935 г.

[17] Публикуется по книге: C. G. Jung. Analytical Psychology. Its Theory and Practice. The Tavistock Lectures.— London and Henley, 1968.— 224 с

Лекция первая

Председательствующий (д-р Крихтон-Миллер):

Дамы и господа!

Позвольте выразить наше общее приветствие профессору Юнгу, и я рад, что мне предоставлена честь сделать это от вашего имени. Мы ожидали Вашего приезда со счастливым нетерпением уже несколько месяцев, и многие из нас несомненно ждут, что это встреча прольет свет нового знания. Большинство, я убежден, предвкушают этот свет для самих себя. Многие пришли сюда потому, что видят в Вас человека, спасшего современную психологию от опасной изоляции в «сообществе» гуманитарного знания и науки, в которое она была занесена по воле судьбы. Некоторые из нас пришли сюда потому, что мы относимся с почтением и восхищением к той широте видения, с которой Вы смело пошли на союз философии и психологии, союз, столь порицаемый сегодня во многих отношениях. Вы возвратили нам саму идею ценности, само понятие человеческой свободы психологической мысли; Вы дали нам ряд новых идей, которые для многих из нас оказались бесценными, и прежде всего не отказались от изучения человеческой психики в той области, где все науки заканчиваются. За все это и многое другое полезное и известное всем нам независимым друг от друга образом мы глубоко благодарны и признательны Вам и с радостным ожиданием предвкушаем наши встречи.

Профессор Юнг:

Дамы и господа!

Позвольте прежде всего заметить, что мой родной язык не английский, и поскольку мой английский не слишком хорош, я прошу прощения за возможные ошибки.

Итак, моя цель — наметить в общих чертах некоторые фундаментальные понятия психологии. То, что мои лекции главным образом связаны с моими собственными принципами и взглядами, не означает, что я не учитываю значимость вклада других исследователей в этой области. Не переоценивая себя, надеюсь, что мои слушатели в той же мере осознают заслуги Фрейда и Адлера, что и я.

Позвольте прежде кратко изложить смысл программы моих лекций. Две главные темы составляют ее содержание: первая касается понятий, затрагивающих структуру бессознательного и его содержание; вторая содержит методы в исследовании содержания бессознательного. Последняя тема состоит из трех частей: метода словесных ассоциаций, толкования сновидений и метода активного воображения.

Я, конечно, не смогу раскрыть перед вами полностью такие серьезные темы, как, например, философские, религиозные, этические и социальные проблемы, свойственные коллективному сознанию нашего времени, или же процессы коллективного бессознательного и сравнительные мифологические и исторические исследования, необходимые для их разъяснения. Эти темы, казалось бы, не связанные с нашими интересами, тем не менее являются наиболее мощным фактором в создании и регуляции личностных ментальных условий. Они служат также источником разногласий в психологических теориях. Хотя я медик и связан главным образом с психопатологией, я, тем не менее, убежден, что этой частной области психологии может помочь только глубокое, обширное знание о психике в целом. Врач никогда

не должен забывать, что болезни — это нарушенные нормальные процессы. «Подобное лечится подобным» — замечательная истина древней медицины, но, как всякая великая истина, она может стать и великой чушью. Однобокость и узость горизонта — известные невротические свойства.

Что бы я ни сказал вам, все несомненно будет лишь очертанием темы. Я не стану анализировать новые теории, поскольку мой эмпирический темперамент больше стремится к новым фактам, нежели к тому, что могут говорить о них. Хотя, я должен согласиться, это приятное интеллектуальное развлечение. Каждый новый случай для меня—почти новая теория. Я не думаю, что эта точка зрения лишена смысла, особенно если учитывать крайнюю молодость современной психологии, которая, на мой взгляд, еще не покинула своей колыбели. Поэтому время для гениальных теорий еще не наступило.

Порой мне даже кажется, что психология еще не осознала объемности своих задач, а также сложной, запутанной природы своего предмета: собственно «души», психического, psyche. Мы еще только начинаем более или менее ясно осознавать тот факт, что нечто, понимаемое нами как психическое, является *объектом* научного исследования. Из этого следует, что наблюдения и суждения одновременно выступают в качестве *субъекта, инструмента (средства),* при помощи которого мы подобные исследования осуществляем. Угроза возникновения такого мощного порочного круга заставляет быть в этих вопросах крайне осторожным и релятивным, что само по себе часто воспринимается неверно.

Прошу вас принять во внимание, что ограниченное время не позволяет мне представить дополнительные доказательства для подтверждения моих выводов. Итак, я надеюсь на ваше доброе расположение и в свою очередь прекрасно понимаю, что моя первейшая задача — излагать материал как можно яснее.

Психология — в первую очередь и по преимуществу — наука о сознании. Она же и наука о продуктах того, что мы называем бессознательным психическим. Мы не можем непосредственно, «в лоб», изучать бессознательное психическое — у нас с ним нет никакой связи. Мы можем иметь дело только с продуктами психического, которые, как можно полагать, имеют свое происхождение в области, называемой бессознательным, области «туманных представлений», которые философ Кант в своей «Антропологии» называл как наполовину бытующие в мире. Все, что по совести можно сказать о бессознательном, так это лишь то, что сознающему разуму позволительно о нем говорить. Бессознательное психическое, целиком заключающее в себе неизвестную природу, всегда выражалось сознанием и в терминах сознания, но это единственное, что можно делать. Пойти дальше мы не можем, и данное обстоятельство всегда необходимо иметь в виду, как крайнюю меру в критике нашего суждения.

Сознание — предмет чрезвычайно своеобразный. Это явление дискретно по своей природе. Одна пятая или одна третья, возможно, даже одна вторая часть нашей жизни протекает в бессознательном состоянии. Целиком бессознательно раннее детство человека. Каждую ночь мы погружаемся в бессознательное и только в периоды между просыпанием и сном более или менее ощущаем себя в сознательном состоянии. До некоторой степени является проблематичным и сам факт ясности или, иначе, степени (уровня) сознания.

Предполагается, к примеру, что десятилетний мальчик или девочка обладают сознанием, но легко можно доказать, что здесь налицо специфический вид сознания, сознания, в котором рефлексия своего «Я» может не участвовать; сознание *эго* отсутствует. Мне известен ряд случаев у детей от одиннадцати до четырнадцати лет и старше, внезапно осознавших, что «Я есть». Впервые в жизни они стали сознавать, что переживают нечто и

именно как *они;* оглядываясь при этом назад, в прошлое, наполненное столькими событиями и вещами, они тем не менее себя в этом прошлом вспомнить не могут.

Необходимо допустить, что когда мы говорим «Я», то при этом не имеем абсолютного критерия для оценки полноты переживания этого «Я». Посему так и случается, что наше представление (реализация) *эго* весьма фрагментарно, и лишь постепенно, во времени люди узнают все больше и больше о том, что же *эго* означает для человека. Фактически процесс узнавания не имеет конца, длится всю жизнь, во всяком случае мы сами момент конца не фиксируем.

Сознание похоже на поверхность или оболочку в обширнейшем бессознательном пространстве неизвестной степени мерности. Мы не знаем, как далеко простирается власть бессознательного, потому что просто ничего о нем не знаем. Что можно сказать о вещи, о которой не знаешь ничего? Сказать нечего. Когда мы говорим «бессознательное», то часто хотим передать нечто этим термином, но фактически передаем то, что ничего об этом не знаем. У нас есть только непрямые доказательства, что существует ментальная сфера, пребывающая по ту сторону сознания. Есть некоторые научные суждения, приводящие к заключению, что нечто подобное существует. Из продуктов или результатов, которые бессознательный психический мир продуцирует, можно прийти к определенным заключениям относительно его возможной природы. Но необходимо быть крайне осторожным, чтобы не впасть в излишний антропоморфизм в своих заключениях, ибо в действительности вещи могут весьма отличаться от их представлений в нашем сознании.

Если, к примеру, мы видим цвета и слышим звуки, то в действительности это осцилляции, колебания. Фактически нам необходимо иметь лабораторию со сложными устройствами для того, чтобы выстроить картину мира, не зависимую от наших

ощущений и от нашей психики. И я полагаю, что весьма сходным образом обстоит дело и с нашим бессознательным — необходима лаборатория, в которой должно обосновывать объективные методы по оценке действительного положения вещей, составляющих контекст бессознательного.

Помимо всего прочего, сознание характеризуется известной узостью. Оно способно нести в себе весьма малое информационное содержание одномоментно. Все прочее в данный миг осознается, и мы получаем ощущение непрерывности или общего понимания, или осведомленности об осознаваемом мире только через последовательность сознательных моментов. Мы не способны удержать целостный образ, потому что сознание слишком узко, и мы видим только вспышки бытия (существования). Словно наблюдаем мир через узкую щель и видим отдельные моменты, все остальное пребывает в темноте и неизвестности. Внешнее пространство всегда громадно и непрерывно, в то время как пространство сознания — ограниченное поле моментального видения.

Сознание, в значительной степени,— продукт восприятия и ориентации во внешнем мире. Возможно, оно локализуется в церебруме (головном мозгу), имеющем по своей природе эктодермическое происхождение и, вероятно, бывшем кожным органом чувств во времена наших далеких предшественников. Сознание произошло от этой локализации в мозгу, в силу чего сохранило качество ощущения и ориентации. Знаменателен тот факт, что французские и английские психологи XVII и XVIII столетий пытались вывести сознание из ощущений, т. е. представить себе его целиком состоящим из чувственных данных. Это выразилось в известной формуле: «Нет ничего в разуме, что до того не присутствовало бы в ощущениях». Сходное можно обнаружить и в современных теориях. Фрейд, к примеру, не выводит сознание из чувственных данных, но выводит бессозна-

тельное из сознания, оставаясь на той же самой позиции рационализма.

Я ставлю вопрос обратным образом и говорю, что возникающая в сознании вещь вначале с очевидностью не осознается и осознание ее вытекает из неосознанного состояния. В раннем детстве мы все бессознательны; большинство главных функций инстинктивной природы протекает бессознательно, и сознание, скорей всего,— продукт бессознательного. Сознание требует для своего поддержания значительного усилия. Человек устает от пребывания в сознательном состоянии. Он истощается сознанием. Когда наблюдаешь представителей первобытных племен, то можно заметить, что на малейшее раздражение, выводящее их из дремоты, они стараются исчезнуть. Могут сидеть часами неподвижно, когда же их спрашиваешь: «А что вы делаете? О чем думаете?» — они обижаются и говорят: «Только сумасшедшие думают — они держат мысли в своей голове. Мы не думаем». Если же они вообще думают, то, скорее, животом или сердцем. Некоторые негритянские племена уверяют, что мысли находятся в желудке, потому что они осознают только те мысли, которые что-либо телесно беспокоят: печень, почки, кишки или желудок. Другими словами, они осознают только эмоциональные мысли. Эмоции и аффекты всегда сопровождаются явными физиологическими иннервациями.

Индейцы Пуэбло рассказали мне, что все американцы сумасшедшие; и я, разумеется, несколько удивившись, спросил, почему? «Потому что они говорят, будто думают головой. Нормальный здоровый человек не думает головой. Мы думаем сердцем». Они все еще пребывают в гомеровской эпохе, когда диафрагма (френ — разум, душа) считалась местом (центром) психической активности. Это означает психическую локализацию иной природы. Наше понятие о сознании предполагает, что мысль концентрируется в достопочтенной голове. Но индейцы Пуэбло

определяют сознание на основе чувственной интенсивности. Абстрактная мысль для них не существует. Они поклоняются солнцу, и я немного поспорил с ними, высказав слова св. Августина о том, что Бог не есть солнце, но тот, кто сделал солнце. Они не могли принять подобной мысли, так как дальше своих ощущений и чувств пойти не могли. Вот почему их сознание и мысли концентрируются в сердце. Мы в свою очередь психическую активность никак к источнику не адресуем и стоим на том, что сны и фантазии локализуются непосредственно «там внизу», что дает возможность говорить о подсознании, подсознательном разуме, о вещах, располагающихся ниже сознания.

Эти своеобразные локализации играют большую роль в так называемых первобытных психологиях, которые ни в коей мере не следует считать первобытными. К примеру, изучая тантрическую йогу или индусскую психологию, вы найдете наиболее сложно разработанные системы психических пластов, локализаций сознания вверх от области промежности до вершины головы. Эти центры, так называемые *чакры,* можно найти не только в предписаниях и текстах йоги — весьма сходные идеи обнаруживаются в древних немецких алхимических книгах, явно не имеющих ничего общего с йогой.

Важным фактом в области изучения сознания является то обстоятельство, что ничто не может быть осознано без *эго,* к которому стекается весь информационный поток. Если «нечто» не связано *с эго,* то это «нечто» и не осознается. Поэтому сознание можно определить как связь психических факторов с *эго.* Что же такое *эго*? Это комплекс данных, сконструированный прежде всего общей осведомленностью относительно своего тела, своего существования и затем данными памяти; у человека есть определенная идея о своем прошлом бытии, определенные наборы (серии) памяти. Эти и есть две главные составляющие феномена, именуемого *эго.* Поэтому *эго* можно назвать комплек-

сом психических факторов. Этот комплекс обладает огромной энергией притяжения, как магнит; он притягивает содержания из бессознательного, из этой темной неведомой области; он также притягивает впечатления извне, и когда они входят в связь с *эго,* то осознаются. Если же не входят, то осознания не происходит.

Моя идея заключается в том, что *эго* — своего рода комплекс, который мы в себе заботливо взращиваем. Он всегда в центре нашего внимания и наших желаний, он — центр нашего сознания. Если *эго* расщепляется, как это случается при шизофрении, то рушатся все моральные критерии, теряется возможность сознательно воспроизводить действия, так как центр расщеплен и определенные части психического обращаются к одному фрагменту *эго,* а остальные — к другому. Именно поэтому при шизофрении вы часто можете наблюдать быструю трансформацию из одной личности в другую.

В сознании можно различить ряд функций. Функции обеспечивают сознание возможностью получать ориентиры из области эктопсихических и эндопсихических факторов. То, что я понимаю под *эктопсихикой,* есть система связей между содержанием сознания и фактами (данными), идущими из внешней среды. Это система ориентации, которая имеет дело с внешними фактами, получаемыми мною посредством органов чувств. *Эктопсихика* — это система связей между содержаниями сознания и постулируемыми процессами в бессознательном.

Прежде всего мы коснемся эктопсихических функций.

А. Ощущения. Под ощущением я понимаю то, что французские психологи называют «la fonction du reel», что составляет результат моей осведомленности о внешних фактах, получаемых через функции моего сознания. Я думаю, что французский термин наиболее исчерпывающий. Ощущения говорят мне, что не-

что *есть;* они не говорят, *что* это, но свидетельствуют, что это нечто присутствует.

Б. Мышление. Мышление, если спросить философа, представляет собой что-то очень сложное, поэтому лучше его об этом никогда не спрашивать. Философ — единственный человек, который не знает, что такое мышление. Все прочие знают. Когда вы говорите человеку: «а теперь давай подумаем», он точно знает, что имеется в виду. Философ же никогда не знает. Мышление в своей простейшей форме говорит, *что* есть присутствующая вещь. Оно дает имя вещи и вводит понятие, ибо мышление есть восприятие и суждение. (Немецкая психология называет это апперцепцией).

В. Чувство. Здесь многие мыслящие люди смущаются, а иногда и сердятся, когда я начинаю размышлять о чувстве, вероятно потому, что, по их мнению, я говорю при этом ужасные вещи. Чувство с помощью определенной (чувственной) тональности информирует нас о *ценности* вещей. Оно говорит субъекту, что тот или иной предмет стоит для него, какую ценность он представляет. В согласии с этим феноменом невозможно воспринять или помыслить о чем-либо без определенной чувственной реакции. Субъект всегда находится в состоянии определенного чувственного настроения, которые можно легко продемонстрировать в эксперименте. Что касается «ужасной вещи» относительно чувства, то оно, как и мышление, функция *рациональная.* По этому поводу все мыслящие люди абсолютно убеждены, что, напротив, чувство в высшей степени иррационально. Здесь мне остается сказать: потерпите немного и установите для себя ясным тот факт, что человек не может быть совершенен во всех психических проявлениях. И если человек более совершенен в мышлении, то ему явно недостает чувственности; эти две функции мешают друг другу и каждая притормаживает другую. Поэтому, скажем, если вы желаете размышлять бесстрастным

образом — научно или философски, то должны избавиться от каких-либо чувственных оценок. Очевидно, пара объектов, рассмотренных с чувственной точки зрения, будет различаться не только *фактически,* но и в *ценностном* отношении. Оценки не являются якорями для интеллекта, но они существуют, реализуясь как важная психологическая функция. И если вы хотите иметь полную картину мира, то необходимо принять во внимание и оценки. Если этого не сделать, то есть риск попасть в беду. Многие люди рассматривают чувство как наиболее иррациональное психическое явление. Поэтому каждый убежден, особенно в Англии, что следует контролировать свои чувства. Я вполне согласен с тем, что это хорошая привычка, и восхищаюсь англичанами за такую их способность. Но чувства все же существуют: я видел людей, которые великолепно управляются со своими чувствами, и тем не менее последние их ужасно беспокоят.

Г. Интуиция. Ощущения говорят нам, что *нечто* существует. Мышление определяет это *нечто.* Чувство информирует нас о его ценности. Предположим, имеется полная картина мира, когда человек знает: вещь существует, что это за вещь, насколько она ценна. Но есть еще другая категория — время. Вещи имеют свое прошлое и будущее. Они откуда-то появляются, куда-то убывают, и трудно с уверенностью сказать, откуда они возникли и куда скроются; и все же при этом у человека есть некое чувство, которое американцы называют (hunch) предчувствием. Допустим, вы связаны с продажей антиквариата и у вас появляется предчувствие, что некий предмет изготовлен прекрасным мастером в 1720 году, у вас предчувствие, что это хорошая работа. Или, положим, вы не предполагаете, что будет с вашими акциями, но у вас есть предчувствие, что они поднимутся. Это интуиция, мистическое свойство, некий чудный дар. Например, вы знаете, что у вашего пациента есть какое-то болезненное воспоминание, но вот вам «приходит в голову», у вас «возникает

определенное чувство». Мы говорим так, потому что обычный язык не имеет подходящих определений. Слово «интуиция» становится все более употребимым в английском. Немцы же не могут «ощутить» лингвистической разницы между «ощущением» и «чувством». Иначе во французском: вы можете сказать, что у вас некоторые «sentiment dans l'estomac», или вы скажете «sensation». У англичан существует различие, но они с легкостью могут спутать feeling and intuition. Поэтому я предпринял здесь такое, почти искусственное разграничение, хотя исходя из практических целей, очень важно сделать такое разделение в научном языке. Употребляя термин, мы должны определить его значение, в противном случае мы будем говорить на невразумительном языке, а для психологии это просто несчастье. В повседневной речи, когда один человек говорит «чувство», он может подразумевать нечто полностью противоположное, нежели другой, говорящий о том же. Некоторые психологи используют понятие «чувство», определяя его как «ущербную», «хромую» мысль. Определение «чувство — не что иное, как незаконченная мысль» принадлежит известному ученому. Но чувство — это нечто подлинное, реальное, это функция, и поэтому у нас есть слово для его обозначения. Инстинктивный природный разум всегда находит слова для обозначения реально существующих вещей. Только психологи изобретают слова для несуществующих предметов. Многим интуиция покажется чем-то весьма колдовским: кстати, в отношении меня некоторые говорят, что я очень мистичен. В этом смысле интуиция — одна из составляющих моего мистицизма. Данная функция позволяет видеть круглые углы, воспроизвести которые обычному человеку невозможно, однако есть специалисты по этой части. Живя в четырех стенах и выполняя рутинную работу, к интуиции не прибегают, но она очень нужна, скажем, при охоте на носорогов или тигров в Африке. Предчувствие в таком деле часто стоит жизни.

Интуицией пользуются изобретатели и судьи. Там, где бессильны понятия и оценки, мы целиком зависим от дара интуиции.

Добавлю еще, что интуиция есть особый вид восприятия, которое не ограничивается органами чувств, а проходит через сферу бессознательного. Но здесь я вынужден остановиться и сказать: «Как действует эта функция, я не знаю». Я не знаю, что происходит, когда человек знает то, что он определенно знать не может. Я не знаю, как это у него получается, но получается неплохо, и он в состоянии действовать. Так, «вещие» сны, феномен телепатии и прочие подобные вещи — это интуиция. Я наблюдал их и убежден — они существуют. Вы можете видеть их также у первобытных племен. Вы можете видеть их, если внимательны к этим процессам, которые как-то работают через подсознание, поскольку чувственное восприятие настолько слабо, что наше сознание не может получить их. Иногда, например в случае cryptomnesia[18], что-то подкрадывается к вашему сознанию: вы улавливаете намек, но до того, как вы его получите, это всегда что-то бессознательное, будто «свалившееся с небес». Немцы называют это Einfall, что означает вещь, пришедшую вам в голову из «ниоткуда». Это похоже на откровение. Действительно, интуиция — природная, естественная функция, совершенно нормальная и необходимая вещь, которая компенсирует то, что вы не можете ощутить, почувствовать или осмыслить из-за недостатка реальности. Видите ли, прошлое уже не реально, а будущее не так реально, как мы думаем. Поэтому мы должны благодарить небеса за такую функцию, которая проливает некоторый свет на окружающие нас вещи. Врачи, часто сталкиваясь с незнакомыми ситуациями, серьезно нуждаются в интуиции. Множество верных диагнозов приходят благодаря этой таинственной функции.

[18] Дословно — потаенная память, т. е. память, скрытая от самого ее носителя. (Прим. перев.).

Психологические функции обычно контролируются волей, во всяком случае, мы надеемся, что это так, потому что боимся всего, что «само по себе». Когда же функции контролируются, их можно подавлять, отбирать, усиливать, они могут направляться волей, умыслом. Однако функции могут действовать и непроизвольно — думать, чувствовать за вас, так что вы даже не сможете остановить их. Или же они функционируют бессознательно, вы не догадываетесь об этом, хотя перед вами может предстать результат чувственного процесса. «Просто вы были раздражены, и поэтому отреагировали именно так». Положим, вы настолько бессознательны, что чувствовали именно так; тем не менее это наиболее вероятная реакция. Психологические функции, как и чувственные, обладают специфической энергией. Вы не можете избавиться от чувств, мыслей. Никто не может сказать: «Я не буду думать»,— несомненно, он думать будет. Нельзя сказать: «Я не буду чувствовать»,— люди чувствуют благодаря выражению специфической энергии, заключенной в каждой функции, энергии, которая не может видоизменяться.

Конечно, можно иметь предпочтения. Люди мыслящие предпочитают думать и адаптируются таким путем. Другие, у которых развита чувственная функция, общительны, для них важны моральные критерии, они великолепно режиссируют чувственные ситуации и живут ими. Человек с развитой наблюдательностью будет пользоваться главным образом своими ощущениями и т. д. Доминирующая функция определяет в индивиде его собственный психологический тип. Например, если человек пользуется в основном своим интеллектом, его можно отнести к так называемому «безошибочному» типу. Отсюда мы можем проследить местоположение чувства в структуре психики: когда мышление — доминантная функция, чувство неизменно занимает подчиненное положение. То же правило применимо к трем другим функциям. Я объясню это с помощью диаграммы.

Расположим функции крестообразно (рис. 1). В центре поместим *эго* (E), которое обладает определенной энергией. Эта энергия и есть сила воли. В случае мыслительного типа эта сила может быть направлена к мышлению (T). Тогда мы должны расположить *чувства* (F) — внизу, под T, поскольку в этом случае F — *подчиненная функция*. Это следует из того, что, когда вы думаете, то должны исключить чувства, и наоборот. Когда вы думаете, оставьте ваши чувства и чувственные оценки. Чувства наиболее разрушительны для ваших мыслей. Эти две функции отрицают друг друга. То же происходит с *ощущением* (S) и *интуицией* (I).

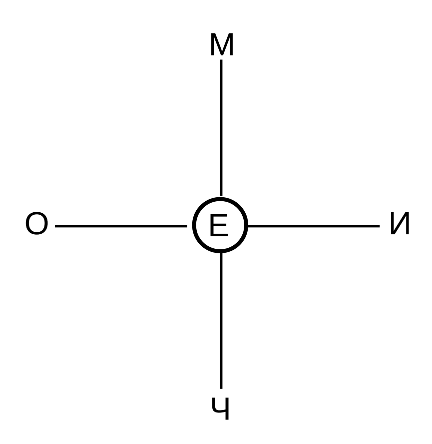

Рис. 1. Функции

Наблюдая за человеком в режиме ощущения, вы заметите, что его особенностью является концентрация взгляда на каком-нибудь предмете, точке. Если же вы проследите за выражением глаз человека интуитивного типа, то поймете — он не смотрит, он окидывает взглядом предметы в поле своего зрения, выбирая один. Это и есть предчувствие. Обладая интуицией, вы обычно не вдаетесь в детали, стараясь воспринять ситуацию в целом, и тогда, внезапно, нечто вырисовывается из этого целого. Если же ваша

основная функция — ощущения, вы будете лишены интуиции только потому, что нельзя делать «два дела сразу». Это достаточно сложно, поскольку принцип одной функции исключает действие другой. Именно поэтому я и поместил их противоположно друг другу. Итак, с помощью этой простой диаграммы вы можете прийти к важным выводам, касающимся сознания. Например, если вы находите, что мышление сильно дифференцировано, то оказывается, что чувства не дифференцированы. Что это значит? Означает ли это, что у таких людей нет чувств? Напротив. Они говорят: «У меня сильные чувства. Я переполнен эмоциями. Я темпераментен». Эти люди во власти своих эмоций, они пойманы эмоциями. Если вы, к примеру, изучаете частную жизнь интеллектуала и хотите знать о его поведении дома, спросите об этом его жену — она сможет рассказать вам презабавные истории!

Чувствующий тип в естественном состоянии никогда не будет утруждать себя мыслью. Мышление возникает как следствие невротизирующего воздействия; в этом случае оно носит навязчивый характер. Наш герой остается в норме, но он полон необычайными идеями и убеждениями. Мышление захватило его и подчинило себе, и он не может выпутаться из этого, поскольку его мысли неподвижны. С другой стороны, интеллектуал, захваченный своими чувствами, говорит: «Я просто это чувствую»,— чему трудно возразить. Но когда он полностью погружен в свои эмоции, возникает вопрос: «Сможет ли он оттуда выбраться?» Он не сможет до конца оправдать свои чувства, если же это ему удается, он ощутит собственную неполноценность.

Подобное происходит с людьми, относящимися к *интуитивному* типу и типу *сенситивному (ощущающему).* Интуитив всегда озабочен сущностью вещей; он обманывается в своих представлениях о реальности; не использует предоставляемые ему возможностей. Это человек, который возделывает поле и,

не дождавшись созревшего урожая, переходит на другое. За ним остается возделанное поле, впереди — новые надежды, но из всего этого ничего не выходит. Сенситивный (ощущающий) человек всегда остается в данной реальности. Для него истинно то, что реально. Вспомните, что означает реальное для интуитива: это неправда, этого не будет, будет что-то другое. Когда же ощущающий человек не имеет своей реальности — четырех стен, в которых он может жить,— он болен. Дайте четыре стены интуитиву, и единственное, что будет занимать его, как оттуда выбраться. Для него любая обусловленная ситуация — это тюрьма, из которой необходимо в кратчайший срок выйти навстречу новым возможностям.

Эти различия играют неоценимую роль в практической психологии. Не думайте, что я раскладываю людей по полочкам, определяя: «Это интуитив, а это мыслительный тип». Меня часто спрашивают: «Не относится ли такой-то к мыслительному типу?» И я отвечаю, что никогда об этом не думал, и на самом деле это так. Не имеет смысла навешивать ярлыки, однако когда у вас есть большой эмпирический материал, необходимы упорядоченные принципы для его классификации. Без преувеличения скажу, что для меня крайне важно привести материал в порядок. Это особенно может пригодиться, когда вы представляете кому-либо смущенных, обеспокоенных пациентов, или представляете мужа жене, и наоборот. Всегда полезно иметь такие объективные критерии, в противном случае все остается на уровне «он сказал — она сказала».

Как правило, подчиненная функция не обладает свойствами сознательной дифференцированной функции. Последняя, как правило, регулируется намерением и волей. Если вы настоящий мыслитель, вы в состоянии направлять свое мышление волей, вы можете контролировать свои мысли, говоря себе: «Я могу думать иначе, думать обратное». Чувствующий тип никогда не сделает

так, поскольку не может отделаться от своих мыслей. Мысли владеют им, прельщают его, и он боится их. Его чувства архаичны, и он сам, как древний человек,— беспомощная жертва своих эмоций. Именно по этой причине первобытный человек старался не тревожить чувств своих соплеменников — это было опасно. Многие наши обычаи объясняются такой «архаичной учтивостью»: не принято, обмениваясь рукопожатием, держать другую руку в кармане или за спиной. Вы должны показать, что в ваших руках нет оружия. Восточное приветствие, поклон с воздетыми кверху руками, означает то же. Преклоняясь к ногам другого, вы показываете свою полную беззащитность и полную в него веру. Изучая поведенческие символы первобытных народов, вы поймете их страх перед соплеменниками. Так же мы боимся своих подчиненных функций. Представьте типичного интеллектуала, который боится влюбиться. Вам его страх покажется глупым, но, скорее всего, он прав. Где гарантия того, что, влюбившись, он не наделает глупостей. И он наверняка окажется в ловушке, его чувства среагируют именно на архаичный или опасный тип женщин. Именно поэтому интеллектуалы склонны вступать в неравный брак. Они не подозревают о своих архаических чувствах, и их часто ловят квартирные хозяйки или кухарки. Драма скрыта в их чувствах. Они не боятся сражаться интеллектом, но что касается чувств, их легко победить, обвести вокруг пальца, и они знают это. Поэтому никогда не «давите» на чувства человека, если он интеллектуал. Он готов к опасности и контролирует ситуацию.

Этот закон применим ко всем другим случаям. Подчиненная функция всегда ассоциируется в нас с архаической личностью. В этой функции мы всегда — первобытные люди. В дифференцированных функциях мы цивилизованны, предположительно обладаем свободой выбора. Ничего подобного нет в функциях подчиненных. Здесь у нас есть лишь открытая рана, или по край-

ней мере открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все, что угодно.

Теперь рассмотрим *эндопсихические* функции сознания. Функции, о которых я сказал выше, управляют или помогают нашей сознательной ориентации во взаимоотношениях с внешней средой; но они неприменимы в отношении вещей, составляющих нижнюю область *эго*. *Эго* — это всего лишь кусочек сознания, плавающий по океану темных вещей. Эти темные вещи суть внутренние вещи. На внутренней стороне находится пласт психических событий, формирующих нечто вроде края, каймы сознания вокруг *эго*. Проиллюстрируем это на рис. 2.

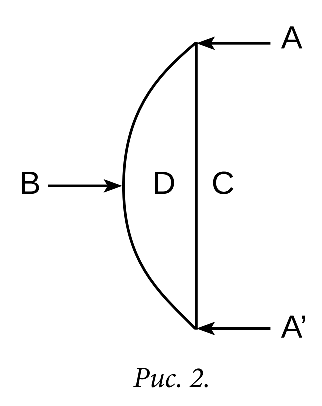

Рис. 2.

Положим AA' порогом сознания, тогда *D* будет областью сознания, относимой к эндопсихическому миру *B*, миру, управляемому функциями, о которых мы только что говорили. С другой стороны, в *C* находится мир *теней*. Там *эго* отчасти темное, мы не можем заглянуть в него, мы загадка самим себе. Мы знаем *эго* только в *D*, но не в *C*. Поэтому всегда обнаруживаем в себе что-то новое. Мы часто думаем, что открывать дальше уже нечего, но это вовсе не так. Обнаруживая себя в одном, другом, десятом и т. д., мы приобретаем удивительный опыт. Он показывает, что часть нашей личности (неосознанной) находится в стадии ста-

новления; мы не закончены, следовательно растем и изменяемся. При этом, однако, та, будущая личность, которая возникнет, положим, через год, уже здесь, только пока еще она в *тени. Эго,* таким образом, Е напоминает движущийся кадр фильма. Будущая личность еще не видна, но движение происходит, и в настоящем мы строим будущее бытие. Потенциалы, заложенные в личности, принадлежат темной стороне *эго.*

Поэтому первая функция эндопсихической стороны – память. Функция памяти, или воспроизведения, связывает нас с вещами, ставшими подсознательными — подавленными, вытесненными или отброшенными. То, что мы называем памятью,— это дар и способность репродуцировать бессознательные содержания, и это — главная функция, ясно различимая во взаимосвязи между нашим сознанием и содержаниями, которые в действительности не существуют перед нашим взором.

Следующая эндопсихическая функция несколько сложней для понимания. Здесь нам приходится нырять в глубину, так как мы подходим к темной области. Сначала сформулируем само понятие: *субъективные компоненты сознательных функций.* Поясню. Когда вы встречаете какого-либо человека, которого до того не встречали, то, естественно, что-то о нем думаете. И не всегда думаете то, что можно было бы сказать ему тотчас же; возможно и так, что то, что вы думаете, неверно и в действительности не имеет места. Ясно, что налицо субъективная реакция. Подобное может происходить с любыми объектами и ситуациями. Любое действие сознательной функции, каков бы ни был объект, всегда сопровождается субъективными реакциями, в той или иной степени непозволительными, несправедливыми и неточными. Нечто подобное каждый отмечал в самом себе, и, вероятно, каждый предпочел бы не оказаться субъектом такого переживания. Посему человек предпочитает оставлять такие

размышления в тени — это помогает утверждать собственную невинность, честность и прямоту.

Реакции подобного рода я называю субъективными компонентами. Последние являются важной составляющей во взаимоотношении с внутренней стороной *эго.* И весьма болезненны. Поэтому мы не любим вторгаться в мир *тени.* Человек не любит созерцать тень самого себя, поэтому многие люди нашего цивилизованного общества стремятся избавиться от нее, потерять ее полностью. С потерей тени, как правило, утрачивается тело. Тело — друг сомнительный, так как производит вещи, которые нам не всегда нравятся; существует также ряд вещей, связанных с телом, о которых стремятся не упоминать. Само тело является персонификацией тени *эго.* Иногда оно просто сущий скелет в шкафу, от которого каждый, естественно, хочет избавиться. Сказанного, вероятно, достаточно для пояснения понятия субъективных компонентов. Как правило, это некоторая предрасположенность действовать определенным образом, и часто такая предопределенность носит недоброжелательный характер. Из этого определения есть только одно исключение: люди, которые вечно попадают впросак, постоянно оказываются причиной беспокойства для других, поскольку они живут своей собственной тенью, своей собственной противоположностью. Это те самые люди, которые вечно опаздывают на концерт или на лекцию и, являясь ко всему прочему весьма скромными и не желая тревожить других, прокрадываются в самый конец зала, по дороге роняя стул, и,— о, ужас! — в результате нелепица шума и вынужденного общего негативного внимания.

Теперь мы подходим к третьему эндопсихическому компоненту — в этом случае уже трудно говорить о функции. О последней еще можно говорить в случае памяти, но даже и память лишь до определенной степени послушна воле и контролируема. Очень часто она крайне самоуправна и напоминает капризную

лошадь. Бывает, что она просто отказывается работать. В этом смысле субъективные компоненты и реакции еще более неуправляемы.

Но дело обстоит совсем плохо, когда мы имеем дело с эмоциями и аффектами. Тут становится ясно, что они никакие не функции, а просто события, потому что в эмоции, как обозначает само слово (e-motion — англ. «сдвигаться»), вы сдвигаетесь прочь, вы выбрасываетесь — благопристойное эго регрессирует, отходит в сторону и его место занимает нечто другое. Мы говорим: «В него вселился бес», или «Он вышел из себя», или «Что на него сегодня нашло?», так как он напоминает человека, который одержим. Первобытный человек не скажет, что он сердит без меры; он говорит, что дух вошел в него и полностью изменил. Нечто подобное случается с эмоциями. Вас что-то держит, вы больше не вы, и ваш самоконтроль сведен практически к нулю. Это и есть то состояние, когда внутренняя сторона психики человека завладевает им, чему он не в силах помешать. Конечно, он может сжать кулаки и сохранить спокойствие, но тем не менее в данный момент им владеет тень.

Четвертый, важный эндопсихический фактор я называю *инвазией,* или *вторжением.* Здесь теневая сторона, сфера бессознательного, имеет полный контроль и может даже нарушить условия существования сознания. Сознательный контроль в подобных случаях — наименьший. Сюда относятся и те состояния человеческой жизни, которые необязательно называть патологическими, они патологичны лишь в старом смысле этого слова, когда патология означала науку страстей. Любой может лишиться сознания более или менее «нормальным» образом. Подобные вещи считаются совершенно естественными среди первобытных народов. Они, к примеру, говорят о дьяволе или духе, вошедшем в человека, или о его душе, покинувшей тело — одной из его разных душ,— часто насчитывающихся до шести. Когда

душа покидает человека, он оказывается в неустойчивом состоянии, поскольку лишается себя и вынужден страдать от утраты. Подобное можно часто наблюдать и у пациентов-невротиков. Время от времени они вдруг теряют энергию, теряют себя. Этот феномен сам по себе не патологичен, но если такие явления становятся привычными, мы вправе говорить о неврозе. Подобные вещи ведут к неврозам, однако у нормальных людей также бывают такие исключительные состояния. Иметь непреодолимые эмоции — само по себе не патология, просто это нежелательно. Пограничные явления не патологичны, но могут привести к неврозу.

Обсуждение первое

Д-р Джеймс Хэдфилд:

В каком смысле вы употребляете слово «эмоция»? То, что вы называете «чувством», у нас многие считают эмоцией. Придаете ли вы понятию «эмоция» какое-то особое значение или же нет?

Профессор Юнг:

Хорошо, что вы задали этот вопрос, поскольку употребление слова «эмоция» связано со множеством ошибок и недоразумений. Естественно, каждый волен пользоваться словами по своему усмотрению, но в научном языке следует придерживаться четких разграничений, так, чтобы каждый понимал, о чем идет речь. Если вы помните, я определил «чувство» как функцию оценки и не связываю с ним никакого особого значения. Я считаю, что чувство является функцией рациональной, если оно дифференцировано. Когда же оно не дифференцировано, что порой и случается, тогда ему присущи архаические свойства, которые можно сформулировать как «неразумные». Однако сознательное чувство — это рациональная функция, обеспечивающая различение ценностей.

Если вы изучаете эмоции, то обязательно заметите, что само слово «эмоциональный» применяется для описания состояний, характеризующихся физиологическими иннервациями. Поэтому эмоции до определенной степени поддаются измерению, не в психическом аспекте, а в своей физиологической части. Вам известна теория аффектов Джемса-Ланге[19]. Я рассматриваю эмоцию как аффект, эмоция — это тоже самое, когда «нечто воздействует на вас». Это «нечто» вмешивается в вашу жизнь и что-то делает с вами. Эмоция — это такая вещь, которая уводит вас прочь. Вы оказываетесь выброшенными из самих себя куда-то словно после взрыва. В тот же самый момент можно наблюдать и специфически выраженное физиологическое состояние. Вот тут-то налицо и различие: чувство не имеет физических или физиологических проявлений, в то время как эмоция характеризуется измененным физиологическим состоянием. Согласно теории аффектов Джемса-Ланге вы действительно оказываетесь в эмоции лишь в том случае, если сами замечаете физиологическое изменение своего состояния. Это наиболее заметно в ситуации, когда вы по всему должны разгневаться. Вы знаете, что сейчас рассердитесь, затем чувствуете, как кровь приливает к голове, и лишь тогда — но никак не раньше — вы действительно оказываетесь разгневанными. До этого вы всего лишь знаете, что сейчас разозлитесь, но как только кровь ударяет в голову, вы оказываетесь во власти собственного гнева, ибо само тело начинает реагировать, и поскольку вы осознаете, что возбуждены, вас это гневит вдвойне. Теперь вы уже на самом деле охвачены эмоцией. Но когда вы испытываете чувство, то сохраняете контроль. Вы вполне владеете ситуацией и можете сказать: «У меня заме-

[19] Эта теория была независимо друг от друга разработана Уильямом Джемсом и датским физиологом Ланге, поэтому ее обычно связывают с именами обоих ученых.

чательное чувство» или же: «Отвратительное чувство по этому поводу». Все спокойно, ничего не происходит. Например, вы можете совершенно спокойно и вполне вежливо сообщить кому-то, что ненавидите его. Но если вы говорите об этом со злобой, то значит вы во власти эмоции. Спокойные слова не вызовут ни у вас, ни у вашего собеседника прилива эмоций. Эмоции чрезвычайно заразительны, они являются реальными носителями умственной инфекции. Например, если вы находитесь в толпе, охваченной эмоциональным возбуждением, то вряд ли сможете себе чем-то помочь — вами также завладевает сходная эмоция. А вот чувства других людей вас совершенно не волнуют, поэтому не удивительно, что дифференцированный чувствующий тип обычно охлаждает ваш пыл, в то время как эмоциональная личность подогревает вас своей непрерывной горячностью. Вы видите само пламя этой эмоции на его лице, а это затрагивает вашу симпатическую систему, и вскоре нечто подобное происходит и с вами. С чувствами все происходит иначе. Все ли понятно из того, что я сказал?

Д-р Генри В. Дике:

Могу ли я в продолжение этого вопроса спросить, какова, на ваш взгляд, связь между аффектами и чувствами?

Профессор Юнг:

Все зависит от степени. Если для вас что-то чрезвычайно ценно, то в определенный момент это может перерасти в сильную эмоцию; и именно тогда, когда интенсивность, которая вызывает физиологическое возбуждение, достигнет определенной степени. Вероятно, все умственные процессы вызывают незначительные физиологические отклонения, которые, однако, столь невелики, что у нас нет средств их обнаружить. А вот для измерения эмоций, по крайней мере, их физиологического аспекта, у нас есть прекрасный метод, основанный на психогальваническом

эффекте[20]. Суть последнего состоит в том, что под влиянием эмоций падает электрическое сопротивление кожи. Под действием чувств этого не происходит.

Приведу один пример. В бытность моей работы в клинике я со своим тогдашним профессором провел следующий эксперимент. Он отвечал на вопросы моего теста, будучи подключенным к аппарату, измеряющему психогальванический эффект. Я попросил его вообразить себе нечто крайне неприятное и весьма болезненное, то, о чем мне ничего не известно. Он это сделал. Он был прекрасно знаком с экспериментами подобного рода, к тому же наделен высокой способностью к концентрации; когда он фокусировал на чем-либо свое внимание, сопротивление кожи практически не изменялось, сила тока совершенно не увеличивалась. Затем у меня возникло некоторое предчувствие. В одно утро я заметил, что происходит нечто такое, что должно быть чертовски неприятно моему шефу. И я подумал: «Надо попробовать», и попросту сказал ему: «Дело, случайно, не в том-то и том-то?» — и назвал одно имя. Мгновенно произошел всплеск эмоций. Это была *эмоция,* в то время как предшествующей реакцией было *чувство.*

Интересно, что истерическая боль не вызывает сужения зрачков и не сопровождается физиологическим возбуждением, хотя это весьма сильная боль. Но боль физическая обязательно вызывает сужение зрачков. Можно испытывать сильное чувство и никакого физиологического изменения, но как только такое изменение происходит, то вы уже не владеете собой, вы утрачиваете свою целостность, будучи выброшенными из собственного дома, и дом готов к тому, чтобы в него вселился дьявол.

---

[20] Юнг, Петерсон. Психологические исследования с гальванометром и пневмографом у нормальных и душевнобольных людей (1907); Юнг, Рикшер. Дальнейшие исследования гальванического феномена и дыхания у нормальных и душевнобольных людей (1907). Обе работы вошли в кн.: Jung CG. C.W.— Vol.2. Experimental Researches.

Д-р Эрик Грэхэм Хоу:

Не можем ли мы сравнить эмоцию и чувство соответственно с волевым началом и познанием? Чувство соответствует познанию, а эмоция сопоставима с волевым усилием.

Профессор Юнг:

С философской точки зрения — да. У меня нет возражений.

Д-Р Хоу:

Могу ли я сделать еще один краткий комментарий? Мне кажется, что ваши четыре функции — ощущение, мышление, чувство и интуиция — соответствуют одно-, двух-, трех- и четырехмерной классификации. Вы сами воспользовались словом «трехмерное» по отношению к человеческому телу; кроме того, вы сказали, что интуиция отличается от остальных трех функций тем, что включает в себя время. Не следует ли из этого, что она соответствует четвертому измерению? В этом случае я полагаю, что «ощущение» соответствует одномерной, «перцептивное познание» — двухмерной, «концептуальное познание» (которое, возможно, соответствует вашему «чувству») — трехмерной, а «интуиция» — четырехмерной системе координат.

Профессор Юнг:

Это не лишено смысла. Поскольку интуиция иногда кажется функционирующей так, словно нет пространства, а иногда так, словно нет времени, то можно сказать, что я ввел своего рода четвертое измерение. Но не следует при этом заходить слишком далеко. Понятие четвертого измерения не дает новых фактов. Интуиция иногда напоминает «машину времени» Герберта Уэллса. Вспомните эту машину со специальным двигателем, которая, когда вы в нее усаживаетесь, перемещает вас во времени, вместо того чтобы переместить вас в пространстве. У нее четыре цилиндра, три из которых видны хорошо, а четвертый — весьма неотчетливо, ибо он представляет временной аспект. Я

извиняюсь за возможно не слишком удачное сравнение, но интуиция в каком-то смысле подобна этому четвертому цилиндру. Существует такой феномен, как бессознательное восприятие, или восприятие, способы которого мы не осознаем. Имеется эмпирический материал, который подтверждает существование этой функции. Даже как-то неловко за такие вещи: мой интеллект хотел бы увидеть вселенную ярко очерченной, без каких бы то ни было темных закоулков, но космос полон подобными хитросплетениями. И тем не менее в интуиции я не вижу ничего мистического. Можете ли вы, например, с полной ясностью ответить на вопрос, что заставляет некоторых птиц преодолевать огромнейшие расстояния, или объяснить поведение гусениц, бабочек, муравьев или термитов? Здесь возникает множество вопросов. Или взять хотя бы факт наибольшей плотности воды при температуре 4 °C. Почему происходит именно так? Почему энергия имеет квантовую природу? Имеет, и все, и пусть это смешно или глупо, но с этим ничего не поделаешь. Вспоминается старый как мир вопрос: »Почему Бог создал мух?» — Просто создал, и все.

Д-р Уилфред Р. Байон:

Почему, проводя эксперимент с профессором, вы попросили его подумать о чем-то болезненном для него, а вам не известном? Как вы считаете, имеет ли какое-то значение тот факт, что при повторном эксперименте он понимал, что вам что-то известно о неприятном для него случае, и это вызвало различие в эмоциональной реакции, наблюдавшейся в двух описанных вами случаях?

Профессор Юнг:

Да, безусловно. Моя идея строилась на том, что для меня более приемлемо, если я знаю, что мой партнер ничего не знает; если же мне известно, что и ему об этом известно, это совсем другое дело, последнее было для меня неприемлемым. В жизни

каждого врача есть такие неприятные случаи, о которых коллегам лучше не знать. Я был почти уверен, что он взорвется, как мина, как только я намекну ему о том, что я в курсе дела. И он действительно взорвался. Таковы были мои соображения на этот счет.

Д-р Эрик Б. Штраус:

Не мог бы доктор Юнг прояснить, что он имеет в виду, когда называет чувство рациональной функцией? Еще я не совсем понял, что доктор Юнг имеет в виду под чувством как таковым. Большинство из нас, употребляя термин «чувство», имеют в виду некоторые полярные качества, типа удовольствия, боли, напряжения и расслабления. Далее, доктор Юнг считает, что различие между чувством и эмоцией заключается лишь в степени. Если дело всего лишь в степени, почему тогда он располагает их, так сказать, по разные стороны границы? И наконец, доктор Юнг считает, что одним из критериев, или даже основным критерием, является тот факт, что, в отличие от эмоций, чувство не сопровождается физиологическим изменением. Как мне кажется, эксперименты, проведенные профессором Фрейндлихером (Freudlicher)[21] из Берлина, ясно показали, что простые чувства (удовольствие, боль, напряжение и расслабление) на самом деле сопровождаются физиологическими изменениями; так, например, с помощью современной аппаратуры можно очень точно зарегистрировать сопутствующие чувствам изменения кровяного давления.

Профессор Юнг:

Это правда, что чувства, если они носят эмоциональный характер, сопровождаются физиологическими эффектами; однако безусловно есть и такие чувства, которые не вызывают из-

[21] Возможно, это ошибка стенографиста: скорее всего имеется в виду Якоб Фрейндлих, проводивший эксперименты с электрокардиограммами: см. его статью в Deutsches Archiv für klinische Medizin (Berlin), 177:4 (1934).

менений в физиологическом состоянии. Эти чувства имеют не эмоциональную, а четко выраженную умственную (mental) природу. Это то различие, которое я провожу. Поскольку чувство является оценочной функцией, легко понять, что это вовсе не физиологическое состояние. Это может быть нечто столь же абстрактное, как и мышление. Вы ведь не считаете абстрактное мышление физиологическим состоянием. Термин «абстрактное мышление» говорит сам за себя. Дифференцированное мышление рационально; точно так же может быть рациональным и чувство, несмотря на тот факт, что многие люди вовлечены во всеобщую терминологическую путаницу.

Нам нужно найти какое-то слово для обозначения оценочной функции. В отличие от прочих, термин «чувство» является вполне подходящим. Конечно, вы можете подобрать любое другое слово, необходимо лишь оговорить это особо. Я вовсе не возражаю, если бы большинство мыслящих людей пришло к выводу о том, что «чувство» является неудачным наименованием данной функции. Если вы говорите, что предпочтительней использовать другой термин, так, будьте добры, найдите его, ибо факт остается фактом: оценочная функция существует, и поэтому мы должны ее как-то назвать. Обычно ощущение ценности передается словом «чувство». Однако я вовсе не намерен цепляться за термины. В этом отношении я абсолютно либерален. Просто, употребляя тот или иной термин, я всегда сначала даю определение того, что в данном случае имею в виду. Если кому-то хочется считать, что чувство — это эмоция или причина повышения кровяного давления, у меня нет возражений. Но я вкладывю в это слово иное значение. Если люди придут к выводу, что в предложенном мной смысле употреблять слово «чувство» нельзя, я тоже не буду возражать. В немецком языке есть слова Empfindung и Gefühl. Если вы почитаете Гете или Шиллера, то заметите, что и поэты путают эти два понятия. Немецкие психологи уже давно настаивают

на том, что слово Empfindung для обозначения чувства употреблять нельзя. Они предлагают называть словом Gefühl (чувство) оценочную функцию, а словом Empfindung — ощущение. В наши дни уже никто из психологов не скажет: «чувства моих глаз, ушей или кожи». Люди, конечно, говорят, что у них есть чувство в большом пальце или в ухе, но в научном языке это уже невозможно. Если отождествлять эти два понятия, то можно было бы выразить словом Empfindung состояние высшей экзальтации, однако это будет похоже на то, как, например, француз скажет «les sensations les plus nobles de l'amour»[22]. Над ним будут смеяться. Это прозвучит шокирующей бессмыслицей!

Д-р Эдвард А. Беннет:

Вы считаете, что доминирующая функция у человека, страдающего маниакальной депрессией, осознается в период депрессии?

Профессор Юнг:

Я бы этого не сказал. Наблюдая случаи маниакальной депрессии, вы вполне можете обнаружить, что в маниакальной фазе превалирует одна функция, а в депрессивной — другая. Например, живые, милые, сангвинистичные и добродушные люди в маниакальной фазе, ни о чем слишком не раздумывающие, внезапно становятся весьма задумчивыми, как только начинается депрессия, их начинают обуревать навязчивые мысли, и наоборот. Я знаю несколько случаев интеллектуалов, склонных к маниакальной депрессии. В маниакальной фазе они свободно мыслят, весьма продуктивны, ясны и абстрактны. Затем наступает депрессивная фаза, и у них появляются навязчивые чувства, их преследует ужасное настроение, именно настроение, но не мысли. Все это, конечно, психологические тонкости. Лучше всего наблюдать эти процессы у людей лет сорока или чуть старше,

[22] «Благороднейшее ощущение любви».— Ред.

которые долгое время вели специфически интеллектуальный образ жизни, или же жили чувствами, ценностями, но внезапно все перевернулось с ног на голову. Есть целый ряд интересных случаев подобного рода. Имеются замечательные литературные иллюстрации, например Ницше. Это наиболее впечатляющий пример психологической метаморфозы в среднем возрасте. В молодые годы Ницше мыслил во французском афористическом стиле, однако позднее, в возрасте тридцати восьми лет, при написании «Так говорил Заратустра» его охватило дионисийское неистовство, полностью отрицающее все, что было написано раньше.

Д-р Беннет:

А меланхолия не экстравертна?

Профессор Юнг:

Так нельзя сказать, поскольку это вещи не соизмеримые. Сама по себе меланхолия может быть определена как интровертное состояние, но это вовсе не предпочтительная установка. Называя какого-то человека интровертом, вы имеете в виду, что он больше склонен к интроверсии, но экстравертная сторона у него также присутствует. Всем нам присуще и то и другое, иначе мы вообще были бы не в состоянии приспосабливаться, влиять на окружающих, и находились бы вне самих себя. Депрессия — это всегда интровертное состояние. Меланхолики погружаются в своего рода эмбриональное состояние, и поэтому у них можно обнаружить накопление специфических физических симптомов.

Д-р Мэри К. Лафф:

Поскольку профессор Юнг определил эмоцию как овладевающее индивидом навязчивое состояние, мне не ясно, как он различает то, что называет «инвазией» (вторжением) и «аффектами».

Профессор Юнг:

Порой вы переживаете так называемые «патологические» эмоции, сталкиваясь при этом с весьма специфическими проявлениями этих эмоций — скажем, мыслями, которые вам никогда не приходили в голову; порой это ужасные мысли или фантазии. Например, некоторые люди, будучи сильно рассерженными, жаждут не просто мести или чего-то похожего, а переживают ужасные фантазии планов убийства своего врага, с отрезанием рук или ног, и тому подобных жестокостей. Последнее — ничто иное, как вторжение фрагментов бессознательного, и если речь идет о совершенно патологической эмоции, то перед нами действительно состояние *помутнения* (eclipse) сознания: человек доходит до безумного бреда и делает совершенно безумные вещи. Это и есть инвазия. В принципе, это патология, но фантазии подобного рода не исключены и в пределах нормы. Я слышал иногда, как вполне невинные люди говорили: «Я разорву его на куски», и таких людей действительно посещают подобные кровавые фантазии; они и впрямь готовы «размозжить» голову своему противнику; им представляется, что они *совершают* то, что в спокойном состоянии просто *называется* метафорой. Когда эти фантазии оживают и люди начинают бояться самих себя, мы говорим об инвазии.

Д-р Лафф:

Может быть это то, что вы называете психозом помраченного сознания (conmsional psyhosis)?

Профессор Юнг:

Вообще это не обязательно должен быть психоз. И даже не обязательно, чтобы это была патология; подобное случается и с нормальными людьми, когда они оказываются во власти определенных эмоций. Однажды я пережил очень сильное землетрясение. Это случилось впервые в моей жизни. Я был попросту ошарашен мыслью о том, что земля — это не какая-то тверды-

ня, а шкура гигантского животного, которое трясется подобно лошади. Эта мысль преследовала меня до тех пор, пока я не вспомнил, что точно так же объясняют землетрясение японцы: это ворочается огромная саламандра, несущая на себе землю[23]. Таким образом, я удовлетворился тем, что это была внезапно всплывшая в сознании архаическая идея. Подобное событие мне кажется весьма примечательным и я думаю, оно совсем не патологическое.

Д-р Бернард Д. Хэнди:

Не хочет ли профессор Юнг сказать, что аффект, как он его определил, *вызван* определенным физиологическим состоянием, или же само это физиологическое изменение является *результатом,* так сказать, инвазии?

Профессор Юнг:

Вопрос о связи души с телом очень сложен. Вам известно, что, согласно теории Джемса-Ланге, аффект является результатом физиологического изменения. Ответ на вопрос, какой фактор является доминирующим — тело или дух,— всегда зависит от темперамента отвечающего. Те, кто в силу своего темперамента предпочитает теорию превосходства тела, скажут, что ментальные процессы являются эпифеноменами физиологической химии. (Например, Энгельс считал, что жизнь есть способ существования белковых тел.) Те же, кто больше верит в дух, скажут обратное: для них тело — лишь придаток разума, и причиной всего выступает дух. В действительности это философский вопрос, а поскольку я не философ, то никакого решения и не предлагаю. Все, что мы знаем из опыта,— это то, что телесные и духовные процессы происходят совместно, но как, не совсем понятно.

[23] Согласно японской легенде, большую часть Японии несет на себе гигантских размеров рыбокот — namazu, и если его потревожить, он начинает вертеть головой или хвостом, вызывая тем самым землетрясение. Данная тема широко представлена в японском искусстве.

Наш жалкий разум не в состоянии помыслить тело и дух как единое целое; вероятно, это и *есть* одно целое, мы просто не можем себе этого представить. Современная физика столкнулась с аналогичными трудностями; достаточно с сожалением взглянуть на то, что происходит со светом! Свет ведет себя то как вибрация, или колебание, то как частица, или корпускула. Потребовалась очень сложная математическая формула Луи де Бройля для того, чтобы человеческий разум смог осознать, что и колебания и корпускулы суть наблюдаемые при различных условиях проявления одной и той же первичной реальности[24]. Это положение невозможно *помыслить,* но вы вынуждены принять его как постулат.

Аналогичным образом неразрешимой проблемой является и так называемый психофизический параллелизм. Взять хотя бы для примера тифозную лихорадку с сопутствующими ей психологическими синдромами. Если вы ошибочно примете психический фактор за определяющий, это повлечет за собой несообразные выводы. Факты же таковы, что определенные физиологические состояния явно вызваны душевным расстройством, другие не обусловлены, а лишь сопровождаются определенными психическими процессами. Тело и разум суть два аспекта единого живого бытия, и это все, что нам известно. Поскольку мы не в состоянии помыслить их вместе, я предпочитаю говорить, что эти две вещи случаются вместе неким чудесным образом. Для себя лично я создал термин, делающий это сосуществование наглядным; я предполагаю, что в мире активно действует определенный принцип синхронности[25], благодаря которому

[24] Луи Виктор де Бройль, французский физик, лауреат Нобелевской премии в области физики за 1929 год, открыл волновой характер электронов. Вместо использованных Юнгом терминов «колебание» и «корпускула» сейчас более употребительны «волны» и «частицы».

[25] См.: Jung CG. Synchronicity: An Acausal Connecting Principle// C.W.— Vol.8. Русский пер. К. Г. Юнг. Синхронность. К. 1997.

есть вещи, которые определенным образом совпадают и ведут себя так, как если бы они были одним и тем же, хотя нам они представляются совершенно различными. Возможно, в один прекрасный день будет найден новый математический метод, позволяющий доказать, что происходит нечто в этом роде, однако в настоящий момент я не в состоянии сказать, что главенствует — разум или тело, или же они просто сосуществуют.

Д-р Лоуренс Дж. Бэндит:

Мне не совсем понятно, в каких случаях инвазия становится патологической. Вы предположили в первой части вашего сообщения, что это происходит тогда, когда инвазия становится привычной. Чем же патологическая инвазия отличается от образов художественного вдохновения и творческих идей?

Профессор Юнг:

Между художественным вдохновением и инвазией нет абсолютно никакой разницы. Это одно и то же, и как раз поэтому я избегаю слова «патология». Я никогда не назову художественное вдохновение патологией, ибо, на мой взгляд, это совершенно нормальное состояние. В этом нет ничего плохого, ничего выходящего за пределы нормы. Вследствие этого я делаю исключение и для инвазии. К счастью, человек устроен так, что вдохновение приходит внезапно и не столь часто, но все же приходит. И вот поскольку ясно, что патологические явления происходят в принципе таким же образом, мы вынуждены где-то провести грань. Предположим, что вы все занимаетесь психиатрией; я рассказываю вам случай одного человека, и вы все уверены, что он душевнобольной. Однако я могу вам возразить, сказав, что раз ему удалось мне все толком объяснить, раз у нас с ним возник контакт, он вовсе не сумасшедший. Сумасшествие — это весьма относительное понятие. Например, если негр ведет себя специфическим образом, мы говорим: «Ну что с него возьмешь, это же негр», — но когда точно так же посту-

пает белый человек, мы говорим: «Он с ума сошел»,— ибо, на наш взгляд, белый человек так себя вести не может. От негра чего-то подобного уже ожидают, а от белого — нет. Быть сумасшедшим — это социальное понятие; для того, чтобы распознать ментальные расстройства, мы пользуемся социальными мерками. Например, речь идет о каком-то своеобразном человеке, который ведет себя непредсказуемым образом и выдвигает странные идеи; случись ему жить в маленьком городке где-нибудь во Франции или в Швейцарии, про него скажут: «Оригинальный парень, один из самых оригинальных обитателей нашего местечка». Но окажись он на Харли Стрит[26], и выяснится, что перед вами — безумец. Или другой пример: вы считаете человека оригинальным художником, но если вдруг он станет работать кассиром в банке, у банка будут неприятности, и все сразу же скажут, что этот парень — ненормальный. Но все это чисто социальные соображения. Нечто подобное мы можем наблюдать в психиатрических клиниках. Причина того, что больницы забиты до отказа, отнюдь не в абсолютном возрастании числа душевнобольных — мы просто перестали мириться с теми, кто не соответствует норме, хотя все же приходится признать, что сейчас сумасшедших больше, чем прежде. В юности я знавал людей, которые, как я сейчас понимаю, были просто шизофрениками. Мы же говорили: «Дядюшка такой-то — большой оригинал». В моем родном городке было несколько слабоумных, но о них никогда не говорили: «Он полный осел», или что-то в этом роде, а, наоборот, говорили: «Он — просто прелесть». Точно так же некоторых идиотов называют «кретинами» (это идет от французского «il est bon chretien»[27]). Вряд ли к этому можно что-то

[26] «Harley Street» — улица в Лондоне, на которой расположены кабинеты преуспевающих врачей, поэтому данное сочетание имеет переносное значение: врачи, медицинская профессия.

[27] Он добрый христианин.

добавить, разве что признать, что все они действительно добрые христиане.

Председательствующий:

Дамы и господа, я считаю, что нынешним вечером мы должны избавить профессора Юнга от дальнейших трудов и выразить ему глубокую благодарность.

Лекция вторая

Председательствующий (д-р Дж. Хэдфилд):

Дамы и господа!

Вспоминая вчерашний вступительный панегирик д-ру Юнгу, предваривший его выступление, я более чем уверен, что все присутствовавшие согласились с правильностью высказанных здесь похвал и не усмотрели в них никакого преувеличения. В своей вечерней лекции доктор Юнг называл ряд функций человеческого разума (mind), таких как чувство, мышление, интуиция и ощущение, но наперекор тому, что он говорил нам, я не могу избавиться от ощущения, что у него самого все эти функции должны быть очень хорошо развиты. Кроме того, у меня есть подозрение, что все они связаны воедино в центре, ответственном за чувство юмора. Ничто не убеждает меня столь сильно в истинности какого-либо представления или гипотезы, как способность ее создателя взглянуть на собственное творение с юмором, а это именно то, что проделал доктор Юнг прошлым вечером. Сверхсерьезное отношение к любому предмету очень часто оборачивается неуверенностью человека и его обеспокоенностью по поводу истинности сообщаемого им.

Профессор Юнг:

Дамы и господа!

Вчера мы рассмотрели функции сознания. Сегодня я хочу закончить с проблемой структуры психического. Обсуждение че-

ловеческого разума, целостной психической сферы будет неполным, если мы не включим сюда существование бессознательных процессов. Вчера я уже говорил о том, что мы не можем иметь непосредственный контакт с бессознательными процессами, так как они для нас непостижимы. Бессознательное дает о себе знать только в своих продуктах, и нам остается только постулировать его как таковое на основании своеобразия этих продуктов; утверждать, что существует нечто, стоящее у истоков их возникновения. Мы называем эту темную сферу бессознательным психическим.

Эктопсихические содержания сознания вытекают прежде всего из окружающей среды посредством чувственных данных. Существуют и другие источники, такие как память и процессы суждения, иначе — субъективные компоненты. Последние относятся к эндопсихической сфере. Третьим источником осознанных содержаний является темная сфера разума — бессознательное. Мы приближаемся к ней благодаря свойствам эндопсихических функций, которые не контролируются волей. Эти функции — как раз то самое средство, благодаря которому бессознательное содержание достигает поверхности сознания.

Бессознательные процессы не фиксируются прямым наблюдением, но их продукты, переходящие через порог сознания, могут быть разделены на два класса. Первый содержит познаваемый материал сугубо личностного происхождения; эти программы являются индивидуальными приобретениями или результатами инстинктивных процессов, формирующих личность как целое. Далее следуют забытые или вытесненные содержания и творческие процессы, относительно которых ничего особенного сказать нельзя. У некоторых людей подобные процессы могут протекать осознанно. Есть люди, сознающие нечто, не осознаваемое другими. Этот класс содержаний я называю подсознательным разумом, или *личностным* бессознательным,

потому что, насколько можно судить, он всецело состоит из личностных элементов, элементов составляющих человеческую личность как целое.

Есть и другой класс содержаний психики, по всей видимости, неизвестного происхождения; все события из этого класса не имеют своего источника в отдельном индивиде. Данные содержания имеют характерную особенность — они мифологичны по сути. Специфика здесь выражается в том, что содержания эти принадлежат как бы типу, не воплощающему свойства отдельного разума или психического бытия человека, но, скорее, типу, несущему в себе свойства *всего человечества как некоего общего целого.* Когда я впервые столкнулся с подобными явлениями, то был несколько удивлен и, убедившись, что наследственными факторами их не объяснишь, решил, что разгадка кроется в расовых признаках. Чтобы решить вопрос, я отправился в Соединенные Штаты и исследовал сны чистокровных негров, после чего, к великой радости, убедился, что искомые признаки ничего общего с так называемым кровным или расовым наследованием не имеют, как не имеют и личностного индивидуального происхождения. Они принадлежат человечеству в целом и, а таким образом, являются *коллективными* по природе.

Эти коллективные паттерны, или типы, или образцы, я назвал *архетипами,* используя выражение Бл. Августина[28]. Архетип озна чает *типос* (печать — imprint — отпечаток), определенное образование архаического характера, включающее равно как по форме, так и по содержанию *мифологические мотивы.* В чистом виде мифологические мотивы появляются в сказках, мифах, легендах и фольклоре. Некоторые из них хорошо известны: фигуры Героя, Спасителя, Дракона (всегда связанного

[28] См. К. Г. Юнг. Архетипы и коллективное бессознательное; Архетип и символ. М. 1991.

с Героем, который должен его победить), Кита или Чудовища, проглатывающих Героя[29].

Вариацией мотива Героя и Дракона является катабазис, спуск в пещеру, в Некию. Вспомним Одиссею, где Улисс спускается в ад (ad inferos), чтобы испросить совета у ясновидящего Тиресия. Мотив Некий, подземного царства, обнаруживается повсеместно в античном мире и широко распространен во всех древних культурах по всему миру. Он выражает психологический механизм интроверсии сознательного разума в глубинные пласты бессознательной психики. Из этих пластов актуализируется содержание безличностного, мифологического характера, другими словами, архетипы, и поэтому я называю их безличностным, или *коллективным бессознательным.* Я глубоко понимаю, что даю здесь лишь слабый эскиз понятия о коллективном бессознательном, требующем отдельного рассмотрения, но хочу привести пример, иллюстрирующий символическую основу явления и технику вычленения специфики коллективного бессознательного от личностного. Когда я поехал в Америку исследовать бессознательные явления у негров, я считал, что все коллективные паттерны наследуются расовыми признаками либо являются «априорными категориями воображения», как их совершенно независимо от меня назвали французы Юбер и Мосс[30]. Один негр рассказал мне сон, в котором появилась фигура человека, распятого на колесе. Нет смысла описывать весь сон, так как он не имеет отношения к разбираемой проблеме. Разумеется, он содержал личностный смысл, равно как и намеки на безличностные идеи, но нас здесь интересует только мотив. Негр был с юга, необразованный, с низким интеллектом. Наиболее вероятным было предположить, что, исходя из христианской основы, привитой неграм, он должен был увидеть че-

[29] К. Г. Юнг. Символы трансформации. C. W. 5.

[30] Hubert H., Mauss M. Melanges d’histoire des religions. P. XXIX.

ловека, распятого на *кресте,* поскольку крест является символом личного опыта. Но маловероятно предположить, что во сне он мог увидеть человека, распятого на *колесе.* Подобный образ весьма необычен. Конечно, я не могу доказать, что по «счастливой» случайности, он не увидел нечто подобное на картине или не услышал от кого-либо, но если ничего такого у него не было, то мы имеем дело с *архетипическим образом,* потому что распятие на колесе — *мотив мифологический.* Это древнее солнечное колесо, и распятие означает жертву богу-солнцу, чтобы умилостивить его, так как и человеческие жертвы, и жертвы животных издавна приносились в целях повышения плодородия земли, т. е. солнце-колесо — очень архаичная идея, древнейшая из существовавших когда-либо у религиозных людей. Ее следы можно обнаружить в мезолите и палеолите, в чем убеждают родезийские скульптуры. Как показывает современная наука, изобретение колеса относится к бронзовому веку; в палеолите колеса как такового еще не существовало (оно не было изобретено). Родезийское колесо-солнце по возрасту сродни самым ранним наскальным изображениям животных, как, например, известное наскальное изображение носорога с птицами-клещеедами, и поэтому является первым изображением, вероятно, архетипического образа-солнца[31]. Но этот образ не является натуралистическим изображением, так как он всегда разделен на четыре или восемь частей (рис. 3). Этот образ, разделенный круг, является символом, который можно обнаружить на протяжении всей истории человечества, а также и

[31] К. Г. Юнг. Психология и поэтическое творчество. Собр. соч. т. 15, пар. 150. М. 1992. Psychology and Religion, C.W. 11, par. 100 и «Brother Klaus (там же) par. 484. Данные о родезийском солнечном колесе не документированы, хотя подобные формы, высеченные в камне, обнаружены в Анголе и Южной Африке: ср. Willcox, The Rock Art of South Africa, fig. 23 and pis. XXVII—XX. Датировка их появления весьма сомнительна. «Носорог с птицами-клещеедами» происходит из Трансвааля, и его изображение находится в музее в Претории. Оно было обнаружено в 1928 году, по поводу чего было много публикаций.

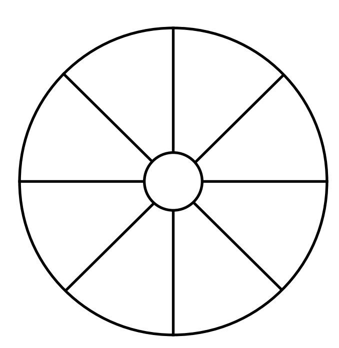

Рис. 3. Диск солнца.

в снах наших современников. Можно предположить, что изобретение колеса началось с этого образа. Многие изобретения возникли из мифологических предчувствий и первобытных образов. К примеру, искусство алхимии — мать современной химии. Наш сознательный научный разум начался в колыбели бессознательного ума. Человек на колесе в сновидении негра является повторением греческого мифологического мотива Иксиона, который за свою обиду на людей и богов был привязан Зевсом к бесконечно вращающемуся колесу. Я привожу этот пример мифологического мотива во сне лишь для того, чтобы проиллюстрировать идею коллективного бессознательного. Один пример, разумеется, еще не доказательство, но в данном случае нельзя предполагать, что негр изучал греческую мифологию, и исключается возможность того, что он мог видеть какие-либо изображения греческих мифологических фигур. Тем более что изображения Иксиона крайне редки. Я мог бы предоставить вам убедительные и подробные доказательства существования этих мифологических структур в бессознательном разуме. Но за недостатком времени я сначала раскрою вам значение сновидений и серий снов, а затем предоставлю все исторические параллели, символизм идей и образов которых мало знаком даже специалистам. Мне пришлось работать годы, со-

бирая материал. Когда мы займемся техникой анализа сновидений, я более подробно остановлюсь на разборе мифологического материала, а сейчас лишь хочу предварительно заметить, что в слое бессознательного содержатся мифологические паттерны и что бессознательное формирует содержания, которые невозможно предписать индивиду и которые, более того, могут оказаться в крайнем противоречии с личностной психологией сновидца. Поразительными порой оказываются и детские сновидения, символика которых подчас поражает глубиной мысли, настолько, что невольно воскликнешь сам себе: «Да как это возможно, чтобы ребенок мог такое увидеть во сне?».

В действительности все достаточно просто. Наш разум имеет свою историю, подобно тому, как ее имеет наше тело. Возможно, кому-то и покажется удивительным, что человек имеет аппендикс. А знает ли он, что должен его иметь? Он просто рождается с ним, и все. Миллионы людей не знают, что имеют зобную железу, однако они ее имеют. Так и наш бессознательный разум, подобно телу, является хранилищем реликтов и воспоминаний о прошлом. Исследование структуры коллективного бессознательного может привести к таким открытиям, какие делаются и в сравнительной астрономии. Не следует думать, что здесь прячется что-то мистическое. Хотя стоит мне заговорить о коллективном бессознательном, как меня сразу же стараются обвинить в обскурантизме. А речь идет всего лишь о новой области науки, и допущение существования коллективных бессознательных процессов граничит с тривиальным здравым смыслом. Возьмем ребенка: он не рождается с готовым сознанием, но его разум не есть *табула раса* (tabula rasa). У младенца функционирует определенно устроенный мозг, и мозг английского ребенка будет действовать не так, как у австралийца, но в контексте жизненных путей современного гражданина Англии. Сам мозг рождается с определенной структурой, работает современным образом,

но этот же самый мозг имеет и свою историю. Он складывался в течение миллионов лет и содержит в себе историю, результатом которой и является. Естественно, что он несет на себе следы этой истерии, точно так же, как и тело, и если углубиться в базовую структуру разума, то естественно, обнаружаться следы архаического сознания.

Идея коллективного бессознательного действительно очень проста. Если бы это было не так, можно было бы говорить о чуде. Но я вовсе не торгую чудесами, а исхожу из опыта. С моим опытом вы бы пришли к таким же выводам по поводу этих архаических мотивов. Случайно «вступив» в мифологию, я всего-навсего прочел больше книг, нежели, возможно, вы.

Так вот, однажды, когда я работал в клинике, случился пациент с диагнозом шизофрении и весьма своеобразными видениями. Он рассказал мне об этих видениях и предлагал при этом «взглянуть на них тоже». Чуть позже я натолкнулся на книгу одного исследователя из Германии (Albrecht Dieterich «Eine Mithrasliturgie»), опубликовавшего главу о магическом папирусе. Я прочел ее с большим интересом и на седьмой странице обнаружил видение моего лунатика «слово в слово». Это меня потрясло. Как могло оказаться, чтобы мой клиент мог увидеть подобное? И это был не просто один образ, но серия, и в книге буквально все повторялось. Данный случай я опубликовал в «Символах трансформации» (par. 151ff).

Это поразительное совпадение и послужило для меня импульсом к дальнейшей работе.

Наиболее глубоко лежащий слой, в который мы можем проникнуть в исследовании бессознательного, — это то место, где человек уже не является отчетливо выраженной индивидуальностью, но где его разум смешивается и расширяется до сферы общечеловеческого разума, не сознательного, а бессознательного, в котором мы все одни и те же. Подобно анатомической

схожести тел, имеющих два глаза, два уха, одно сердце и т. д., с несущественными индивидуальными различиями, разумы также схожи в своей основе. Это легко понять, изучая психологию первобытных людей. Наиболее ярким фактом в мышлении первобытных является отсутствие различия между индивидуумами, совпадение субъекта с объектом, как определил Леви-Брюль, мистическое соучастие (participation mystique)[32]. Первобытное мышление выражает основную структуру нашего разума, тот психологический пласт, который в нас составляет коллективное бессознательное, тот низлежащий уровень, который одинаков у всех. Поскольку базовая структура мозга и разума одна и та же у всех, то функционирование на этом уровне не несет в себе каких-либо различий. И здесь мы не осознаем происходящее с вами или со мной. На этом залегающем в глубине коллективном уровне царит целостность, и никакой анализ здесь невозможен. Если же вы начинаете думать о сопричастности, как о факте, означающем, что в своей основе мы идентичны друг другу во всех своих проявлениях, то неизбежно приходите к весьма специфическим теоретическим выводам. Дальнейшие рассуждения на этот счет нежелательны и даже таят в себе опасность. Но некоторые из этих выводов вы должны использовать на практике, поскольку они помогают в объяснении множества вещей, составляющих жизнь человека.

Я хочу подытожить сказанное, используя диаграмму (рис. 4).

На первый взгляд изображенное здесь может показаться сложным, но, в сущности, все выглядит достаточно просто. Представьте, что наша ментальная сфера выглядит наподобие светящегося глобуса. Поверхность, из которой выходит свет, является доминирующей функцией личности. Если вы человек, адаптирующийся в окружающем мире, главным образом, с помощью мышления, то ваша поверхность и будет поверхностью

[32] Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. М. 1930.

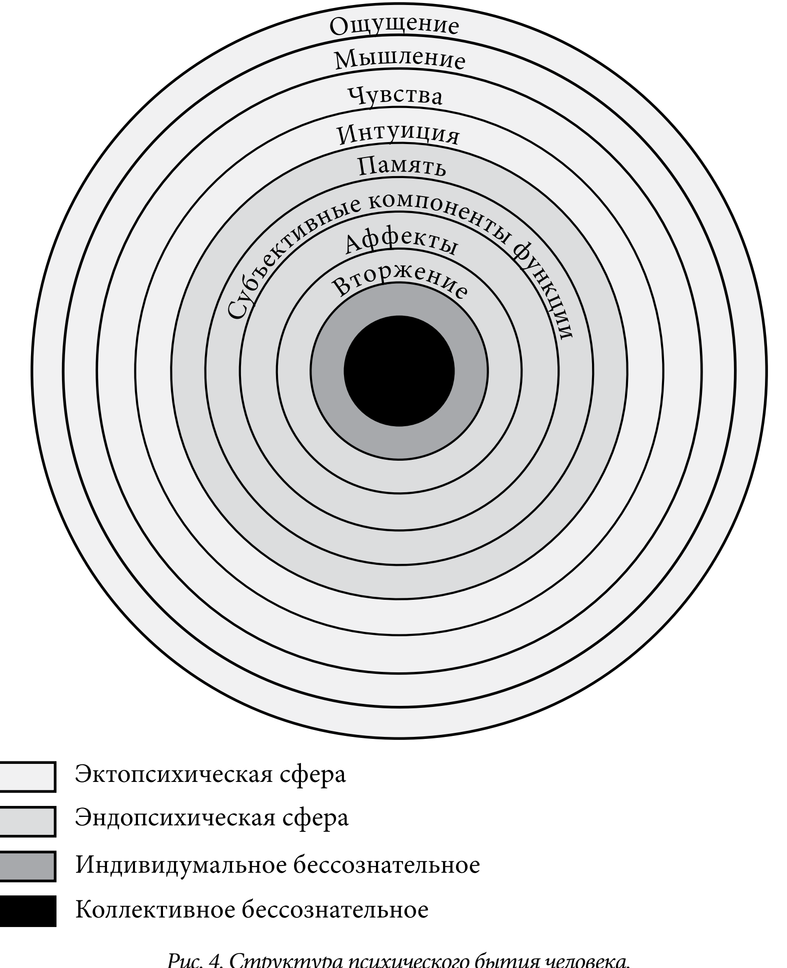

Рис. 4. Структура психического бытия человека.

мыслящего человека. Ведь вы осваиваете мир вещей и событий путем мышления, и, следовательно, то, что вы при этом демонстрируете, и есть ваше мышление. Если же вы принадлежите к другому типу, то налицо будет проявление другой функции[33].

[33] Общее описание типов и функций см. в: К. Г. Юнг. Психологические типы. СПб. 1996, гл. X.

На диаграмме в качестве периферической функции выступает *ощущение.* С его помощью человек получает информацию о внешнем мире. Второй круг — *мышление:* на основании информации, полученной от органов чувств, человек дает предмету имя. Затем идет *чувство,* которое будет сопутствовать его наблюдениям. И в конце концов человек осознает, откуда берутся те или иные явления и что может произойти с ними в дальнейшем. Это *интуиция,* с помощью которой мы «видим в темной комнате». Эти четыре функции образуют эктопсихическую систему.

Следующая сфера в диаграмме представляет сознательный *эго*-комплекс, к которым соотносятся все функции. Начнем по порядку: память, функция, контролируемая волей и находящаяся под контролем эго-комплекса. Субъективные компоненты функций могут быть подавлены или усилены силой воли. Эти компоненты не так контролируемы, как память, хотя и она, как вы знаете, несколько ненадежна. Теперь мы переходим к аффектам и инвазиям, которые контролируются одной только силой. Единственно, что вы можете сделать, это пресечь их. Сожмите кулаки, чтобы не взорваться, ведь они могут оказаться сильнее вашего эго-комплекса.

Разумеется, никакая психическая система не может быть отражена в такой упрощенной диаграмме. Это, скорее, шкала оценок, показывающая, как энергия или интенсивность эго-комплекса, манифестирующая себя в волевом усилии, уменьшается по мере приближения к темной сфере — *бессознательному.* Прежде всего мы вступаем в личностное подсознание, некий порог в сфере *бессознательного.* Это часть психики, содержащая те элементы, которые могут быть осознанными. Многие вещи именуются бессознательными, но это относительно. Есть люди, для которых осознанно практически все, что может осознать человек. Конечно, в нашем цивилизованном мире есть много

неосознанных вещей, хотя индусы, китайцы к примеру, осознают то, к чему наши психоаналитики идут долгим, сложным путем. Более того, живущий в естественных, природных условиях человек удивительным образом осознает то, о чем городской житель просто не догадывается, а если и вспоминает, то лишь под влиянием психоанализа. Я обнаружил это еще в школе. Я жил в деревне, среди крестьян, и знал то, чего не знали другие мальчишки в городе. Просто мне представился случай, и это во многом помогло мне. Анализируя сны или симптомы фантазий невротиков или обычных людей, вы проникаете в сферу бессознательного, вы переступаете этот искусственный порог.

Весьма примечательно то, что человек может развить свое сознание до такой степени, что может сказать: ничто человеческое мне не чуждо. (Nihil humanuni a me alienum puto.)

В конце концов мы подходим к ядру, которое вообще не может быть осознано — сфере архетипического разума. Его возможные содержания появляются в форме образов, которые могут быть понятны только в сравнении с их историческими параллелями. Если вы не распознаете определенный материал как исторический и не проведете параллели, то не сможете собрать все содержания в сознании и последние останутся спроецированными (о проецировании см. Лекцию пятую.— *Прим. перев.).* Содержания *коллективного бессознательного* не контролируются волей и ведут себя так, словно никогда в нас и не существовали — их можно обнаружить у окружающих, но только не в самом себе. К примеру, плохие абиссинцы нападают на итальянцев; или, как в известном рассказе Анатоля Франса: два крестьянина живут в постоянной вражде. И когда у одного из них спрашивают, почему он так ненавидит своего соседа, он отвечает: «Так ведь он живет на другом берегу реки!» Точь-в-точь, как Франция и Германия. Мы, швейцарцы, во время (Первой) Мировой войны, как вам известно, имели возможность читать

газеты и наблюдать, как этот специфический механизм, подобно артиллерийской перестрелке, срабатывал то на одном, то на другом берегу Рейна. Было совершенно ясно, что люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают.

Как правило, когда коллективное бессознательное констеллируется в больших социальных группах, то результатом становится массовое помешательство, ментальная эпидемия, которая может привести к революции или войне и т. п. Движения такого рода очень заразительны и практически непреодолимы — заражение происходит потому, что во время активизации коллективного бессознательного человек перестает быть самим собой, он попросту не принадлежит себе. И не просто участвует в движении, он и *есть* само движение.

Если бы вы жили в Германии (или в большевистской России — *В. З.)* или оказались там на какое-то время, все ваши попытки защититься оказались бы тщетными. Эта заразительность, буквально, проникает под кожу.

Вы человек, и где бы вы ни жили, вы можете оградить себя от подобной заразы только путем сужения сознания, опустошая и обездушивая себя, настолько это возможно. Вы всего лишь пылинка, крупица сознания, брошенная в океан жизни, существующий сам по себе. Но если вы не растворитесь и останетесь сами собой, то тут же заметите, что окружающая атмосфера поглощается вами, проникает вам под кожу. Невозможно жить в Африке или любой другой экзотической стране и не проникнуться ее атмосферой. Если вы живете в окружении желтых людей, то вы «пожелтеете» изнутри, из-под кожи. Подобного невозможно избежать, потому что кем бы вы ни были — негром, китайцем,— все едино, в чем-то вы такие же человеческие существа, как и все остальные, ибо прежде всего вы — человек. В коллективном бессознательном все люди имеют похожие архетипы, независимо от цвета кожи,— у всех имеются глаза, сердце, печень и т. д.

Неважно, что их кожа черного или желтого цвета. В каком-то смысле это остается важным — возможно, у какой-то расы по сравнению с вами отсутствует тот или иной исторический пласт. Различные уровни мышления отличают разные расовые истории.

Изучая истории рас, как это делал я, можно сделать много интересных открытий. Например, исследуя северных американцев, я обнаружил, что американец, по причине того что живет на земле аборигенов, несет в себе краснокожего индейца. Краснокожий, которого американец, возможно, никогда не видел, или негр, несмотря на всевозможные «только для белых», прочно вошли в американца и сделали его принадлежащим отчасти к нации «разноцветных»[34]. Эти вещи всецело бессознательны, и говорить, о них следует лишь с просвещенными людьми. Нелегко, скажем, обсуждать с французом или немцем причины их взаимного недопонимания.

Не так давно я провел приятный вечер в Париже в обществе весьма образованных людей. Мы говорили о национальных различиях. «Вы цените ясность романского (латинского) духа (la clarte latine, la clarte de l'espirit latin),— сказал я,— поскольку мышление оказывается у вас подчиненным. Но латинское мышление в свою очередь уступает немецкому». Все насторожились. Я продолжил: «Зато ваши чувства непревзойденны, вдобавок абсолютно дифференцированны». Мои собеседники попросили разъяснения, и я ответил: «Отправляйтесь в кафе или на водевиль, да куда угодно, где поют, или играют пьесы, и вы столкнетесь с весьма примечательным явлением. Вначале последует ряд гротескных и циничных пассажей, а затем внезапно на вас хлынет нечто сентиментальное. Мать теряет своего ребенка, потерянная любовь или что-то на редкость патриотическое,— и тут никуда не деться от слез. Для вас соль и сахар

[34] Jung C. G. Civilisation in Transition. CW10, pars. 94fTand 946ff.

должны быть в «одном флаконе». А немец способен целый вечер потреблять одни только сладости. Француз же просто обязан прибавить туда и соль. Француз при встрече обязательно скажет, что счастлив познакомиться, даже если при этом он готов послать вас к черту. Немец же подобному ничего не значащему приветствию поверит. Прислав вам из магазина пару подтяжек, помимо обычной платы, он будет ждать вашей любви».

Для немцев вообще характерна подчиненность и недифференцированность чувственной функции. Если вы скажете об этом немцу, он оскорбится. Я бы тоже обиделся. Немец очень привязан к тому, что называется Gemütlichkeit, в переводе «уют». Комната, полная табачного дыма, где царит любовь и взаимопонимание,— это уютно, и никто не вправе этот уют нарушить. Все было бы понятно, но необходимо сделать одно замечание: это и есть та самая «ясность» подчиненного немецкого чувства. С другой стороны — француз, для которого всякое парадоксальное высказывание обидно, поскольку неясно, и англичанин, который считает, что лучшие мысли всегда не совсем понятны. Я согласен с этим, то же самое происходит и с чувствами, мыслями. Правдивые чувства, в которых вы слегка сомневаетесь, принесут вам только наслаждение. Мысль, в которой нет мягких противоречий, не убедительна.

Теперь займемся вопросом: как достичь темной психической сферы человека? Я уже говорил вам, что это можно сделать с помощью трех методов анализа: теста словесных ассоциаций, анализа сновидений и метода активного воображения. Начнем с теста словесных ассоциаций[35]. Многим он может показаться старомодным, но я часто им пользуюсь, даже в криминальных случаях.

[35] К. Г. Юнг. Исследование словесной ассоциации. В: Experiential Researches. C.W. 2.

Эксперимент прост: я читаю перечень из ста хорошо знакомых слов, а тестируемый человек должен как можно быстрее отреагировать на каждое произнесенное мной слово другим словом, своим. Объясните пациенту, что от него требуется произнести первое, пришедшее ему в голову слово. Фиксируйте время каждой реакции с помощью секундомера. Эксперимент после первого чтения повторяется снова. Вы повторяете слово-стимулы, и испытуемый должен воспроизвести свои предыдущие ответы. В некоторых случаях его память дает «осечку» и воспроизведение оказывается с другим значением, либо вовсе затрудненным. Подобные сбои очень важны для исследователя.

Исходная идея теста была утопична — ментальные ассоциации. Тест оказался слишком примитивен для этого. Но именно ошибки, допущенные тестируемым, помогут вам кое-что узнать. Вы произносите элементарное слово, знакомое даже ребенку, а высокообразованный человек не может вам ответить. Почему? Просто это слово натолкнулось на то, что я называю комплексом. Комплекс — скопление психических характеристик, отмеченных специфическим, возможно болезненным, чувством. Комплекс — это то, что обычно тщательно скрывают. И тут словно острая молния пронзает толстый слой *персоны*[36] и попадает в темный пласт сознания. Человек с комплексом денег, например, запнется на словах «покупать», «деньги», «платить».

Мы столкнулись с более чем двенадцатью различными типами нарушений реакции. Я остановлюсь на некоторых из них, и вы получите представление об их практической ценности. Продление времени реакции наиболее важно с практической точки зрения. Чтобы выяснить это, необходимо рассчитать среднее время реакции тестируемого. Нарушениями иного характера могут быть: реакция более чем одним словом (вопреки инструкции); при повторении слова допускается ошибка; реак-

36 К. Г. Юнг. Психология бессознательного. М. Канон. 1995.

ция выражена не словом, а мимикой, смехом, движениями рук, тела, покашливанием, заиканием и т. д.; неполная реакция типа «да», «нет»; ассоциация может не соответствовать реальному значению стимульного слова; использование одних и тех же слов в качестве реакции; использование иностранного языка — у вас в Англии опасность этого не столь велика, а у нас подобное происходит довольно часто; неправильное воспроизведение, когда память не срабатывает в повторном эксперименте, а также полное отсутствие реакции.

Эти реакции не контролируются волей и поэтому всегда истинны. Если вы подчинитесь условиям эксперимента, то с вами все ясно, если же откажетесь от него, то с вами опять-таки все ясно, ибо становится понятным, почему вы не хотите этого делать. Если попытаться подвергнуть подобному эксперименту преступника, то он может отказаться в нем участвовать, но это окажется для него в большой степени разоблачительным фактом, ибо ясно, почему он отказывается. Если же он соглашается,

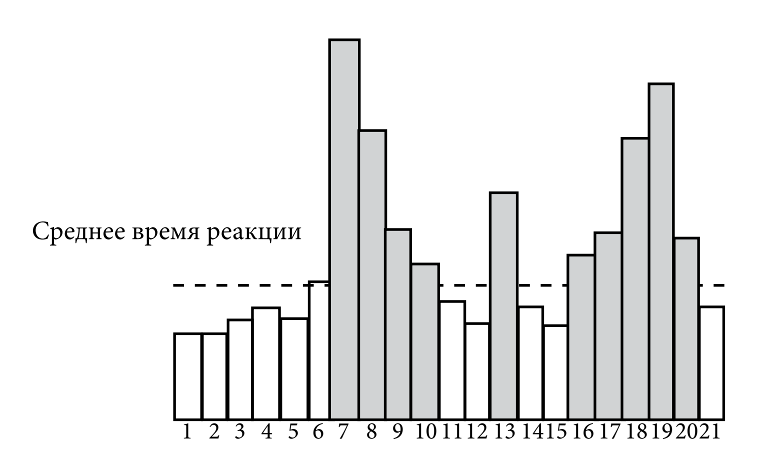

Рис. 5. Ассоциативный тест.

Слова-стимулы: 7 — нож, 13 — копье, 16 — ударить, 18 — острый, 19 — бутылка.

то сам приближает развязку истины. В Цюрихе меня приглашают в судебное заседание в трудных случаях; мои выводы подводят итоги разбирательства.

Результаты теста можно четко проиллюстрировать диаграммой (рис. 5). Высота колонок отражает время реакции на каждое слово. Штриховая горизонтальная линия показывает среднее время реакции. Белые колонки обозначают реакции без нарушений, а заштрихованные — нарушенные реакции, время которых превышает среднее. В реакциях *7—10* мы наблюдаем целую серию нарушений. Реакция *13* изолирована, но вслед за ней идет еще одна серия нарушений *(16—20).*

Необходимо отметить, что сам пациент не замечает в своих реакциях отклонений. Наиболее сильное нарушение мы наблюдаем в реакциях *18* и *19.* В этом частном случае мы имеем дело с так называемой интенсификацией чувствительности через бессознательные эмоции: когда критическое слово вызвало стойкую реакцию, а следующее оказалось созвучно первому, можно ожидать большего эффекта, чем от серии обычных ассоциаций. Это называется эффектом усиления чувствительности.

Его применение в криминальных случаях может оказаться полезным. Для усиления эффекта критических слов-стимулов необходимо расположить их в определенной последовательности, чтобы они могли вызвать стойкую реакцию. Если тестируемый подозревается в совершении преступления, для него критическими будут слова-стимулы, имеющие прямой намек на преступление.

Тест, изображенный на рис. 5, был проведен со здоровым мужчиной тридцати пяти лет. Замечу, что я провел немало экспериментов с обычными людьми до того, как научился делать выводы из патологического материала. Если вы хотите знать, что беспокоило этого человека, взгляните на слова, вызывавшие нарушения. Свяжите их, и у вас получится неплохая история.

Итак, это был «нож», который вызвал четыре нарушенные реакции. Следующими словами-раздражителями были «копье», «ударить», «острый», «бутылка». Мне было вполне достаточно небольшой серии из пятидесяти слов, чтобы сказать: «Я не думал, что с вами могла случиться такая беда. Помните, вы были пьяны и ножом убили человека…». Потрясенный, он во всем мне признался. Этот человек был из респектабельной семьи. Будучи заграницей, он попал в пьяную ссору, в которой ножом убил человека. Он просидел год в тюрьме, но скрывал это, ибо не хотел осложнять себе жизнь. На своем семинаре в Цюрихе я также провожу подобные эксперименты. Приглашаются все, кто желает в чем-то исповедаться. При этом я всегда прошу их принести какой-либо материал о другом человеке, которого *они* знают, а *я* — нет, и демонстрирую на конкретном примере, как читать историю индивида. Это весьма интересное занятие; иногда случаются очень интересные открытия.

Я приведу другой пример. Много лет назад, когда я был еще молодым доктором, пожилой профессор криминологии спросил меня об эксперименте, выразив свое недоверие. Я предложил ему попробовать тест на себе. Он согласился, однако после десяти слов устал, и мне пришлось довольствоваться ими. Я сказал ему, что совсем недавно его беспокоили денежные дела, что он боится умереть от сердечного приступа. Возможно, он учился во Франции, там у него было любовное приключение. И, как это часто бывает, когда человеку приходят в голову мысли о смерти, память приносит светлые воспоминания из далекого прошлого. Как я мог это знать? Это мог понять даже ребенок!

У человека семидесяти двух лет слово «сердце» ассоциировалось с «болью», «смерть» с «умирать», естественная реакция, вызванная боязнью смерти. На слово «деньги» он отреагировал обычно — «слишком мало». Следующие ассоциации поразили меня: на «плату» он, после некоторого раздумья, ответил

«La Semeuse». Это известное изображение на французской монете. Мы говорили по-немецки, почему же он употребил французское «La Semeuse» («сеятельница»)? Пришла очередь слову «поцелуй», была долгая реакция и ответ — «красивый». Теперь я мог представить события связно. Он ни за что бы не использовал французский, если бы это не было связано с определенными ощущениями. Какими? Неприятности с французским франком? Нет, в те дни о девальвации франка не было и речи. Я сомневался: любовь или деньги, что послужит ключом к разгадке, но реакция «поцелуй» — «красивый» убедила меня в том, что причина — любовь. Он был не из тех, кто ездит во Францию в зрелые годы. Он был в Париже студентом-юристом, учился, возможно, в Сорбонне. Теперь я мог с легкостью «соорудить» историю.

Бывают случаи, когда вы сталкиваетесь с настоящей трагедией. На рис. 6 представлен тест, проведенный с женщиной тридцати пяти лет. Она лежала в клинике с диагнозом «шизофрения в депрессивной форме». Прогноз был удручающ. Она была моей подопечной, но я был не совсем согласен с таким диагнозом. Уже тогда у меня была своя точка зрения по поводу шизофрении: я думал, что все мы в какой-то мере сумасшедшие. Я сделал анамнез, но не обнаружил ничего, что могло бы пролить свет на ее болезнь. Тогда я применил тест на ассоциации и сделал с его помощью немаловажные открытия. Первое нарушение было вызвано словом «ангел», а полное отсутствие реакции повлекло за собой слово «упорный». У пациентки наблюдалось нарушение реакции на слова «зло», «богатый», «деньги», «глупый», «дорогой» и «женитьба». Эта женщина была замужем за преуспевающим и, по-видимому, довольным жизнью человеком. Я беседовал с ее мужем, и он лишь подтвердил ее слова о том, что депрессия началась спустя два месяца после смерти ее старшей четырехлетней дочери. Тест запутал меня окончательно, я не мог свести воедино и объяснить реакции моей па-

Рис. 6. Ассоциативный тест

циентки. Вы тоже могли попасть в такую ситуацию, особенно если вы не так часто сталкивались с такого рода заболеваниями. Начните со слов, которые не отражают суть вашего теста. Если же вы сразу попросите охарактеризовать наиболее сильные раздражители, вы можете получить ложный ответ. Поэтому начните с «невинных» слов, и я обещаю вам честный ответ.

Я начал с того, что спросил у пациентки, значит ли для нее что-нибудь слово «ангел». Заплакав, она сказала, что это ребе-

нок, которого она потеряла. Значение слова «упорный» пациентка отрицала, сказав, что оно для нее ничего не значит. Мне трудно было объяснить это. Затем последовала серьезная негативная реакция на «зло». Она просто отказалась отвечать. Я не мог вытянуть из нее ни слова. «Голубой» ассоциировалось у нее с глазами умершего ребенка: «Они были удивительно голубые, когда она родилась, но это не были глаза моего мужа...» В результате выяснилось, что глаза у девочки были похожи на глаза бывшего возлюбленного ее матери. Мне удалось расположить пациентку к рассказу.

В небольшом городе, где она росла, жил богатый молодой человек. Она была из обеспеченной, но не именитой семьи. Он — богатый аристократ. Герой, о котором мечтала каждая девочка в том маленьком городке. Она была хорошенькой, верила в себя и надеялась. Но родители сказали, что он богат и вовсе не думает о ней. А вот мистер такой-то, милый человек, и почему бы ей не выйти за него замуж... Она вышла замуж и даже была счастлива первые пять лет своего супружества, до тех пор, пока ее не навестил старый друг детства. В отсутствие мужа он сказал ей, что она причинила боль одному джентльмену (имелся в виду Герой), что он был влюблен в нее, а ее брак был для него ударом. Это известие словно током пронзило нашу пациентку, но она сумела взять себя в руки. Через две недели она купала своих детей — мальчика двух и девочку четырех лет. Вода — это было не в Швейцарии — вызывала некоторые подозрения, как оказалось, она на самом деле была заражена тифозной палочкой. Мать заметила, что девочка тянет в рот губку для мытья, но не остановила ее. А когда мальчик попросил пить, она дала ему эту воду. В результате девочка заболела тифом и умерла, мальчика спасли. Получилось то, чего она втайне хотела, или дьявол в ней хотел,— возможность расторгнуть брак, с тем чтобы выйти замуж за другого. Получилось, что она совершила убийство. Сама

она этого не знала: она излагала только факты, но выводы не делала. Но именно она была в ответе за смерть ребенка, поскольку знала, что опасность заражения была. Предо мной встал вопрос: сказать ей о том, что она убийца, или следует промолчать? Поясню: криминал ей не грозил, но «известие» могло бы ухудшить ее состояние. Учитывая неблагоприятный прогноз, я решил использовать шанс: если она осознает свой поступок, возможно выздоровление. Я собрался с духом и сказал: «Вы убили своего ребенка». Это был взрыв эмоций, они затмили все, но потом она пришла в себя. Через три недели мы ее выписали. Я наблюдал за ней в течение пятнадцати лет — рецидива не было. Депрессия психологически соответствовала ее случаю: она убийца, и должна понести наказание. Но вместо тюрьмы она оказалась в психиатрической лечебнице. Возложив тягостную ношу на ее сознание, я фактически спас ее от кары безумия. Признание греха дает силы жить дальше, в противном случае человек обрекает себя на неизбежные страдания.

Обсуждение второе

Вопрос:

Я хочу вернуться к вчерашнему вечеру. Уже ближе к концу лекции, когда речь шла о высших и низших функциях, д-р Юнг сказал, что мыслительный тип пользуется своей чувствующей функцией архаически. Мне хотелось бы знать, истинно ли обратное? Действительно ли чувствующий тип, когда он пытается мыслить, мыслит архаически? Иными словами, должны ли мы неизменно видеть в мышлении и интуиции функции более высшие по сравнению с чувством и ощущением? Я спрашиваю об этом потому, что... Насколько я понял из лекции, ощущение является самой низшей из сознательных функций, а мышление — наивысшей. В повседневной жизни мышление, конечно,

выглядит более значительным. Когда профессор — не профессор Юнг, а вообще,— размышляя над своими исследованиями, думает о самом себе, то себя он считает и другим представляется высшим типом — высшим по сравнению с крестьянином, который говорит: «Иногда я сижу и думаю, а иногда просто сижу».

Профессор Юнг:

Я надеюсь, что не давал вам какого-либо повода считать, что я отдаю предпочтение какой-либо из функций. Доминирующая функция у того или иного индивида всегда наиболее дифференцирована, но таковой может быть любая из функций. У нас нет абсолютно никаких критериев, на основании которых можно было бы сказать, что та или другая функция сама по себе является наилучшей. Мы можем лишь отметить, что данный индивид лучше всего адаптируется с помощью своей дифференцированной функции и что в наибольшем небрежении при этом оказывается подчиненная функция. Существует ряд современных людей, считающих высшей функцией интуицию. Утонченные люди предпочитают интуицию — это первоклассно! Человек ощущающего типа всегда считает других людей ниже себя: он уверен, что им недостает реализма. Только он — подлинный реалист, а все остальные — фантазеры, далекие от реальности. Каждый считает, что его первичная функция — «пуп земли». В этом вопросе все мы склонны к удручающей слепоте. Для понимания подлинной порядковой связи функций в нашем сознании необходим строгий психологический критицизм. Существует масса людей, считающих, что мышление способно решить все мировые проблемы. Но на самом деле истину невозможно установить без участия всех четырех функций. Когда вы размышляете о мире, то осуществляете лишь одну четвертую часть того, что требуется; оставшиеся три четверти могут выступить против вас.

Д-р Эрик Б. Штраус:

Профессор Юнг сказал, что тест словесных ассоциаций является средством, с помощью которого можно изучать содержания личного бессознательного. В приведенных же им примерах были обнаружены содержания сознания пациента, а не его бессознательного. Разумеется, при желании отыскать бессознательный материал пришлось бы сделать дальнейший шаг и заняться поиском свободных ассоциаций в тех зонах, где наблюдались аномальные реакции. Я имею в виду ассоциации, связанные со словом «нож», которые столь успешно вывели профессора Юнга на историю о том несчастном случае. Все это присутствовало в сознании пациента, но если бы слово «нож» имело бессознательные ассоциации, то мы могли бы — будь мы фрейдистски ориентированы — предположить, что оно связано с бессознательным комплексом кастрации или с чем-то подобным. Я не говорю, что это так, но мне непонятно, что профессор Юнг имеет в виду, когда он говорит, что посредством теста словесных ассоциаций мы достигаем бессознательного пациента. Определенно, в сегодняшнем примере мы имеем дело с сознанием или с тем, что Фрейд, возможно, назвал бы предсознательным.

Профессор Юнг:

Я был бы очень рад, если бы вы были более внимательны к тому, о чем здесь идет речь. Я говорил, что бессознательные феномены очень относительны. Если я не осознаю нечто, то не осознаю это в весьма относительной форме; в каких-то других отношениях я могу об этом знать. В определенном смысле содержания личного бессознательного вполне сознательны, но вы не знаете их в *определенном отношении,* или в *определенный момент.*

Как мы можем установить, является ли эта вещь сознательной или бессознательной? Вы просто спрашиваете об этом у людей. Никакого иного критерия для того, чтобы установить, созна-

тельно ли нечто или нет, у нас нет. Вы спрашиваете: «Заметили ли вы у себя какие-нибудь колебания?», — и вам отвечают: «Нет, никаких колебаний не было; насколько я могу судить, я реагировал как обычно». «Осознаете ли вы, что вас что-то обеспокоило?» «Нет». «У вас нет никаких воспоминаний, связанных с вашим ответом на слово «нож»?» «Нет, никаких». Неведение такого рода очень распространено. Когда меня спрашивают, знаю ли я такого-то человека, я могу сказать, что не знаю: я ведь просто могу его не вспомнить или, иначе говоря, не осознать, что знаю его; но когда мне скажут, что я встречал его два года назад, что его зовут так-то и так-то, что он сделал то-то и то-то, я отвечу: «Конечно, я его знаю». Я знаю его — и не знаю. Все содержания личного бессознательного бессознательны *относительно,* включая и комплексы кастрации и инцеста. В определенном смысле они совершенно осознаны, хотя и бессознательны в других. Относительность сознания становится совершенно очевидной в случае истерии. Очень часто оказывается, что некоторые вещи, которые кажутся бессознательными, выглядят таковыми лишь для врача, но не для медсестер или родственников.

Как-то в известной клинике в Берлине мне довелось наблюдать интересный случай; речь шла о множественных саркомах спинного мозга, и хотя диагноз был поставлен знаменитым неврологом, перед которым я, можно сказать, трепетал, я все же настоял на проведении анамнеза, который принес великолепный результат. Я спросил о том, когда появились симптомы, и выяснил, что все началось вечером того дня, когда единственный сын этой женщины женился и покинул ее. Она была вдовой, очевидно, обожавшей своего сына, и я сказал: «Это не саркома, а обычная истерия, в чем можно теперь же убедиться». Профессор ужаснулся — уж не знаю чему: моему «непрофессионализму», бестактности или еще чему-то, и мне пришлось уйти. Но кто-то побежал за мной на улицу. Это была медсестра, которая

сказала: «Доктор, я хочу вас поблагодарить за то, что вы сказали, поскольку тут-таки и была истерия. Я всегда так думала».

Д-р Эрик Грэхем Хоу:

Могу ли я возвратиться к тому, что сказал д-р Штраус? Вчера вечером профессор Юнг упрекнул меня в произвольном употреблении слов, но, на мой взгляд, очень важно, чтобы эти слова были ясно поняты. Хотелось бы знать, задумывались ли вы над тем, что произойдет, если тест словесных ассоциаций будет применен к словам «мистика» или «четвертое измерение»? Я уверен, что реакция у вас существенно замедлится и всегда, когда будут упоминаться эти слова, вы будете наполняться гневом. Я предлагаю вернуться к идее о четырехмерном, которая, как мне думается, в этой связи, может помочь нашему пониманию. Доктор Штраус использует слово «бессознательное», но его, как я понял из высказываний профессора Юнга, как такового нет, а есть лишь относительное бессознательное, зависящее от степени осознанности. Согласно сторонникам Фрейда, имеется некое место, вещь, реальность, называемая бессознательным. Согласно профессору Юнгу, насколько я его понял, такой вещи нет. У него речь идет об изменчивой среде отношений, а у Фрейда — о статичной среде несвязанных сущностей. Проще говоря, Фрейд — *трехмерен,* а Юнг — в своей психологии в целом *четырехмерен.* По этой причине я бы, с вашего позволения, подверг критике схематизированную систему Юнга за то, что тут нам предлагается трехмерное изображение четырехмерной системы, статичное изображение того, что является функционально динамичным; и пока это не будет разъяснено, фрейдовская терминология все время будет сбивать нас с толку, и понять что-либо станет очень трудно. Поэтому я настаиваю на необходимости уточнения используемых слов.

Профессор Юнг:

Хотелось бы надеяться, что д-р Грэхем Хоу не будет столь опрометчивым. Вы правы, но не стоит заводить этот разговор. Как я уже объяснил, я стараюсь исходить из наиболее умеренных предположений. Вы как раз и коснулись этого, заговорив о четырех измерениях и слове «мистика». Вы говорите, что на эти слова-стимулы у всех нас будет замедленная реакция. Вы совершенно правы, мы все легко уязвимы, ибо только начинаем двигаться по избранному пути. Я согласен с вами в том, что очень трудно поддерживать в психологии ее живой дух и не сводить ее к статичным сущностям. Естественно, что необходимо выражаться на понятийном языке четвертого измерения, когда вы вводите временной фактор в трехмерную систему. Когда вы говорите о динамике и о процессах, то вам необходим временной фактор, но поскольку вы используете само слово «четырехмерный», против вас восстают все предрассудки этого мира. Это слово-табу, о котором не следует упоминать. Оно имеет свою историю, и мы должны быть крайне тактичны в обращении с подобными вещами. Чем дальше мы продвинемся в понимании психического, тем более внимательными нам предстот быть в обращении с терминологией, поскольку каждое слово имеет множество исторических параллелей и с ним связана масса предрассудков. Чем глубже мы проникаем в фундаментальные проблемы психологии, тем больше касаемся философских, религиозных и моральных предрассудков. Поэтому с некоторыми вещами следует обращаться крайне осторожно.

Д-р Хоу:

Данная аудитория предпочитает более провокативную манеру изложения. Возможно, я скажу нечто необдуманное. Ни вы, ни я не рассматриваем форму эго как прямую линию. Мы скорее привыкли рассматривать в качестве истинной формы самости четырехмерную сферу, одним из аспектов которой яв-

ляется трехмерная схема. Если это так, можете ли вы ответить на вопрос: «Каковы масштабы той самости, которая в четырех измерениях предстает как движущаяся сфера?» Я предполагаю такой ответ: «Это сама вселенная, включающая ваше понятие коллективного расового бессознательного».

Профессор Юнг:

Я был бы очень признателен, если бы вы повторили этот вопрос.

Д-Р Хоу:

Насколько велика эта сфера, представляющая четырехмерную самость? Я не в силах удержаться от ответа и не сказать, что она столь же велика, как и космос.

Профессор Юнг:

По сути это чисто философский вопрос, и ответ на него требует серьезного обращения к теории познания. Мир — это наша картина. Лишь по-детски мыслящие люди воображают, что мир таков, каким мы его себе представляем. Образ мира является проекцией мира самости, в то время как последняя является интроекцией внешнего мира. Лишь особый разум философа способен заглянуть по ту сторону этой привычной картины мира, населенной статичными и изолированными друг от друга вещами. Выйдя за пределы этой картины, вы рискуете вызвать потрясение в обыденном сознании: вздрогнет и зашатается все мироздание, самые сокровеннейшие убеждения и надежды окажутся попранными, и я не вижу необходимости расшатывать устоявшийся порядок вещей. Это не принесет пользы ни пациентам, ни врачам; хотя, возможно, это то, что полезно философам.

Д-р Ян Д. Сатти:

Я бы хотел возвратиться к вопросу д-ра Штрауса. Я понимаю, что имеет в виду д-р Штраус, и, думается, могу понять, что имеет в виду профессор Юнг. Насколько я могу судить, профессору

Юнгу не удалось сколь-нибудь убедительно связать свои рассуждения с тем, что сказал д-р Штраус. Д-р Штраус хотел узнать, как тест словесных ассоциаций может выявить фрейдовское бессознательное, т. е., тот материал, который в настоящее время вытеснен из сознания. Насколько я понимаю профессора Юнга, он имеет в виду фрейдовское «Id» («Оно»). Мне кажется, что нам следует формулировать свои идеи достаточно четко, с тем чтобы их можно было сопоставлять, а не просто использовать в привычном для своей школы смысле.

Профессор Юнг:

Я вынужден повторить снова, что мои методы не открывают *теорий,* а служат открытию *фактов,* и я рассказываю вам, какого рода факты я открываю с помощью этих методов. Я не могу обнаружить комплекс кастрации или вытесненный инцест, или что-нибудь в этом роде, ибо нахожу только психологические *факты,* а не теории.

Боюсь, вы слишком часто путаете теорию с фактом и поэтому вас, возможно, разочарует то, что эксперименты не подтверждают наличия комплекса кастрации и подобных вещей, что и неудивительно, поскольку комплекс кастрации — это *теория.* То, что вы обнаруживаете с помощью ассоциативного метода, есть определенные факты, о которых мы прежде ничего не знали и о которых в определенном специфическом отношении не знал и сам тестируемый. Я не отрицаю того, что он их знал в каком-то ином смысле. Есть много вещей, о которых вы знаете на работе и не знаете дома, но так же и дома вы знаете множество таких вещей, о которых вы не знаете в рабочей обстановке. В одном положении вам это известно, а в другом — нет. Это мы и называем бессознательным. Я должен повторить, что невозможно проникнуть в бессознательное *эмпирическим* путем, а затем открыть, скажем, фрейдовскую *теорию* комплекса кастрации. Комплекс кастрации является мифологической идеей,

но как таковой он не обнаруживается эмпирически. В действительности мы находим определенные факты, сгруппированные специфическим образом и в соответствии с историческими или мифологическими параллелями даем им название. Вы не можете выявить мифологический мотив, вы можете обнаружить мотив личный, не более, причем последний никогда не возникает в форме теории, но лишь как живой факт человеческой жизни. Исходя из него, можно выстроить теорию — фрейдовскую, адлеровскую или любую другую. Можно думать о фактической стороне мира все, что вам угодно, но в результате теорий будет столько же, сколько ломающих над этим голову людей.

Д-р Сатти:

Я протестую! Меня не интересует та или иная теория, меня не интересует, какие факты обнаружены, а какие нет, но я заинтересован в обретении средств коммуникации, с помощью которых каждый сможет знать, что думают другие, и с этой целью я настаиваю на том, чтобы мы определили наши понятия. Мы должны знать, что другие подразумевают под тем или иным понятием, таким, например, как бессознательное Фрейда. Что касается слова «бессознательное», оно уже всем более или менее понятно. Оно общепризнано и достаточно пояснительно, но Юнг отказывается понимать слово «бессознательное» в том смысле, которым наделил его Фрейд, и употреблять это слово так — а мы все привыкли к этому,— как то, что Фрейд называет «Ид» или «Оно».

Профессор Юнг:

Слово «бессознательное» не является изобретением Фрейда. Оно было известно в немецкой философии задолго до него — Канту, Лейбницу и другим,— и каждый из философов давал данному термину собственное определение. Я прекрасно осведомлен, что существует множество разных концепций бессознательного, и моими скромными попытками что-то сделать

в этом направлениия было стремление высказать о нем свое собственное мнение. Это вовсе не значит, что я недооцениваю заслуги Лейбница, Канта, фон Гартмана и других великих людей, включая Фрейда, Адлера и т.д. Я просто объясняю вам, что я *сам* подразумеваю под бессознательным, и предполагаю, что вы все достаточно хорошо осведомлены относительно мнения Фрейда на этот счет. Я вовсе не думал, что в мою задачу входит объяснение вещей таким образом, чтобы все сторонники фрейдовской теории, отдающие ей предпочтение, тотчас же отказались от своей веры. У меня нет намерения разрушать ваши воззрения и теоретические позиции. Я просто предлагаю собственную точку зрения, и если кому-то покажется, что она тоже имеет смысл, то этого и достаточно. Мне совершенно безразлично, какие у кого представления о бессознательном, иначе мне бы пришлось срочно садиться за длинную диссертацию о том, как понимали бессознательное Лейбниц, Кант и фон Гартман.

Д-р Сатти:

Д-р Штраус спросил, как соотносится ваше понимание бессознательного с фрейдовским. Можно ли установить между ними ясную и определенную взаимосвязь?

Профессор Юнг:

Д-р Грэхем Хоу ответил на этот вопрос. Фрейд рассматривает умственные процессы как статичные, в то время как я говорю о них в терминах динамики и взаимосвязи. Для меня все является относительным. Нет ничего однозначно бессознательного: это лишь то, что не представлено сознательному разуму в определенном свете. Можно выдвигать самые различные предположения относительно того, почему та или иная вещь известна в одном аспекте и неизвестна в другом. Единственное исключение я делаю для мифологического паттерна: у меня есть фактические подтверждения того, что он глубоко бессознателен.

Безусловно, существует разница между использованием теста словесных ассоциаций в качестве детектора лжи при раскрытии преступлений и для обнаружения с его помощью, скажем так, бессознательной вины. Преступник сознает свою вину, равно как сознает и свой страх быть разоблаченным. Невротик же не знает ни о своей вине, ни о том, что он ее боится. Можно ли пользоваться одной и той же техникой в этих двух столь разных случаях?

Председательствующий:

Та женщина не осознавала своей вины, хотя и позволила ребенку сосать губку.

Профессор Юнг:

Я покажу вам разницу экспериментальным путем. На рисунке 7 мы имеем схематическое изображение дыхания тестируемого во время проведения теста словесных ассоциаций. Вы видите четыре серии по семь вдохов и выдохов, зарегистрированных после предъявления слов-стимулов. Диаграмма отражает типичную для множества тестируемых зависимость дыхания от нейтральных и критических стимулов.

Серия «A» показывает, как протекает дыхание после индифферентных слов-стимулов. Вдохи, идущие сразу после слов-стимулов, ниже нормы, а затем следует нормализация.

В серии «B» слово-стимул было критическим и объем дыхания существенно снижен, порой более чем в два раза по сравнению с нормой.

В серии «C» дана динамика дыхания после слова-стимула, относящегося к комплексу, осознаваемому тестируемым. Первый вдох почти нормальный, и лишь затем происходит некоторое уменьшение объема дыхания.

Серия «D» соответствует дыханию после слова-стимула, относящегося к такому комплексу, который не осознается тестируемым. В этом случае первый вдох явно слаб, и те, что идут

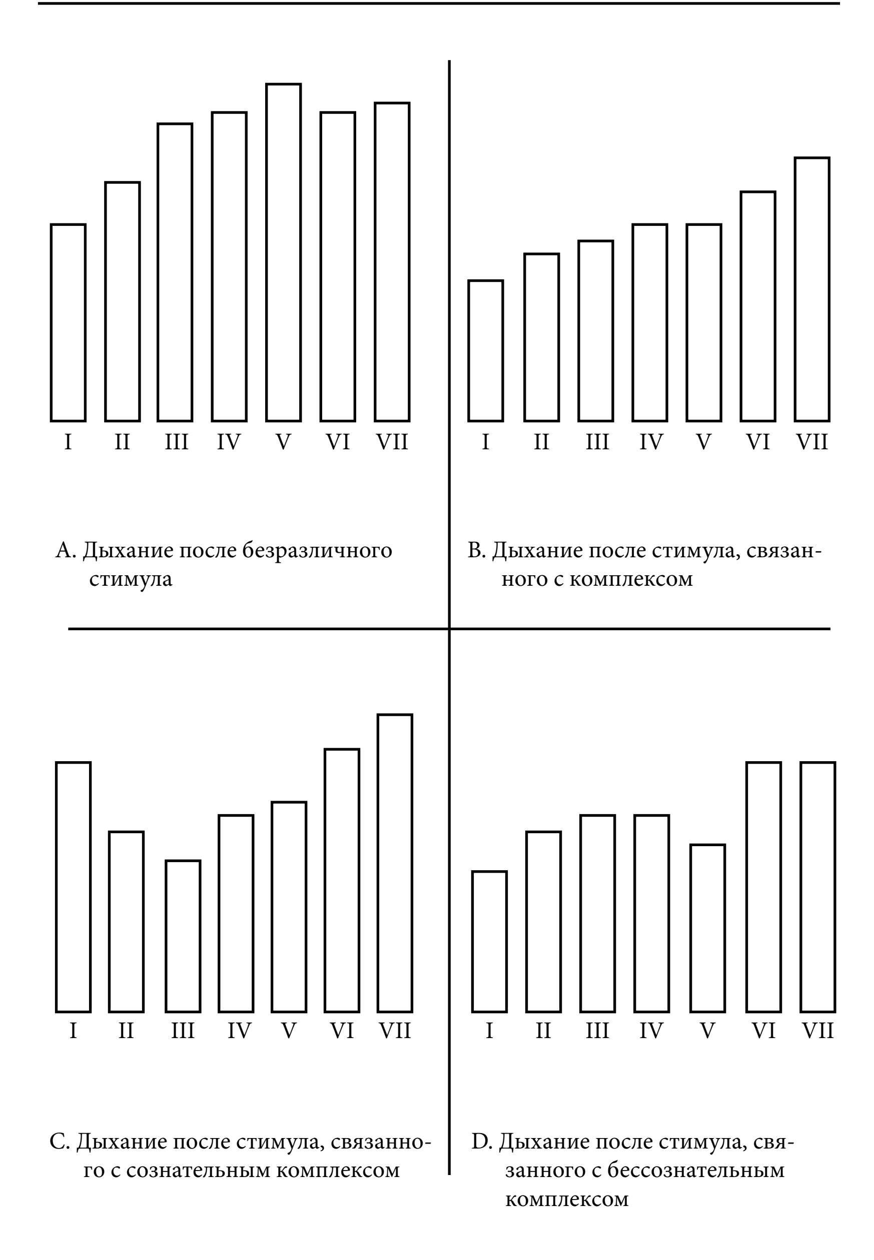

Рис. 7. Тест словесных ассоциаций (дыхание).

вслед за ним, несколько ниже нормы. Представленные диаграммы наглядно демонстрируют различие между реакциями, соответствующими сознательным и бессознательным комплексам.

В серии «С», например, комплекс явно является сознательным. Слово-стимул задевает тестируемого за живое, и следует глубокий вдох. Но когда слово-стимул ударяет по бессознательному комплексу, объем дыхания, как показывает диаграмма «D» (ее первая колонка), уменьшается. Имеет место спазм грудной клетки — дыхание практически замирает. Таким образом, можно эмпирически подтвердить различие между сознательными и бессознательными реакциями.

Д-р Уилфред Р. Байон:

Вы провели аналогию между архаическими формами тела и архаическими формами сознательного разума (mind). Это просто аналогия, или имеет место более тесная связь? Из того, что вы сказали вчера вечером, можно сделать вывод о том, что вы признаете наличие связи между сознательным разумом и мозгом; недавно в «British Medical Journal» был опубликован диагноз, поставленный вами на основании сна, свидетельствовавший об органическом расстройстве[37]. Если отчет об этом случае является точным, то мы получаем очень важное подтвержде-

[37] См.: Davie T. M. Comments upon a case of «Periventricular Epilepsy» // Britich Medical Journal.— 1935. No 3893(Aug.).— P. 293—297. Сон, сообщенный пациентом д-ра Дэви, был таков: «Кто-то сзади беспрерывно спрашивал меня что-то о смазке какого-то механизма. Говорилось, что лучшим смазочным средством является молоко. Я же, по-видимому, считал, что предпочтительнее будет использовать илистую грязь. Затем, когда был осушен пруд, среди ила обнаружили двух ископаемых животных. Один был маленький мастодонт, а кто второй — я забыл». Комментарий Дэви: «Я подумал, что было бы интересно представить этот сон Юнгу и спросить, какова его интерпретация. Несмотря на то, что в этом сне было множество психологических ответвлений, Юнг нисколько не сомневался, что заболевание в своей основе было не психологическим. По его мнению, сон свидетельствовал об органическом расстройстве. Осушение водоема он проинтерпретировал как ухудшение циркуляции спинномозговой жидкости».

ние, и мне хотелось бы знать, не считаете ли вы, что между этими двумя формами архаического выживания существует более тесная связь?

Профессор Юнг:

Вы вновь касаетесь противоречивой проблемы психофизического параллелизма, на которую нет ответа, ибо она находится за пределами возможностей человеческого познания. Как я пытался объяснить вчера, обе вещи — психический факт и факт физиологический — некоторым образом, происходят совместно. Они происходят совместно, и являются, как я полагаю, попросту двумя разными аспектами лишь нашего *сознательного разума* (mind), но не самой реальности. Мы рассматриваем их как два разных явления в силу крайней неспособности нашего сознательного разума помыслить о них совместно. Вследствие возможного единства этих двух вещей следует ожидать появления сновидений, которые в большей степени окажутся физиологическими, чем психологическими, точно так же, как существуют сны более психологические, нежели физиологические. Сон, о котором вы упомянули, был явным выражением органического расстройства. Такие «органические репрезентации» хорошо известны в древней литературе. Античные и средневековые врачи пользовались подобными снами для установления диагнозов. Я не проводил физического осмотра пациента, о котором вы упомянули. Просто я выслушал его историю, узнал о содержании его сна и высказал свое мнение. У меня были и другие случаи, например, очень сомнительный случай прогрессирующей мускулярной атрофии у молодой девушки. Я спросил о ее сновидениях: у нее было два чрезвычайно колоритных сна. Коллега — человек, знакомый с психологией,— считал, что это, должно быть, случай истерии. Истерические симптомы здесь действительно имели место, так что было неясно, была ли это прогрессирующая мускулярная атрофия или нет; но на основе

анализа сновидений я пришел к заключению, что это было органическое заболевание, и в дальнейшем мой диагноз подтвердился. Это было органическое расстройство, и сны определено указывали на органику[38]. Согласно моей идее о единстве (comumunity) психического и телесного, это и должно было быть так,— удивительно, если бы было иначе.

Д-р Байон:

Будете ли вы говорить об этом дальше, когда речь пойдет о сновидениях?

Профессор Юнг:

Боюсь, что не могу входить в такие подробности; сама тема слишком специальная. На самом деле это предмет особого переживания и опыта, и попытка его изложения оказалась бы очень трудоемкой. Описать сжато те критерии, с помощью которых я анализирую сны, практически невозможно. Сон, который вы упомянули, содержал образ маленького мастодонта — помните? Для того чтобы показать реальное значение этого мастодонта в органическом аспекте и почему я должен рассматривать этот сон как органический симптом, придется начать с таких аргументов, что здесь не исключены обвинения меня в страшном мракобесии. Но тут действительно все покрыто мраком. Мне пришлось бы изъясняться на языке базального разума, мыслящего архетипическими паттернами. Когда я говорю о мифологических паттернах, люди, осведомленные в этих вещах, понимают, о чем идет речь, но если вы не в курсе, то подумаете: «Этот парень точно сошел с ума — он говорит о мастодонтах и их отличий от змей и коней». Прежде чем вы смогли бы оценить сказанное мной, мне потребовалось бы прочитать курс примерно в четыре семестра по символизму.

[38] Jung C. G. The Practice of Psychotherapy // C.W.— Vol. 16 (Par. 344f). Русский перевод «Практика психотерапии», пар. 344 и далее (в печати).

Тут-то и скрыта вся загвоздка: между тем, что об этих вещах общеизвестно, и тем, что я наработал за все эти годы, имеется значительное расхождение. Даже если бы я выступал перед медицинской аудиторией, мне пришлось бы вести речь не только об особенностях *ментального уровня* (niveau mental) и цитировать Жане, но и заговорить по-китайски. Например, я бы сказал, что *понижение ментального уровня* (abaissement du niveau mental) в определенном случае доходит до уровня *манипура чакра* (manipura chakra), т. е. до уровня пупка. Мы, европейцы, не единственные люди на Земле. Мы всего лишь полуостров на азиатском материке, населенном древними цивилизациями, представители которых тысячелетиями упражняли свой разум в интроспективной психологии, тогда как мы занялись психологией даже не вчера, а только нынешним утром. Эти люди достигли просто-таки фантастических прозрений, и, для того чтобы понять некоторые факты, связанные с бессознательным, я был вынужден заняться Востоком. Мне потребовалось вернуться назад, чтобы понять восточный символизм. Вскоре я опубликую небольшую книгу, посвященную лишь одному символическому мотиву[39]; вас бы это шокировало. Мне пришлось заняться не только китайским и хинди, но также и литературой, написанной на санскрите, средневековыми латинскими манускриптами, не известными даже специалистам,— об этом можно справиться в Британском музее.

Только располагая таким обширным параллельным материалом, можно начать ставить диагнозы и судить, является ли тот или иной сон органическим или нет. Пока люди не освоят эту область знания, я остаюсь не более чем кудесником или колдуном. Это называется фокус-покус, магическая манипуляция (un tour de passepasse). В Средние века люди могли спросить:

[39] Jung C. G. The Practice of Psychotherapy // C.W.— Vol. 16 (Par. 344f). Русский перевод «Практика психотерапии», пар. 344 и далее.

«Как вы можете видеть, что у Юпитера есть спутники?» Предположим, вы бы ответили, что у вас есть телескоп, но что такое телескоп для средневековой публики?

Я не собираюсь этим хвастаться. Но меня всегда озадачивает, когда мои коллеги спрашивают: «Как вы поставили такой диагноз или пришли к такому заключению?» Я отвечаю: «Хорошо, я объясню, но для начала мне придется растолковать, что вы должны знать для того, чтобы быть в состоянии это понять». Я ощутил это на себе, когда знаменитый Эйнштейн был профессором в Цюрихе. Он тогда начинал работать над своей теорией относительности. Мы часто виделись, нередко он бывал у меня дома, и я выспрашивал у него об этой теории. Я лишен математического дара, и нужно видеть, чтобы представить, с какими мучениями этот бедняга объяснял мне, что такое относительность. Он не знал, как это сделать. Я готов был провалиться сквозь землю и чувствовал себя полностью никчемным, видя, как он мучается со мной. Но однажды он спросил меня о чем-то из области психологии. Тут-то я и взял реванш.

Особое знание ставит в ужасно невыгодное положение. Оно заводит вас настолько далеко, что вы уже ничего не можете объяснить. Вам придется смириться с тем, что я буду говорить вам элементарные, на первый взгляд, вещи, ибо лишь зная о них, вы сможете понять, почему я делаю те или иные выводы. Я приношу извинения, поскольку у нас не так много времени, и я не могу рассказать вам все. Переходя к снам, я отдаю себя во власть вашего суждения и рискую быть признанным полным дураком, поскольку я не в состоянии предоставить вам все те материалы, все те исторические свидетельства, на которых строятся мои заключения. Я буду вынужден по кусочкам цитировать литературу Индии и Китая, средневековые тексты — т. е. все те вещи, которых вы не знаете. Да и как бы вы могли знать? Я сотрудничаю со специалистами из других областей знания, и они помогают

мне. Среди них был и мой покойный друг профессор Вильгельм, синолог; я работал вместе с ним. Он перевел даосский текст и попросил меня прокомментировать его с психологической точки зрения, что я и сделал[40]. Мой рассказ будет полон новшеств для синолога, но то, что может рассказать он, будет столь же неожиданно для нас. Китайские философы не были глупцами. Это мы считаем, что древние просто глупы, но по своему уму они были ничем не хуже нас. Это были чрезвычайно разумные люди, и психология могла бы неустанно учиться у древних цивилизаций, особенно у Индии и Китая. Бывший президент Британского антропологического общества как-то спросил меня: «Как понять, что такие высокоразвитые люди, как китайцы, не имеют своей науки?» Я ответил: «У них есть наука, но вы не понимаете ее. Она не основывается на принципе причинности. Причинность — не единственный принцип; она достаточно условна (относительна)».

Кто-то может возразить: «Что за глупость считать причинность условностью!» Однако взгляните на современную физику! Восток строит свое мышление и систему оценки фактов, исходя из иного принципа. У нас для его обозначения нет даже названия. На Востоке, естественно, есть обозначающее его слово, но мы его не понимаем. Таким восточным словом является *Дао.* У моего друга Мак Дугалла[41] был китайский студент, которому он задал вопрос: «Что именно ты понимаешь под Дао?» Типично западный вопрос! Китаец объяснил, что такое Дао, но Мак Дугалла ответ не удовлетворил: «Что-то мне пока непонятно». Тогда китаец вышел на балкон и сказал: «Что вы видите?» — «Я вижу улицу, дома, людей, прогуливающихся или едущих в трам-

---

[40] «The Secret of the Golden Flower» (Китайский текст был переведен Рихардом Вильгельмом. Комментарий Юнга см. в: Jung C. G. Alhemical Studies // C.W.— Vol. 13.)

[41] Уильям Мак Дугалл (1871 —1938) — американский психиатр.

ваях» «Что еще?» «Я вижу холм». «А еще?» «Деревья». «А еще?» «Дует ветер». Китаец распростер руки и сказал: «Это Дао».

В этом-то все и дело. Дао может быть чем угодно. Для его обозначения я пользуюсь иным, достаточно узким термином. Я называю его *синхронией*. Когда восточный разум наблюдает совокупность фактов, он воспринимает ее как таковую, а западный разум разделяет ее на отдельные сущности, на малые элементы. Например, вы смотрите на некоторое скопление людей и говорите: «Откуда они все пришли?» или «Зачем они собрались вместе?» Восточный разум это абсолютно не интересует. Восточный разум говорит: «Что *означает*, что эти люди собрались вместе?» Для западного разума такой проблемы нет. Нас интересует, зачем вы сюда пришли и что вы здесь собираетесь делать. Для восточного разума все не так: его интересует то, что вы вместе.

Вот как это выглядит: вы стоите на морском берегу, и волны выбрасывают старую шляпу, старую коробку, ботинок, мертвую рыбу, и все эти вещи остаются лежать на берегу. Вы говорите: «Случай, бесмыслица!» А китайский разум задает вопрос: «Что означает, что эти вещи находятся вместе?» Китайский разум экспериментируют с этим *«быть вместе», «прийти вместе в какой-то момент»;* у него есть свой, неизвестный на Западе, но играющий значительную роль в восточной философии, экспериментальный метод. Это метод предвосхищения возможностей, и он все еще используется японским правительством при решении политических вопросов — так было, например, во время (Первой) Мировой войны. Этот метод был сформулирован еще в 1143 г. до Р.Х. [42]

[42] И-цзин, или Книга перемен. См.: The I Ching, or Book of Changes/ Tr. by Wilhelm/ Baynes 7 — 3rd edn. (Introduction.— P. LIU). См. также русский перевод «Книга перемен» (И-Цзин) в переводе Ю. Шуцкого. М 1991.

Лекция третья

Председательствующий (д-р Морис Б. Райт):

Дамы и господа!

Сегодняшним вечером мне выпала честь быть председательстую-щим на лекции профессора Юнга. Двадцать один год назад мне также повезло встречать профессора Юнга, когда он прибыл в Лондон с серией докладов[43], но тогда, однако, аудиторию составляла очень малая группа психологически мыслящих врачей. Я помню очень хорошо, как после наших встреч мы отправлялись в небольшой ресторан в Сохо и беседовали там до самого закрытия заведения. Естественно, мы пытались выведать у профессора Юнга все, что могли. Когда я прощался с профессором, он сказал мне — он сделал это без особой серьезности: «Я думаю, вы экстраверт, который стал интровертом». Честно говоря, я до сих пор размышляю об этом.

А теперь, дамы и господа, только одно слово о вчерашнем вечере. Я думаю, профессор Юнг дал нам прекрасную картину своих взглядов и своей работы, когда упомянул о роли телескопа. С помощью телескопа человек, естественно, может увидеть значительно больше, чем невооруженным глазом. Именно такова позиция профессора Юнга. Благодаря своим особым очкам, своим совершенно специфическим исследованиям, он приобрел

[43] «On the Importance of the Unconscious in Psychopathology» и «On Psychological Understanding», оба доклада были прочитаны в 1914 году (C.W. 3).

знание и видение глубины человеческой психики, которых многим из нас как раз и недостает. Конечно, в пределах нескольких лекций невозможно дать более чем очень сжатый очерк того видения, которым он владеет. Поэтому, по-моему, если что-то и может показаться неясным или окутанным мраком, то это не вопрос обскурантизма, а проблема очков. Моя собственная беда заключается в том, что моя аккомодационная мышца уже закостенела, так что для меня вряд ли представляетя возможным увидеть предлагаемую картину со всей ясностью, даже если бы профессор Юнг и смог бы одолжить мне свои очки. Однако это все же возможно, и я знаю, с каким трепетом мы ловим каждое сказанное им слово, как оно стимулирует наше мышление, особенно, в той области, где умозрение столь легко, а доказательства весьма трудны.

Профессор Юнг:

Дамы и господа!

Я должен был завершить свою лекцию о тесте словесных ассоциаций вчера, но вынужден нарушить свой регламент. Поэтому вы должны простить меня за то, что я вновь к этому возвращаюсь. И это вовсе не из-за того, что я как-то особенно влюблен в ассоциативные тесты. Я пользуюсь ими лишь тогда, когда это необходимо, но они действительно составляют основу определенных понятий. Прошлый раз я говорил вам о характерных расстройствах, и, думаю, что было бы неплохо, если бы мне удалось кратко просуммировать все то, что следует сказать о самих результатах эксперимента, а именно о комплексах.

Комплекс является агломерацией или совокупностью ассоциаций, нечто вроде слепка более или менее сложной психологической породы — иногда травматического, иногда просто болезненного, аффектированного характера. Напряженными чувствами достаточно трудно управлять. Я, например, нерешительно приступаю к важному для меня делу. Вы, наверное, заме-

тили, задавая мне непростые вопросы, что я не могу ответить на них мгновенно, без промедления. Время моей реакции продолжительно именно потому, что вопрос серьезен. Я начинаю запинаться, и память не подносит мне необходимый материал. Подобные нарушения — тоже комплекс, несмотря на то, что лично я данным комплексом не страдаю. Такие ситуации связаны с физиологическими реакциями: сердечной деятельностью, давлением крови, дыханием, состоянием желудочного тракта, раздражимостью кожи. Комплекс, что называется, «сидит» в теле, делает его неуправляемым. Имея свои «корни» в теле человека, задевая его нервную систему, комплекс вызывает трудноустранимую реакцию. То, что имеет небольшую эмоциональную значимость и невысокий тонус, с легкостью может быть устранено, поскольку не имеет своих корней в организме. Такие комплексы не столь цепки и «прилипчивы».

Дамы и господа, это приводит меня к весьма важному факту, к тому, что комплекс с присущей ему энергией имеет тенденцию образовывать как бы отдельную маленькую личность. У него есть некое исходное тело и определенное количество собственной физиологии. Он может расстроить желудок, нарушить дыхание, изменить сердечный тонус, словом, ведет себя как парциальная личность. К примеру, когда вы хотите сказать или сделать что-то и, к несчастью, комплекс вмешивается в это намерение, то вы говорите или делаете совсем не то, что намеревались. Подобные свойства просто вынуждают нас говорить о наличии определенной силы воли комплекса. Когда мы говорим о силе воли, правомочен вопрос об эго. Где находится эго, принадлежащее воле того или иного комплекса? Нам известен наш собственный эго-комплекс, который — как само собой разумеющееся — полностью распоряжается телом. Но хотя это далеко не так, все же допустим, что речь идет о некоем центре, обладающем полной властью над телом, что существует некий фокус, который мы

называем эго и что это эго обладает волей и может что-то делать со своими компонентами. Эго ко всему прочему еще и совокупность (агломерация) высокочувствительных содержаний, так что нет принципиальной разницы между эго-комплексом и другими комплексами.

Поскольку комплексы в определенной мере обладают волей, то есть своего рода эго, то можно обнаружить, что в состоянии шизофрении комплекс эмансипируется из-под сознательного контроля до такой степени, что становится видимым и слышимым. Он проявляется в форме видений, говорит голосами, похожими на голоса определенных людей. Эта персонификация комплексов сама по себе еще не обязательное патологическое условие. В снах, например, наши комплексы появляются в персонифицированном виде. Можно натренировать себя до такой степени, что они приобретут внешнюю форму и в бодрствующем состоянии. В цикле тренировок йоги есть специальное упражнение по расщеплению сознания на отдельные компоненты, каждый из которых обнаруживает себя в форме отдельной личности. В психологии бессознательного есть типичные фигуры, имеющие свою собственную определенную жизнь [44].

В основе объяснительной части лежит факт, безусловно, *иллюзии* того, что понимается под единством сознания. Здесь желаемое принимается за действительное. Нам хотелось бы думать, что мы есть нечто единое, одно целое, но это далеко не так. В действительности мы не хозяева в собственном доме. Нам бы хотелось верить в свою волю и свою энергию и в то, что мы можем что-то сделать; но как только доходит до дела, то обнаруживается, что мы способны на это лишь в определенной степени, поскольку нам мешают эти маленькие черти-комплексы. Комплексы являются автономными группами ассоциаций, имею-

[44] Например, фигуры анимы и анимуса. Подробнее см. К. Г. Юнг. Психология бессознательного. М. 1994. С. 276 и далее.

щими тенденцию жить своей собственной жизнью отдельно от наших намерений. И личное бессознательное, равно как и коллективное, состоит из неопределенного (то есть, неизвестного) числа комплексов или фрагментарных личностей.

В этой мысли содержится многое. Возьмем, например, любого поэта или драматурга. Последний обладает способностью драматизировать и персонифицировать свои ментальные содержания. Когда он создает персонажа, на сцене или в поэтическом произведении (драма, новелла), то думает, что этот персонаж — просто продукт его воображения. На самом же деле персонаж в некотором смысле сделал сам себя. Автор будет отрицать, что эти персонажи имеют психологическое значение, но фактически, как нам известно, они-таки их имеют. Поэтому можно «прочесть» авторский разум, когда изучаешь персонажей, которые он творит. Комплексы, следовательно,— частичные или фрагментарные личности. Когда мы говорим об эго-комплексе, то, естественно, предполагаем, что последний обладает сознанием, так как взаимосвязь различных содержаний с центром, иными словами, с эго, и называется сознанием. Но мы также обладаем сгруппированными содержаниями относительно своего центра, некими ядрами, в других комплексах. Поэтому позволительно спросить: обладают ли комплексы своим собственным сознанием? Изучая практику спиритизма, вы будете вынуждены признать, что так называемые духи, возвещающие о себе через автоматическое письмо или голоса медиума, на самом деле тоже имеют своего рода сознание. Поэтому непредубежденные люди склонны верить тому, что духи являются призраками умерших — тети, деда или кого-то еще, в зависимости от того, насколько явно в подобных проявлениях могут прослеживаться индивидуальные различия. Конечно, когда мы сталкиваемся со случаями умопомешательства, нам вряд ди придет в голову, что мы имеем дело с призраками. Здесь речь идет о патологии.

Не удивляйтесь столь обширному разговору о комплексах. Я настаиваю здесь на существовании этой особой точки сознания внутри комплексов лишь потому, что комплексы играют большую роль в анализе сновидений. Вы помните диаграмму (рис. 4), демонстрирующую различные сферы сознания и темный центр бессознательного посередине. Чем ближе вы приближаетесь к центру, тем больше вы имеете дело с тем, что Жане (Janet) называет *понижением ментального уровня:* сознательная автономия начинает исчезать, и вы все больше и больше оказываетесь в плену бессознательных содержаний. Сознательная автономия теряет свое напряжение и энергию, и эта энергия вновь возникает в возрастающей активности бессознательных содержаний. Этот процесс в своей крайней форме можно наблюдать при внимательном изучении случаев безумия. Обворожительность бессознательных содержаний постепенно нарастает, и контроль сознания пропорционально падает до тех пор, пока в конце концов пациент полностью не погружается в бессознательное и не становится жертвой. Теперь он жертва полной автономной активности, которая имеет своим началом не эго, а темную сферу.

Для завершения разговора о тесте словесных ассоциаций я должен упомянуть о совершенно другом эксперименте. Экономя время, я не буду входить в его подробности. Результат наших объемных исследований, проводившихся в семьях, отражен в диаграммах (рис. 8,9,10,11)[45]. Например, небольшой подъем кривой, обозначенный на рис. 8, под номером XI,— это особый класс или категория ассоциаций. Принцип классификации — логический и лингвистический. Я не буду вдаваться в его подробности, примите к сведению лишь тот факт, что я подразделил ассоциации на пятнадцать категорий. Мы провели тест во многих семьях, по определенным причинам среди малообра-

[45] Jung C. G. «The Familial constellations» in CW2; Jung C. G. «Significance of the Father in the Destiny of the Individual» in C.W. 4, pars 698—702.

зованных людей, и выяснили удивительный параллелизм: типы ассоциаций и реакций особенно совпадают среди определенных членов семьи, например, отец и мать, два брата, мать и ребенок.

Один из случаев представлял крайне несчастливый брак, отец был алкоголик, мать являла весьма своеобразный тип. На диаграмме видно, что шестнадцатилетняя дочь полностью повторяет тип матери. Более тридцати процентов всех ассоциаций у них было представлено одинаковыми словами. Это удивительный случай сопричастности, ментальной «инфекции». Раз-

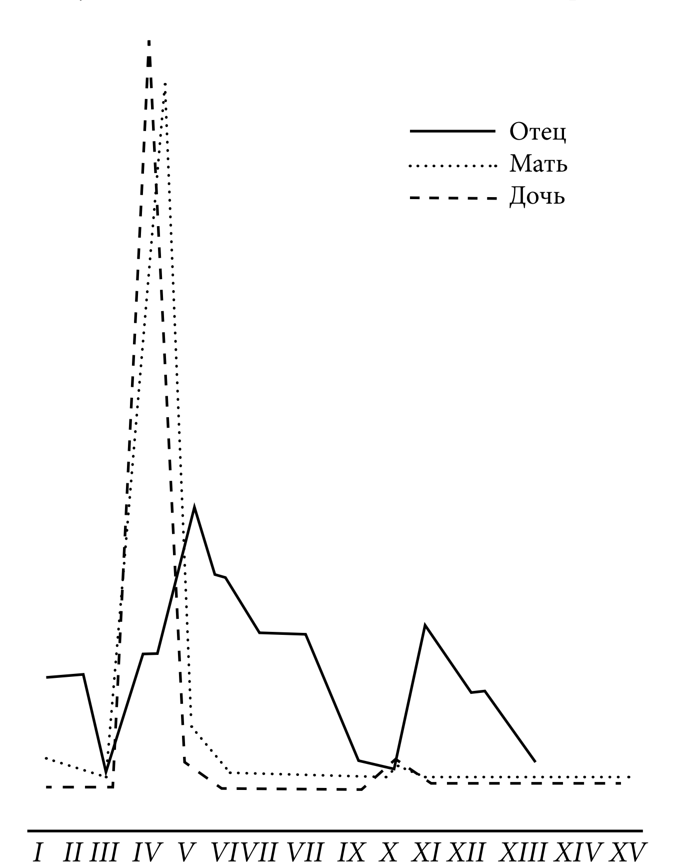

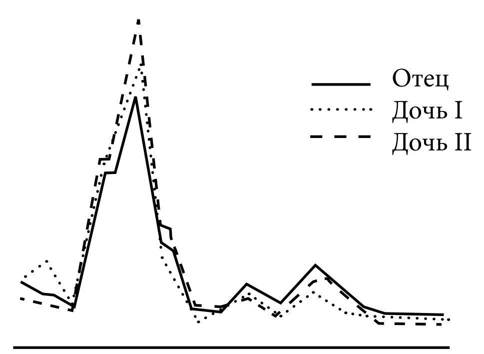
Рис. 8. Ассоциативный тест семьи.

мышляя об этом случае, можно сделать определенные выводы. Матери было сорок пять лет, она была замужем за алкоголиком; жизнь не удалась. У девочки такие же реакции, что и у матери. Представьте, что может случиться с ней, когда она вступит в жизнь, шестнадцатилетняя девочка, которой уже словно сорок пять лет и которая уже побывала замужем за алкоголиком. Вообразите, что ее может ожидать. Подобная сопричастность объясняет, почему дочь алкоголика, детство и юность которой были сущим адом, будет искать себе такого же алкоголика и выйдет за него замуж. Если же по воле случая он таковым не окажется, она его переделает в соответствии с раскладом в собственной родительской семье.

На рис. 9 изображен не менее поразительный случай. Вдовец жил с двумя дочерьми в полном согласии, о чем говорят все графики. Конечно, это неестественно, поскольку либо реакции были девичьими, либо девочки реагировали по мужскому типу, что выражалось даже в манере их разговора. В этом случае мы наблюдаем привнесение чуждого элемента в сознание.

Рис. 10 — это случай мужа и жены, который вносит некоторый оптимизм в мои достаточно пессимистические примеры. Вы видите здесь гармонию, но не думайте, что для этой пары это рай. Полная гармония в семье, основанная на участии, вскоре может привести к безумным попыткам супругов освободиться друг от друга. Тогда они придумывают раздражающие обоих темы для обсуждений для того, чтобы иметь причину чувствовать себя непонятым. Если вы займетесь изучением психологии брака, то обнаружите, что все неприятности происходят от этих хитроумных «изобретений», которые не имеют под собой никакого основания.

Рис. 11 не менее интересен. Две сестры живут вместе, одна из них замужем. Их пиковая реакция проходит под номером V. Жена в предыдущем случае — сестра этих двух женщин, и, воз-

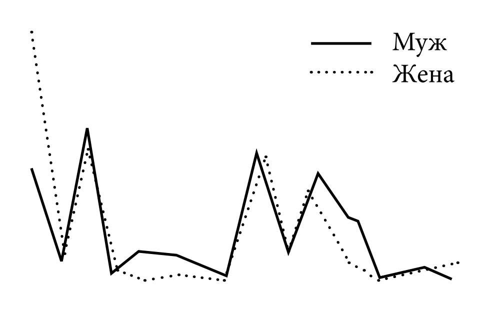

Рис. 9-11. Семейные ассоциативные тесты

можно, все они принадлежат к одному типу, но она вышла замуж за человека иного типа. Их высший показатель находится под номером III (рис. 10).

Состояния идентичности или сопричастности, продемонстрированные в ассоциативном тесте, могут быть подтверждены другими опытами, например с помощью графологии. Почерк жен, особенно молодых, часто похож на почерк мужей. Не знаю, бывает ли такое сейчас, но думаю, что человеческая природа остается неизменной. Иногда получается наоборот, потому что так называемый «слабый пол» не всегда бывает слабым.

Дамы и господа, сейчас мы перейдем условную границу реального мира и отправимся в мир сновидений. Я не хочу делать какого-либо особого вступления к анализу снов и думаю, что лучшим способом осветить суть идеи будет практически показать вам, как я работаю со снами; необходимости в особых теоретических разъяснениях тут нет, поскольку легко увидеть, из чего я здесь исхожу. Разумеется, я широко использую сновидения, поскольку они являются источником объективной информации в психотерапевтическом лечении. Когда врач имеет дело с каким-то конкретным случаем, то ему очень трудно удержаться от того, чтобы не составить определенное мнение на этот счет. И чем большее число случаев вы знаете, тем больше усилий приходится прилагать, чтобы «не знать» и дать пациенту шанс самому разобраться во всем. Я всегда стараюсь не знать и не понимать. Гораздо полезнее терапевтически показаться бестолковым или назвать себя незнайкой, чтобы предоставить пациенту возможность самому выразить свой материал. Но это не означает, что вы должны полностью «уйти со сцены».

Вот случай с мужчиной 40 лет, женатым, до этого не болевшим. Выглядит превосходно, он — директор большой общественной школы, весьма интеллигентен, ранее изучал некоторые, ныне вышедшие из моды области психологии, в частности

вундтовскую[46], ничего общего не имеющую с деталями человеческой жизни, но уводящую в стратосферу абстрактных идей. В последнее время был серьезно встревожен невротическими симптомами. Он стал страдать особого свойства головокружениями, нападавшим на него время от времени сердцебиением, тошнотой, ознобом и приступами слабости и удушья. Данный синдром представил картину болезни, хорошо известную в Швейцарии. Это горная болезнь, случающаяся с людьми, не привыкшими к большим высотам и легко возникающая у них при восхождениях. Поэтому я спросил: «А не горная ли это у вас болезнь?» Он ответил: «Да, вы правы. Похоже на горную болезнь». Я спросил, были ли у него сновидения, и он ответил, что совсем недавно видел три сна.

Я не люблю анализировать единичные сны, так как их можно интерпретировать весьма неопределенно. Дело существенно меняется в случае серии из двадцати или, скажем, ста снов: тут есть что сравнивать и легко выделить устойчивые информативные признаки. Здесь наяву процесс, происходящий в бессознательном из ночи в ночь и длящийся непрерывно. Существует предположение, что мы видим сны постоянно, и стало быть и днем тоже, хотя в последнем случае этого не воспринимаем, так как сознание подавляет их (окклюзия). Но бессознательное работает непрерывно днем и ночью. И вот ночью, когда происходит *понижение ментального уровня* (abaisse-ment du niveau mental), сны прорываются в психическую сферу и становятся видимыми.

В своем первом сне *пациент обнаружил, что находится в маленькой швейцарской деревушке. Представительный, в длинном черном пальто, он держит подмышкой несколько толстых книг. Появляется группа молодых людей, лица которых ему знакомы. Это его бывшие товарищи по школе. Они смотрят на него и говорят: «Этот парень не очень-то часто здесь появляется».*

[46] Вильгельм Вундт(1832—1920), немецкий психолог (Лейпциг).

Чтобы понять сон, необходимо вспомнить, что пациент имел очень хорошую научную подготовку и занимает достаточно высокое положение на социальной лестнице. Тем не менее ему пришлось все начинать с нуля, так как в известном смысле он self made man[47] («человек сделавший себя сам»). Его родители были бедными крестьянами, так что дорогу пришлось пробивать самостоятельно. Пациент очень амбициозен и полон надежд, что поднимется еще выше. По ассоциации картина напоминает человека, вскарабкавшегося от береговой морской отметки до высоты 2000 метров и теперь рассматривающего окрестные вершины еще большей высоты, возвышающиеся над ним. Человек забыл, что 2000 метров уже пройдены, пора отдохнуть, но нет, он намерен немедленно начать новый подъем; человек не осознает, что он устал и в данный момент не способен идти дальше. Утрата понимания сложившейся ситуации и есть причина симптома горной болезни. Сон донес до него реальную психологическую ситуацию. Контраст его представительной фигуры с книжками в родной деревне среди деревенских мальчишек, заметивших, что он не часто появляется в ней, означает, что пациент не часто вспоминает, откуда он появился. Напротив, он думает о своей будущей карьере и надеется получить место профессора. Поэтому сон ставит его обратно в прошлое окружение, помогая осознать и оценить результаты по сравнению с началом работы, а также границы естественных человеческих усилий.

Начало второго сна — типичный пример явления, возникающего тогда, когда сознательная установка совпадает со сновидческой.

Сновидец знает, что должен отправиться на важную конференцию, и берет свой портфель. Замечает, что время поджимает, поезд скоро отойдет, и начинает суетиться, боясь опоз-

[47] Человек, самостоятельно выбившийся в люди: человек, всем обязанный самому себе. (Прим. перев.)

дать. Он пытается собрать свою одежду: шляпы нет, пальто лежит на месте. Бегает по всему дому, в поисках того и другого, и кричит: «Где мои вещи?» В конце концов все находится, и герой выбегает из дому. При этом обнаруживается, что забыт портфель. Он возвращается за портфелем и смотрит на часы, убеждаясь в том, что действительно опаздывает. Затем бежит на станцию по дороге, которая до странности настолько мягкая, что будто бежишь по мху, и ноги двигаются с большим трудом. Задыхаясь, наш герой прибегает на станцию и видит, что его поезд только что ушел. Тут его внимание привлекает железнодорожное полотно, которое выглядит примерно как на рис. 12. Сновидец находится в A, хвост поезда уже в B, а паровоз в C. Он наблюдает за составом, огибающим всей своей длиной кривую, и думает при этом следующее: «Если машинист достаточно умен, то сообразит, подойдя к точке D, не давать полный пар, так как если он это сделает, то длинный состав, все еще огибая кривую, сойдет с рельс». Паровоз подходит к D, и машинист дает полный пар: паровоз резко тянет состав вперед. Сновидец видит разворачивающуюся катастрофу — состав сходит с рельс — и кричит, просыпаясь в кошмарном страхе.

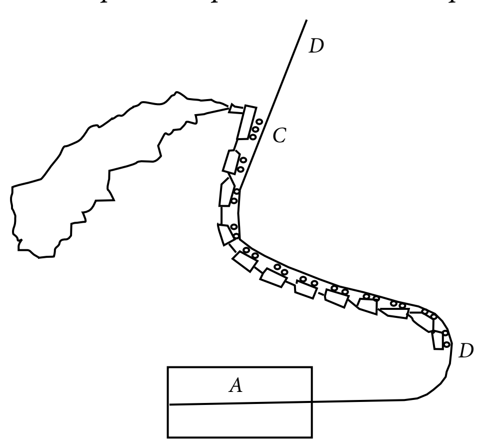

Рис. 12. Сон о поезде.

Всякий раз, когда кто-либо видит сон с подобной ситуацией опаздывания, с сотней препятствий и помех, то ведет себя во сне точно так же, как и в реальности, разумеется если при этом что-то переживает. А переживает и нервничает, потому что происходит бессознательное сопротивление сознательному намерению. Наиболее раздражающим является то, что сознательно сновидец очень сильно чего-то хочет, а невидимый дьявол всячески работает против него, и этот дьявол и есть сам сновидец одновременно. Во сне идет работа против этого дьявола, но делается она весьма суетливым образом, излишне неровно. В описываемом случае развитие сюжета происходит против воли сновидца. Он не хочет оставлять дом и, однако, хочет этого весьма сильно; поэтому все помехи и трудности на пути созданы им же самим. Он же — тот самый машинист, который думает: «Ну все, теперь у нас нет проблем, кривую объехали, впереди прямой участок и можно дать полный пар». Прямая линия на кривой соответствует более высоким пикам из первого сна, о которых сновидец думал, что они посильны для него.

Но сон предупреждает, что Герой не должен быть таким глупым, как машинист, давший полный пар, когда хвост состава еще не вышел из поворота. А это как раз то, о чем мы всегда забываем; забываем, что сознание — всего лишь поверхность, лишь авангард нашего психического существования. Голова — только один конец, а за ним, за авангардом-сознанием — длинный хвост колебаний, слабостей, комплексов, предрассудков и унаследованных качеств. Мы же почти всегда принимаем решение без учета факторов прошлого. И порой сходим с рельс.

Я всегда говорю, что наша психология тащит за собой длинный хвост, как у ящерицы, заключающий в себе всю историю индивидуального рода, нации, Европы и всего человечества. Мы всегда всего лишь люди и не должны забывать, что несем свою ношу, все бремя человеческого. Будь у нас только головы,

мы были бы как ангелы, у которых голова да крылья, и, конечно, ангелы могут делать все, что хотят, ибо не имеют тела, обязывающего ходить только по земле. Нужно еще отметить, что хитроумное движение состава напоминало змею. Это важно, и, скорее, не для сновидца, а для интерпретатора. Сейчас мы увидим почему.

Следующий сон — завершающий цикл и решающий в нем. Необходимы некоторые пояснения. В этом сне мы встречаемся с необычным животным — наполовину ящерицей, наполовину крабом. Перед тем как приступить к деталям, необходимо сказать о методе работе над осмыслением сновидения. Как вы знаете, существуют различные точки зрения и множество ложных путей к пониманию снов.

Метод свободных ассоциаций в этом случае представляется весьма сомнительным, что показывает опыт. Свободные ассоциации показывают и означают, что перципиент открыт любому количеству и виду ассоциаций, а они, естественно, ведут к его комплексам. Но в данном случае я не хочу знать комплексы пациентов. Положим, мне это неинтересно, и я хочу знать, что *сны* обязаны сказать о комплексах, а не что есть комплексы. И я хочу знать, что бессознательное человека делает с его комплексами. Для чего он готовит сам себя. Это то, что я вычитываю из снов. При использовании метода свободных ассоциаций я не нуждался бы в снах как таковых. Я достал бы дорожный указатель, например «Путь туда-то и к тому-то», дал бы клиентам свободно поразмышлять, и они непременно привели бы меня к своим комплексам. Сядьте в венгерский или русский поезд, взгляните на диковинные знаки на непонятном языке, и вы сможете проследить все свои комплексы.

Моя цель иная — не узнать комплексы, а узнать, что есть сон. Поэтому я рассматриваю сновидение как некий текст, который не совсем понимаю, скажем, на латинском, греческом или санс-

крите. Какие-то слова мне неизвестны или сам текст фрагментарен; я использую обычный метод, который применяет любой филолог при чтении подобного текста. Идея заключается в том, что сам сон ничего не скрывает — мы просто не понимаем его язык. Предположение, что сон может что-то скрывать, зиждется на антропоморфической иллюзии. Ни одному филологу не придет в голову, что кусок текста на санскрите или клинописная табличка что-то скрывает. В Талмуде есть очень мудрое замечание, гласящее: в самом сне заключено и его толкование. Сон сам по себе закончен и целостен, и если думать, что он прячет нечто позади себя или в себе самом, то это значит просто не понимать его как таковой.

Поэтому, имея дело с тем или иным сном, прежде всего говоришь себе: «Здесь я не понимаю ни слова». Я всегда приветствую это чувство некомпетентности, так как знаю, что придется проделать большую работу, чтобы понять его. Итак, что же я делаю. Я пользуюсь филологическим методом и логическим принципом, называемым *амплификацией*. Это не более чем простые поиски параллелей. К примеру, при встрече с редким словом, ранее не попадавшимся, вы пытаетесь найти параллельные куски текста, где это слово также появляется.

Так мы учимся читать иероглифы, клинопись; аналогично можно научиться читать сны.

Как я нахожу контекст? Здесь необходимо следовать принципу ассоциативного эксперимента. Вот сны мужчины фигурирует простой деревенский дом. Могу ли я знать, с чем связан простой крестьянский дом в мышлении этого человека? Конечно, нет, да и как я могу знать? Знаю ли я, что простой деревенский дом означает для него в общем? Тоже нет. Следовательно, я прямо спрашиваю: «Каким образом эта вещь могла возникнуть в поле вашего сознания?» — или, другими словами, каков подтекст, каково ментальное клише, в которое данный термин

(данное понятие) «простой крестьянский» дом впечатан? И он может ответить вам нечто весьма удивительное.

К примеру, кто-то говорит «вода». Могу ли я знать, что имеется в виду? Разумеется, нет. Я ставлю текстовое или сходное слово как вопрос и получаю ответ «зеленая». А другой скажет H_20, что совершенно другое. Третий скажет «быстросеребристая» или «самоубийство». Каждый раз я узнаю словесную ткань или образ, в нее впечатанный. Это и есть амплификация.

Разумеется, здесь необходимо упомянуть о заслуге Фрейда, который создал саму постановку проблемы сновидений и позволил нам к ней подойти в прямом смысле слова. Согласно его идее, сон есть искаженное представление (репрезентация) скрытого несовместимого желания, несогласуемого с сознательной установкой, в силу чего оно цензурируется, т. е. искажается, чтобы сознание его не узнало. В то же время это скрытое желание не дает себе умереть и стремится проявиться во что бы то ни стало. И затем Фрейд сам говорит: «Дайте нам преодолеть это искажение; будем естественны, оставим свои искаженные тенденции и позволим ассоциациям течь свободно, тогда-то мы и придем к своим естественным событиям, а именно к комплексам». Это совершенно иная точка зрения относительно моей, Фрейд ищет комплексы, я — нет. В этом-то и вся разница. Я ищу то, что бессознательное совершает над комплексами, ибо меня это интересует гораздо сильнее, чем тот факт, что люди обладают комплексами. У нас у всех есть комплексы; это весьма малоинтересный и банальный факт. В их числе и комплекс инцеста, который можно найти у всех, стоит только поискать; он ужасно банален и не стоит внимания. Но интересно другое — что люди делают со своими комплексами. Это по крайней мере практический вопрос.

Фрейд использует метод свободных ассоциаций и основывается на принципе, который в логике называется reductio in

primam figu-ram, возвращение к первой фигуре. Это силлогизм, сложный ряд логических заключений, в ходе которых от исходного резонного положения путем различных допущений и инсинуаций постепенно переходят к его полной противоположности. Сны, по Фрейду,— это полное искажение, которое маскирует оригинал, и вам только нужно распутать паутину, чтобы добраться до исходного содержания, которое может быть следующим: «Я хочу совершить то или это; у меня есть такие-то и такие-то несовместимые желания». Приведу пример, используемый в логике. Начнем с очевидного предположения: «Нет неразумного свободного бытия». Другими словами, неразумное не имеет свободной воли. Далее первый шаг к заблуждению: «Следовательно, нет свободного бытия неразумного». Это — уже трюк, софизм, и с этим трудно согласиться. Продолжаем: «Все люди свободны» (все обладают свободной волей). И «триумфальный» конец: «Следовательно, нет неразумных людей». Полная чепуха.

Можно предположить, что сам сон является чепухой. Это логично, потому что очевидно, что сон есть нечто абсурдное: иначе его можно было бы запросто понять. Но, как правило, сны не понимает никто; и едва ли когда-либо кто-либо видел сны, которые были бы ясны с начала до конца. Даже в первобытных племенах, где люди весьма внимательны к сновидениям, и там считают, что обычные сны ничего не значат. Но есть особые «большие сны» — вожди и целители могут видеть «большие сны», а прочие люди — нет. Здесь их рассуждения весьма сходны с европейскими. Столкнувшись с нелепым сном, вы скажете: «Это чепуха, должно быть искажение реальных, разумных событий». Вы во всем разбересь, используя redictio in primam figuram, и придете к первоначальному, устраивающему вас положению. Итак, вы убедились — метод интерпретации сновидений Фрейда вполне логичен, если вы допустите, что содержание снов действительно бессмысленно.

Не следует также забывать, что, делая заявление относительно бессмысленности тех или иных вещей, мы, возможно, просто их не понимаем, мы не Боги, а напротив— всего лишь люди с ограниченными способностями мыслить. Когда душевнобольной пациент говорит мне о чем-то, я могу подумать: «Все, что он мне говорит — чушь»,— но если я по-настоящему занимаюсь наукой, то скажу, что не понимаю его. Но если я антинаучен, я подумаю: «Этот парень всего лишь сумасшедший, а я разумен». Подобного рода аргументации и являются причиной того, что люди с неуравновешенной психикой часто хотят стать психиатрами. По-человечески это понятно, ведь это дает величайшее удовлетворение: будучи не уверенными в себе самом, вы можете сказать: «О, другие гораздо хуже». И потому вопросы остаются. Можно ли категорически заявлять, что сон — это чушь? Вполне ли мы уверены, что знаем это? Уверены ли мы, что сон — это искажение? Можно ли быть абсолютно убежденным, обнаруживая нечто, прямо противоположное своему ожиданию, что это просто искажение? Природа не совершает ошибок. Правильно или неправильно — категории человеческие. Естественный процесс — это всего лишь то, что есть, и ничего больше; его нельзя называть чепухой или бессмыслицей. Единственный несомненный факт — это то, что снов мы не понимаем. Посему, являясь не Богом, а человеком ограниченных способностей, я предпочитаю думать, что просто не понимаю снов. Поэтому я отвергаю точку зрения, что сон является искажением сознательных представлений. И если сон мной не понят, то искажен мой сознательный разум.

Но нужно избегать спекуляций и теорий, когда имеешь дело с такими мистериальными процессами, как сны. Нельзя забывать, что тысячелетиями любой разумный человек, обладающий знаниями и опытом, придерживался совершенно других взглядов на сновидения. И только совсем недавно появилась те-

ория, что сны ничего не содержат. Во всех других цивилизациях считали иначе.

А теперь «большой сон» моего пациента. «Я в деревне в простом крестьянском доме с пожилой крестьянкой, с виду похожей на мать. Рассказываю ей о большом путешествии, которое планирую совершить. Я собираюсь отправиться из Швейцарии в Лейпциг. Ее очень впечатляет мой рассказ, что в свою очередь очень радует меня. В этот момент я выглядываю в окно на сельский луг, там крестьяне сгребают сено. Сцена внезапно меняется, и появляется чудовище — огромный краб-ящерица. Вначале оно движется на меня влево, затем — вправо, так что в конце концов я оказываюсь между клешнями, словно между лезвиями ножниц. Тогда я хватаю металлический прут, бью этого монстра по голове и убиваю его. Затем еще некоторое время стою рядом и рассматриваю поверженного врага».

Прежде чем углубиться в исследование подобного сна, я всегда стараюсь создать некоторую последовательность, потому что сон имеет свою пред- и послеисторию. Он является частью психического клише, действующего непрерывно; у нас нет причин считать, что в психических процессах нет непрерывности, также как нет причин думать, что существуют какие-либо «пределы», «щели» в натуральных процессах. Поскольку природа представляет континуум, то и психическое — весьма вероятный континуум. Сон в этом смысле всего лишь одна вспышка или одно из наблюдений психического континуума, ставшее видимым на какой-то момент. Как непрерывность он связан с предыдущими снами. В предыдущем сне уже возникало специфически змееподобное движение поезда.

После сна с поездом, этот сон — возвращение в окружение раннего детства, мой пациент в обществе крестьянки-матери — легкий намек на собственную мать. Он впечатляет нейтральную по «роли» женщину своим величием и грандиозным планом пу-

тешествия. Лейпциг — аллюзия на его надежду получить там место. Чудовищный краб-ящерица — внешняя сторона эмпирического опыта, это, очевидно, продукт бессознательного.

Теперь мы приступаем к действительному контексту. Я спрашиваю его: «А каковы у вас ассоциации с простым крестьянским домом?» И, к моему удивлению, он отвечает: «Это лепрозорий св. Якова неподалеку от Базеля». Сие заведение — очень старый лепрозорий, и здание до сих пор сохранилось. Само место очень известно благодаря большому сражению, развернувшемуся там в 1444 году. Швейцарцы бились против войск Бургундского князя, армия которого пыталась прорваться в Швейцарию, но была остановлена авангардом швейцарского войска численностью 1300 человек. Количество бургундцев составляло 30 000 воинов. Сражение происходило в местечке у лепрозория св. Якова. Швейцарцы все до единого человека пали в бою, но своей жертвой предотвратили дальнейшее продвижение врага. Героическая смерть этих 1300 человек — знаменательный момент в истории Швейцарии, и ни один швейцарец не способен говорить об этом без чувства патриотизма.

Всякий раз, когда сновидец сообщает нечто подобное, вы должны разместить получаемую информацию в контексте самого сновидения. В данном случае это означает, что сновидец сам находится в лепрозории. Лечебница называется «Сиехенхаус», больничный дом. По-немецки «больной» означает «прокаженный». И вот он болен, изолирован от общества, помещен в лечебницу. Лечебница, ко всему прочему, связана местом нахождения с отчаянным сражением, в котором погибло 1300 человек. Само сражение произошло из-за того, что авангард не подчинился приказу. Он имел четкие инструкции не ввязываться в сражение, а ждать подхода всей швейцарской армии. Но при виде врага воины не смогли сдержать боевого порыва и, вопреки приказу, ринулись в бой, в результате чего все погиб-

ли. И здесь снова возникает схема-идея несвязанности головы и хвоста, и снова действие заканчивается фатально. Невольно подумалось: «Какая же опасность подстерегает этого человека?» Эта опасность не просто его амбиция или желание быть с матерью и совершить инцест или нечто подобное. Вспомним машиниста. Его фигура означала, что пациент имел тенденцию рваться вперед, не думая о хвосте, он вел себя так, словно состоял из одной головы — точно так думал и армейский авангард. Ему казалось, что он и есть вся армия. Подобное отношение и есть причина горной болезни. Пациент забрался слишком высоко и не подготовился к высоте, забывая при этом, откуда он начал свое восхождение.

По поводу женщины сновидец ответил: «Это моя прачка». Его прачка была вдовой, старомодной, необразованной, жившей, естественно, более примитивно, чем он сам. Поскольку клиент принадлежал к интеллектуальному типу, его чувственная сфера играла второстепенную роль. Поэтому чувство как таковое было малодифференцированным и находилось на одном уровне с прачкой. Пытаясь произвести впечатление на прачку, сновидец по сути воздействовал на Лейпциг.

По поводу поездки он заметил: «О, это моя цель. Я хочу пойти дальше и получить кафедру». Налицо безудержное стремление, налицо глупая попытка, налицо — горная болезнь; он хочет вскарабкаться слишком высоко. Его чувство было глубоко подавлено, и поэтому не содержало верных оценок, оставаясь слишком наивным. Крестьянка ассоциируется с собственной матерью. Существует много способных интеллигентных людей со слабо развитой дифференцировкой чувств, вследствие этого само чувство находится под влиянием материнского, оно идентично материнскому. Такие люди несут в себе много материнских свойств в чувственной сфере; они очень любят детей, внутреннюю обстановку дома, красивые комнаты и старые

дома. Иногда случается, что, достигнув сорока, эти индивиды обнаруживают «мужское начало», и здесь их поджидает психологический конфликт.

Таким образом, мужские чувства оказываются, так сказать, женскими и как таковые возникают и проявляются в снах. Я обозначаю их термином *анима,* поскольку эти чувства оказываются персонификацией нижних подчиненных функций, связывающих человека с коллективным бессознательным. Коллективное бессознательное в мужчине, как целое, представлено в женской форме. У женщин оно возникает в мужской форме и представлено *анимусом.*

На мой вопрос, что пациент имеет в виду, когда говорит, что крестьянка находилась под сильным впечатлением от плана поездки, он сказал: «Это следствие моего хвастовства. Я люблю прихвастнуть перед любыми людьми, чтобы показать, кто я есть, люблю быть на сцене, когда общаюсь с малообразованным людом. К несчастью, мне почти всегда приходится быть в окружении малокультурных людей». Когда человек возмущается примитивом окружающей среды и чувствует, что он слишком высок для своего круга, то неполноценность среды в нем самом проецируется во внешнюю среду, и там он начинает заниматься вещами, которыми должен был бы заниматься в себе самом. Когда он говорит: меня не устраивает неполноценность окружающей среды, то это означает, что ему следует сказать: меня не устраивает мой низкий культурный уровень. Правильными оценками он не располагает и не полноценен в чувственной жизни. Это и есть его проблема.

Но вернемся к сюжету сна. «В этот момент он выглядывает из окна и видит крестьян, собирающих сено». Это вновь образ чего-то, что происходило у него в прошлом. Он возвращает его к схожим картинам и ситуациям. Лето, и нужно встать рано и идти ворошить сено целый день, может придется остаться

на вечер. Конечно, это простой, честный труд, и им заняты все простые, честные люди. Он вспоминает, что у него в кабинете есть картина, висящая на стене и изображающая крестьян, собирающих сено. «Вот это и есть происхождение образа в моем сне».

Следующая часть сна более затемненная — появляется краб-ящерица. Я спрашиваю, откуда он мог появиться. «Это мифическое чудовище, которое пятится задом. Откуда он мог появиться во сне, я не знаю, наверное из сказок или чего-то в этом роде». То, что он вспоминал до этого, являлось вещами, которые любой из нас может встретить в реальной жизни, предметами, реально существующими. Что касается краба, то это архетип и в реальной жизни невозможен. Аналитик, имея дело с архетипом, прибегает к размышлению. Имея дело с личным бессознательным, нам непозволительно слишком много придумывать и добавлять что-либо к ассоциациям пациента. Можете ли вы что-либо прибавить к личности другого? Вы же сами по себе тоже личность. Другой человек живет своей собственной жизнью и собственным разумом, поскольку он личность. Но в той степени, в какой он не личность, в той степени, в какой он рядовой индивид, особь, он обладает одинаковой структурой — базовой структурой разума, сознания, и здесь я могу начать думать, становиться его партнером. Я даже могу обеспечить его необходимым контекстом, которого у него нет; он не знает, откуда появился краб, и не понимает, что все это означает, а я знаю и могу помочь снабдить его этим знанием.

Я указал ему, что мотив героя появляется через сны. У него относительно самого себя наличествовала фантазия героя, явившаяся на поверхность в последнем сне. Он везде герой — и в длинном пальто, и с грандиозным планом, герой, когда умирает на поле боя в сражении неподалеку от лечебницы св. Якова. Он собирается показать миру, кто он таков, и, конечно, он

герой, когда побеждает чудовище. Мотив героя неизменно сопровождается мотивом дракона: дракон и герой, борющийся с ним,— две фигуры одного и того же мифа.

Здесь дракон возникает в виде краба-ящерицы. Само появление еще, конечно, не объясняет того, что дракон представлен как образ его психологической ситуации. Поэтому последующее разворачивается вокруг чудовища. Когда оно движется сначала налево, а потом направо, у сновидца возникает впечатление, что он стоит на углу, который замыкается на нем наподобие раскрытых ножниц. Это может стать фатальным. Он читал Фрейда, и, согласно ему, рассматривает ситуацию как желание инцеста, чудовище на поверку оказывается матерью, угол раскрытых ножниц — ноги матери, а он, стоящий между ними, является только что рожденным или намеревающимся вернуться назад.

Но весьма странно, однако, что для мифологии, дракон *и есть мать*. Этот мотив можно встретить во всем мире, и само чудовище называют матерью-драконом. Мать-дракон каждый раз поедает свое дитя, она засасывает его обратно после того, как порождает, «чудовищная мать», как ее иначе называют, ждет с широко раскрытым ртом свою добычу где-то у западных морей, и, когда человек приближается к этому рту, чудовище заглатывает жертву. Чудовищный образ является матерью каменных гробов, пожирателем плоти; это в измененном виде Матута, мать мертвых, или богиня смерти.

Подобные параллели еще недостаточны в объяснении, почему в данном сне возник образ краба-ящерицы. Я придерживаюсь (на это есть свои причины) мнения, что представления психических фактов в образах, подобных змее или ящерице, или крабу, или мастодонту, или аналогичным животным, содержат в себе органическую основу. К примеру, змея очень часто представляет собой цереброспинальную систему, особенно

нижние мозговые центры; в частности, продолговатый мозг и спинальный шнур. Краб, с другой стороны, имея только симпатическую систему, представляет главным образом симпатику и парасимпатику живота; область абдоминальную. Поэтому при переводе текста самого сна это можно прочесть следующим образом: продолжая в том же духе, есть риск поставить против себя симпатическую и цереброспинальную систему и получить болезненный укус от нее, то бишь резкое нарушение деятельности симпатической и цереброспинальной системы. Фактически так и случается. Симптомы невроза сновидца выражают недовольство симпатических функций и цереброспинальной системы против его сознательной установки.

Краб-ящерица привнес архетипическую идею героя и дракона как смертельных врагов. Но в некоторых мифах можно обнаружить интересный факт — герой связан с драконом не только борьбой. Напротив, есть указания, что сам герой — это дракон. В скандинавской мифологии герой распознается по тому, обладает ли он змеиными глазами. И если у него змеиные глаза — он змея. Есть и другие мифы, содержащие ту же идею. Кекропс, основатель Афин, изображался могучим мужчиной со змеиным хвостом вместо ног. Души героев часто после смерти появляются в форме змей.

В сне чудовище движется сначала налево; я спрашиваю об этом. Он говорит, что, по-видимому, краб не знал дороги. Левая сторона — неудачная, зловещая, угрожающая. Она неблагоприятна. Правая сторона неблагоприятна для чудовища, потому что во время этого перемещения его настигает прут и убивает. Теперь о позиции в углу между движениями. Сновидец понял ее как попытку инцеста и сказал: «Фактически я чувствовал себя в окружении с любой стороны и ощущал миссию героя, который собирается сразить чудовище». Таким образом, он реализовал мотив героя.

В отличие от мифического героя, он сразил чудовище не оружием, а железным прутом. Он сказал: «Судя по результату, мне показалось, что это магический прут». Определенно он расправился с крабом магическим образом. Прут — другой мифологический символ. Часто он содержит сексуальную аллюзию, а сексуальная магия — это средство защиты от опасности. Можно также вспомнить землетрясение в Мессине[48], тогда сама природа вызывала в людях определенные инстинктивные реакции, направленные против всесокрушающих разрушений.

Прут есть инструмент, а инструменты в снах означают то, чем в действительности являются,— средствами, с помощью которых человек конкретизирует свое желание. К примеру, нож выражает желание резать; когда я пользуюсь копьем, то удлиняю свою руку; с помощью ружья можно проецировать влияние своего действия на большое расстояние; с помощью телескопа то же самое происходит и для зрения. Инструмент есть механизм, который представляет мое желание, мою способность и умение. Инструменты в снах символизируют аналогичный психологический механизм. Инструмент сновидца — магический прут. Он использует волшебную штуку, чтобы изгнать чудище, т. е. свою нервную систему, заведующую чувственной сферой.

Что же это означает в действительности? Как думает пациент, опасности нет. Так часто и делают. Надо хорошо подумать, что чего-то нет и этого не будет. Как ведут себя люди, состоящие только из головы? Они используют свой интеллект, чтобы считать многие вещи несуществующими; они убеждают их исчезнуть. Говорят: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Так поступил и мой сновидец. Он просто

[48] Речь идет о страшном бедствии 1908 года в Сицилии, когда стихия землетрясения разрушила 90% городских сооружений и унесла 60 000 человеческих жизней.

устранил чудище. «Краба-ящерицы нет; нет противоположного желания — я избавлюсь от него, подумаю, что его нет».

После этого я высказал ему свое мнение по поводу ситуации. «Лучший способ,— сказал я ему,— разобраться со снами, это представить себе, что ты малое дитя и пришли к двухмиллионлетнему старику или старухе с вопросом: «А что вы думаете об этом и обо мне?» И он (она) вам скажет: «У вас есть амбициозный план, и это глупо, поскольку вы идете против своих же собственных инстинктов. Ваши же собственные ограниченные возможности блокируют вам путь. Вы желаете отменить препятствия магией вашего мышления. Вы верите, что искусством интеллекта можно их преодолеть, но проблема весьма иррационального характера». При этом я добавил: «Ваши сны содержат предостережения. Вы ведете себя точно так же, как машинист или швейцарский авангард, бросившийся на врага без поддержки основных сил, и если вы и дальше будете поступать так же, то вас ждет катастрофа». Он был уверен, что такая точка зрения слишком серьезна и не имеет основания. Он настаивал на инцестуозной основе сновидения, на том, что теперь он осознал это, и посчитал, что теперь он свободен и может отправляться в Лейпциг. Я пожелал ему счастливого пути. Через три месяца он потерял работу, положение и исчез в неизвестном направлении. Таков был конец. Он бежал от фатальной опасности, исходящей от краба-ящерицы, но не понял предупреждения. Мне бы не хотелось делать вас пессимистами. Все же есть люди, которые делают разумные выводы из своих снов, что помогает им благоприятным образом решать свои проблемы.

Обсуждение третье

Д-р Леонард Ф. Браун:

Я хотел бы задать профессору Юнгу вопрос, относящийся к интерпретации тех снов, о которых он рассказывал нам сегодня. В связи с тем, что пациент бывает не в состоянии принять предложенную интерпретацию, мне хотелось бы узнать, можно ли преодолеть это затруднение за счет определенного изменения техники?

Профессор Юнг:

Если бы я имел намерение быть миссионером или спасителем, я воспользовался бы ловким трюком. Я сказал бы пациенту: «Да, это действительно материнский комплекс»,— в продолжение нескольких месяцев мы бы занимались с ним разговорами на этом специфическом жаргоне, и не исключено, что под конец мне удалось бы его убедить принять мою позицию. Но из опыта я знаю, что это нехорошо: не следует обманывать людей, даже для их блага. Я не хочу обманом выводить людей из их заблуждений. Возможно, для этого человека было лучше, чтобы все пошло прахом, нежели удержаться ценою лжи. Я никогда не препятствую людям. Когда кто-то говорит: «Я покончу жизнь самоубийством, если...»,— я говорю: «Если таково ваше желание, мне нечего сказать».

Д-р Браун:

Есть ли у вас какие-то свидетельства или подтверждения того, что симптомы горной болезни поддаются лечению?

Профессор Юнг:

У пациента невроз исчез в связи с тем падением, которое он испытал. Этому человеку не отвечала высота 6000 фунтов; ему следовало быть значительно ниже. Он опустился вниз, чтобы не стать невротиком. Однажды я беседовал с главой крупного американского учреждения, занимающегося воспитанием

детей-преступников, и услышал от него об очень интересном опыте. У них имеется две категории детей. Большинство из них, попадая в учреждение, чувствуют себя значительно лучше, развиваются очень хорошо и вполне нормально; в конце концов они перерастают свои пороки — какими б они ни были. Дети же другой категории — они составляют меньшинство — становятся истеричными, как бы они ни старались быть хорошими и нормальными. Это прирожденные преступники. Они нормальны тогда, когда поступают неправильно. Мы тоже чувствуем себя не так уж хорошо, когда ведем себя образцово, нам много лучше, когда мы понемногу грешим. Индусы, когда строят храм, оставляют один угол недостроенным; только боги создают нечто совершенное, человек на это никогда не способен. Лучше отдавать себе отчет в том, что ты — как и любой другой человек — несовершенен, в таком случае чувствуешь себя значительно лучше. Так обстоит дело и с этими детьми, так бывает и с нашими пациентами. Неразумно обманом уводить человека от его судьбы и помогать ему превзойти его собственный уровень. Если человек сам готов адаптироваться, помогите ему всем, чем можете; но если на самом деле его задача — не адаптироваться, любыми средствами помогите ему не адаптироваться; только тогда с ним будет все в порядке.

На что был бы похож мир, если бы все люди разом адаптировались? Как минимум, было бы нестерпимо скучно. Должны существовать люди, которые ведут себя неправильно; они выполняют роль козлов отпущения, они необходимы нормальным людям. Задумайтесь, чем мы обязаны детективным романам и газетным очеркам — мы ведь можем сказать: «Слава небесам, я не из тех, кто совершает преступления, я абсолютно невинное создание». Вы чувствуете удовлетворение, и этим вы обязаны наличию людей порочных. Это придает глубочайший смысл тому факту, что Иисус как спаситель был распят между двумя

ворами. Эти воры по-своему тоже были спасителями человечества — они были козлами отпущения.

Вопрос:

Я хотел бы задать вопрос о психологических функциях, если, конечно, это не уведет нас слишком далеко в сторону. Прошлый раз, отвечая не вопрос, вы сказали, что нет критериев, согласно которым можно было бы рассматривать какую-либо из функций как высшую саму по себе, затем вы сказали, что для достижения полного и адекватного знания о мире должны быть одинаково дифференцированны все четыре функции. Не имеете ли вы, таким образом, в виду, что в каком-то определенном случае все четыре функции могут быть в равной степени дифференцированы, или что это достигается путем обучения?

Профессор Юнг:

Я не верю в то, что человеку возможно одинаково дифференцировать все четыре функции, в таком случае мы были бы столь же совершенны, как Бог, а это, бесспорно, никогда не произойдет. В кристалле всегда будет трещина. Мы никогда не сможем достичь совершенства. Более того, если бы мы могли одинаково дифференцировать все четыре функции, мы тем самым просто превратили бы их в функции, доступные сознанию. Но тогда мы утратили бы идущую через подчиненную функцию наиболее ценную связь с бессознательным, с низшим миром инстинктов и с родственными нам существами. Наши добродетели лишь дают нам возможность быть независимыми. Тут мы ни в ком не нуждаемся, тут мы короли; но в нашей подчиненности мы связаны с человечеством, равно как и с миром наших инстинктов. Если бы мы обладали функциями в совершенстве, это даже не было бы преимуществом, потому что подобное состояние было бы равносильно полной отчужденности. Я лишен мании совершенства. Мой принцип таков: ради бога, не будь-

те совершенными, но любыми средствами старайтесь достичь полноты во всякой ее форме.

Вопрос:

Могу ли я спросить, что означает быть полным? Нельзя ли расширить представление о полноте?

Профессор Юнг:

Должен же я оставить что-то и на долю ваших собственных ментальных усилий. Несомненно, наиболее занимательным развлечением по дороге домой было бы размышление о возможном значении подобной полноты. Не следует лишать людей удовольствия делать свои собственные открытия. Полнота — это очень важная проблема, говорить об этом весьма интересно, но главное все же — быть полным.

Вопрос:

Как с вашими структурами сочетается мистицизм?

Профессор Юнг:

С какой структурой?

Ответ:

Со структурами психологии и психического.

Профессор Юнг:

Безусловно, вам следует определить, что вы подразумеваете под мистицизмом. Допустим, вы имеете в виду людей, имеющих мистический опыт. Мистиками являются люди, наделенные яркими переживаниями процессов коллективного бессознательного. Мистическое переживание (experience) есть переживание (experience) архетипов.

Вопрос:

Есть ли какая-то разница между архетипическими и мистическими формами?

Профессор Юнг:

Я не делаю между ними различия. Если вы займетесь феноменологией мистического переживания, то столкнетесь с интереснейшими вещами. Например, все вы знаете, что наши христианские небеса — это мужские небеса, где женский элемент лишь терпят, не более. Богоматерь не является божественной, она лишь архисвятая; она ходатайствует за нас перед троном Господним, но не является частью Божества. Она не входит в состав Троицы. Некоторые христианские мистики имеют иной опыт. Например, существует швейцарский мистик — Никлаус ван дер Флю (Niclaus von der Flüe)[49]. Его переживание относилось как к Богу, так и к Богине. В тринадцатом веке был мистик Гильом де Дигюльвиль (Guillaume de Diguileville), написавший «Pelerinage de Гёте de Jesus Christ»[50]. Подобно Данте, он имел видение высшего рая в виде «небесного золотого свода» (le del d'or), где на троне, в тысячу раз ярче солнца, восседает «король» (le Roi), т.е. сам Бог, а за ним на красновато-коричневом хрустальном троне — «королева» (la Reine), предположительно Земля. Это видение находится за пределами идеи Троицы, оно является мистическим опытом архетипического характера, включающим женский принцип. Троица — это канонический образ, базирующийся на архетипе исключительно мужского характера. В ранней Церкви гностическая интерпретация Святого Духа в качестве женского начала была объявлена ересью.

Догматические образы, такие как Троица,— это архетипы, ставшие абстрактными идеями. Но существует ряд мистических переживаний в самой Церкви, чей архетипический характер еще вполне зрим. Поэтому такие переживания содержат порой еретический или языческий элемент. Вспомните, например,

[49] См.: Jung C. G. Brother Klaus // C.W. 11.

[50] См.: Jung C. G. Psychology and Alchemy //C.W. 12. (Par. 315fF). Русский перевод: К. Г. Юнг. Психология и алхимия. Киев. 1997, пар. 315 и далее.

Святого Франциска Ассизского. Лишь благодаря огромному дипломатическому таланту папы Бонифация VIII св. Франциск был принят в лоно Церкви. Достаточно вспомнить лишь о его отношении к животным, чтобы оценить всю сложность положения. Животные, как и Природа в целом, были для Церкви неким табу. И все же священные животные, которым поклоняются, есть, такие как Агнец, Голубь, Рыба (в ранней Церкви).

Вопрос:

Не выскажет ли профессор Юнг свою точку зрения относительно психологических различий между диссоциацией при истерии и шизофрении?

Профессор Юнг:

При истерии диссоциированные личности все еще находятся в определенном взаимодействии, поэтому у вас всегда сохраняется впечатление целостной (total) личности. В случае истерии вы можете установить связь (раппорт), вы получаете чувственную реакцию от этой целостной личности. Существует лишь поверхностное разделение между определенными отделами памяти, но всегда присутствует и базовая личность. В случае шизофрении все протекает по-другому. Здесь вы встречаете лишь фрагменты, и нигде нет целого. Поэтому, если у вас есть друг или родственник, которого вы хорошо знаете и который обезумел, вы испытаете жуткое потрясение при встрече с полностью расщепленной личностью. В каждый конкретный момент времени вы можете иметь дело лишь с одним из фрагментов; это как осколок бывшего некогда целым стекла. Вы больше не чувствуете связной непрерывности личности. Имея дело со случаем истерии, вы думаете: лишь бы мне удалось стереть эту разновидность умопомрачения или сомнамбулизма, и тогда мы получим воссоединенную личность; при шизофрении же налицо глубокая диссоциация личности: фрагменты больше не могут соединиться.

Вопрос:

Существуют ли какие-либо более точные психологические понятия, с помощью которых может быть выражено это различие?

Профессор Юнг:

Есть вполне определенные пограничные случаи, когда вы еще можете связать воедино все части, при условии, что вам удастся восстановить утраченные содержания. Я расскажу вам один известный мне случай. Женщина дважды побывала в психиатрической лечебнице с типичными приступами шизофрении. Когда ее направили ко мне, она чувствовала себя лучше, но все еще пребывала в галлюцинаторном состоянии. Я видел, что отщепленные части еще досягаемы. И тогда мы начали вместе с ней разбирать детали тех переживаний, которые она имела в больнице (lunatic asylum), мы прошлись по всем голосам и по всем галлюцинациям, я объяснил ей каждый факт таким образом, чтобы она ассоциировала их со своим сознанием. Я показал ей, чем были все те бессознательные содержания, которые появлялись у нее в состоянии приступов помешательства, и поскольку она была весьма умной особой, я дал ей прочитать некоторые книги с тем, чтобы она побольше узнала, главным образом в области мифологии, что позволило бы ей связать все части воедино. Линии разрывов, бесспорно, оставались, и когда впоследствии у нее была новая волна дезинтеграции, я для того, чтобы иметь целостную картину, объективирующую ее состояние, попросил ее написать или нарисовать на бумаге изображение этой особой ситуации, что она и сделала. Она приносила мне довольно много выполненных ею рисунков, которые всегда помогали ей в тех случаях, когда она чувствовала, что вновь распадается на части. Таким образом, я сохранял ее на плаву в течение примерно двенадцати лет, у нее больше не было приступов, которые делали бы необходимым помещение ее в больницу.

Ей всегда удавалось парировать приступы путем объективации их содержаний. Более того, она рассказала мне, что, сделав такой рисунок, она обращалась к книгам и читала главу, касающуюся какой-то главной его особенности; делала она это для того, чтобы обрести единство с человечеством, с тем, что известно людям, с коллективным сознанием; после этого она снова чувствовала себя хорошо. Она сказала, что чувствует себя вполне адаптированной и не должна более полагаться на милость коллективного бессознательного.

Другие случаи не столь доступны, как этот, что не трудно представить. В принципе, я не способен излечить шизофрению. Однако при благоприятном стечении обстоятельств я могу синтезировать фрагменты. Но я не люблю этим заниматься, поскольку подобная работа ужасно трудна.

Лекция четвертая

Председательствующий (д-р Эммануэль Миллер):

Я не стану отнимать время у профессора Юнга, а просто выражу свою радость по поводу того, что нынешним вечером я оказался в роли председательствующего. Однако я нахожусь и в весьма невыгодном положении: у меня не было возможности посетить предыдущие лекции и поэтому я не знаю, в какие глубины бессознательного профессор Юнг успел вас погрузить, но думаю, что сегодня он собирается продолжить знакомить вас со своим методом анализа сновидений.

Профессор Юнг:

Интерпретация глубокого сна на примере, рассмотренном нами выше, не будет исчерпывающей, если останется в области личностной сферы. Подобные сны содержат архетипические образы, и это означает, что психологическая ситуация сновидца выходит за пределы личного слоя бессознательного. Его проблема в дальнейшем — уже не только частное дело, но, в известном смысле, проблема общечеловеческая. Символ чудовища как раз и указывает на это. Он демонстрирует миф о герое, и дальнейшая связь со сражением у лечебницы св. Якова также представляет общий интерес.

Способность рассматривать ситуацию с общей точки зрения обладает в клиническом смысле огромной терапевтической силой. Современная терапия не очень-то осведомлена об этом, но

древней медицине было хорошо известно, что возведение индивидуальной болезни на общий, более высший и безличный уровень несет значительный лечебный эффект. В Древнем Египте, например, к человеку, укушенному змеей, сразу же звали жреца-лекаря и тот брал с собой из библиотеки храма манускрипт с мифом о Боге Ра и его матери Изиде. Совершался процесс лечебной декламации в присутствии укушенного больного. Изида произвела ядовитого червя и упрятала его в песок, бог Ра наступил на змею, и та его укусила. Бог Ра стал страдать от ужасной боли и находился под угрозой смерти. Тогда боги настояли на том, чтобы Изида прочла заклинание, которое вытянуло бы яд из тела. Суть идеи проста — пациент под впечатлением услышанного может и в самом деле вылечиться[51]. Для нас с вами это представляется совершенно невозможным. Трудно вообразить, что, читая сказки братьев Гримм, можно вылечиться от тифозной лихорадки или воспаления легких. Но даже с нами могут происходить определенные чудеса: иногда простое утешение, сочувствие или психическое воздействие сами по себе могут вылечить или, по крайней мере, помочь в лечении.

Если архетипическая ситуация, подразумевающая болезнь, была выбрана верно, то пациент-пращур выздоравливал. Ему начинало казаться, что муки болезни не только заставляют страдать его одного, но они общие — даже сам Бог страдал. Косвенным путем это вводило пациента в общество людей и богов, и само это знание уже обладало значительным излечивающим эффектом. Современная духотерапия пользуется теми же приемами: боль или страдание сравниваются с муками Христа, что

[51] «И Изида, великий мастер чародейства, произнесла: «Струись яд и выходи из Ра... Я совершила тайнодействие и теперь яд прольется на землю, ибо он послушен мне... Ра будет жить, а яду суждено умереть, ибо если яд жив, то умрет Ра»». И сходным образом конкретный человек, сын конкретного человека будет жить, а яд, попавший в его тело умрет». (E. A. Wallis Bulge. Египетская литература. Т. 1. С. 55.)

приносит утешение. Индивид покидает скорлупу своего жалкого одиночества и представляется последователем божественной героической судьбы через страдания самого Бога. Когда древнему египтянину указывают, что он следует судьбой Ра, Бога Солнца, он тотчас же встает на один уровень с фараоном, являющимся сыном Бога. Таким образом, обычный человек становился сам как бы богом (отождествляясь с ним), это приводило к высвобождению огромных запасов энергии (психической), откуда понятно излечивание и снятие болевых ощущений. Отсюда становятся понятными и некоторые необычные ритуальные действия людей. Например, хождение босыми ногами по раскаленным углям или нанесение себе тяжких телесных повреждений, которые воспринимаются без какого-либо чувства боли. Вероятно, здесь срабатывает этот впечатляющий и адекватный сигнал, мобилизующий бессознательные силы до такой степени, что даже нервная система перестраивается, делая тем самым реакции тела «нормальными».

В случае психического страдания, которое всегда изолирует индивида от сообщества, от объединения так называемых нормальных людей, огромную роль играет понимание, а скорее, вера, что конфликт не индивидуальная трагедия, а одновременно страдание всех, совместная ноша времени. Это общая точка зрения возвышает человека над собой и связывает с человечеством. В подобном случае нет условий для возникновения невроза, ибо подчас ситуации порождаются самыми обычными обстоятельствами. Например, живя в современном обществе, вы вдруг потеряли деньги. Естественная реакция — огорчение и стыд, что ты единственный такой осел, который теряет деньги. Но поскольку все теряют деньги и это не есть нечто из ряда вон выходящее, то в конце концов примиряешься с потерей. Когда другим людям так же плохо, как тебе, переносить дискомфорт гораздо легче. Если человек потерялся в пустыне, на леднике

или он ответственный лидер группы в рискованной ситуации, он чувствует себя скверно, если не совсем плохо. Но если он солдат потерявшегося батальона, то он присоединяется к остальным, отпуская шутки, подбадривая коллектив и себя, и не будет думать об опасности. И, хотя степень опасности от этого не меньше, индивид чувствует себя совершенно иначе в группе, чем когда он оказывается в подобном положении один.

Когда архетипические фигуры возникают в снах, особенно на последних этапах анализа, я объясняю пациенту, что его случай не уникальный и не особенный, и что его психика работает на уровне, близком к общечеловеческому. Это важно, так как невротик чувствует себя ужасно изолированным и стесняется своего невроза. Но если он знает, что его проблема общая, а не просто личная, вот тут уже другое дело. В случае нашего сновидца, если бы я намеревался продолжать лечение, я бы обратил его внимание на такой факт, что в его последнем сне присутствует общечеловеческий мотив. Да и он сам в своих ассоциациях осознавал этот мотив противостояния между героем и драконом.

Битва героя с драконом как символ типичной человеческой ситуации — очень частый мифологический мотив. Одна из его древнейших литературных версий — вавилонский космогонический миф, в котором герой — бог Мардук — борется с драконом Тиаматом. Мардук — бог весны, а Тиамат — мать-дракон, первозданный хаос, Мардук убивает ее и разрубает на части. Из одной половины он делает небеса, а из другой — землю[52].

Другая, еще более впечатляющая параллель нашему случаю — эпос о Гильгамеше. Гильгамеш — типичный карьерист, человек честолюбивых замыслов, как и наш сновидец, великий царь и герой. Мужчины рабским трудом возводят город со сложными оборонительными стенами. Женщины, забытые,

[52] Jung C. G. Symbols of transformation, C.W. 5, par. 375ff.

покинутые мужьями, взывают с мольбой к богам защитить их от безрассудного тирана. Боги решают, что пора что-то предпринять. На психологическом этапе это означает: Гильгамеш пользуется только своим сознанием, голова имеет крылья и отделена от тела, но тело собирается что-то заявить по этому поводу. Ситуация оборачивается неврозом, а именно: столкновением противоположных факторов-полюсов. Как же невроз выглядит в поэме? Боги решают «призвать», т. е. сделать человека наподобие Гильгамеша. Они создают Энкиду, однако Энкиду несколько отличается от Гильгамеша. Он длинноволос, выглядит, как пещерный житель, живет с дикими животными в степи, пьет воду из колодцев, вырытых копытами газелей. Гильгамеш в добром здравии и памяти спит и видит сон, посвящающий его в намерения богов. Ему снится, что на его спину упала звезда, превратившаяся в могучего воина, и Гильгамеш борется с ним, но не может освободиться. В конце концов он все же побеждает и бросает противника к ногам матери, а мать делает его равным Гильгамешу. Мать как мудрая женщина разгадывает сон Гильгамеша, а Гильгамеш, пользуясь хитрыми приемами, делает Энкиду своим другом. Он овладевает реакцией бессознательного: хитростью и настойчивостью преследует своего противника, в результате они становятся друзьями и могут действовать совместно. Но приключения только разворачиваются.

В самом начале совместных предприятий Энкиду видит мрачный сон — подземное царство, где живут мертвые; а в это время Гильгамеш готовится к серьезному и опасному делу. Как и подобает героям, вместе с Энкиду он собирается победить Хумбабу, ужасное чудовище, которого боги поставили охранять их святилище на кедровой горе. Хумбаба издавал буреподобный рев, так что всех, кто приближался к кедровой роще, охватывала слабость. Энкиду выглядел храбрым и очень сильным, однако нервничал по поводу всего мероприятия. Его угнетали дурные

сны, к которым он относился с вниманием; сходным образом, как и подавленный человек в нас самих, над которым мы смеемся, когда эта подавленная часть нашего «Я» проявляет суеверность определенных дат и т. п.; подавленный человек, тем не менее, продолжает нервничать по поводу определенных вещей. Энкиду очень суеверен, его преследуют дурные сны на пути в лес и предвестия худых новостей. Но Гильгамеш толкует эти сновидения оптимистически. Вновь реакция бессознательного оказывается не соответствующей дальнейшему сюжету — наши герои достигают успеха и с триумфом доставляют голову Хумбабы в свой город.

Но тут вмешиваются боги, точнее богиня Иштар, пытающаяся победить Гильгамеша. Исходный принцип самого бессознательного — вечная женственность, и Иштар с истинной женской хитростью обещает Гильгамешу золотые горы, если он станет ее возлюбленным. Он уподобится Богу, его власть и богатства безмерно возрастут, но Гильгамеш не верит ни единому ее слову. Он грубо отказывается и, в свою очередь, обвиняет ее в жестокости и неверности своим любовникам. Иштар в гневе и бешенстве призывает богов сотворить исполинского быка, который спускается с небес и начинает разрушать царство Гильгамеша. Вспыхивает великая битва, сотни людей погибают, отравленные дыханием священного быка. Гильгамешу с помощью Энкиду удается убить быка. Празднуется победа.

От боли и гнева Иштар опускается на стену города, тут сам Энкиду совершает над ней насилие. Он оскорбляет ее и бросает в лицо член мертвого быка. Это кульминационный момент, далее следует развязка (peripeteia). Энкиду видит зловещие сны, а затем заболевает и умирает.

Это означает, что сознательное полностью отделилось от бессознательного. Бессознательное ушло со сцены, и Гильгамеш остался один — победитель с горестным лицом. Он едва

выносит потерю друга, но все его муки утраты есть по сути страх смерти. Гильгамеш видит своего друга мертвым и сталкивается лицом к лицу с фактом смерти: и он смертен. Теперь только одно желание беспокоит его — достичь бессмертия. Он предпринимает героические усилия, чтобы отыскать лекарство против смерти — он знает одного старика, своего предка, обретшего вечную жизнь и живущего далеко на Западе; он пытается найти его. Начинается путешествие в подземное царство, в потусторонний мир — Некию, — а затем Гильгамеш отправляется на Запад, вслед за солнцем, через двери небесной горы. Он преодолевает неслыханные трудности, и даже боги не мешают рискованному предприятию, хотя знамениями говорят ему, что поиски напрасны. В конце концов Гильгамеш достигает цели своего путешествия и убеждает старика рассказать о лекарстве. На дне моря он добывает магическую траву бессмертия pharmakon athanasias и приносит ее домой. Он устал от странствий, но полон радости, так как овладел удивительным лекарством и ему не надо больше бояться смерти. Гильгамеш купается в бассейне, освежая себя с дороги, а в это время змея вынюхивает целебное растение, подползает к нему и выкрадывает его. Возвратившись, Гильгамеш предпринимает новые действия по укреплению города, но мира не наступает. Он хочет знать, что происходит с человеком после смерти, и в конце концов к нему приходит дух Энкиду. Он появляется из дыры в земле и сообщает Гильгамешу весьма неутешительные сведения. На этом эпос кончается. Окончательная победа остается за холоднокровным животным.

Сохранилось значительное количество снов, записанных еще в античный период, в которых прослеживаются параллельные мотивы. Я приведу короткий пример того, как поступали наши коллеги в древности, разгадывая сон. Первый век новой эры. Эпизод, изложенный Иосифом Флавием в его истории об

Иудейской войне[53], в котором он описывает разрушение Иерусалима.

Тетрарх Палестины по имени Архелай был римским правителем и отличался жестокостью. Подобно почти всем провинциальным правителям, он рассматривал свое положение как удобный способ возвеличить себя и украсть то, на что натыкались его взгляд и руки. В результате такого положения дел к императору Августу в конце концов послали делегацию с жалобой. Случилось это на десятый год правления Архелая. Примерно в это же время ему приснился сон, в котором он увидел девять больших спелых колосьев пшеницы, которые «на глазах» поела голодная скотина. Архелай встревожился и немедленно призвал к себе «психоаналитика». Психоаналитик сказать ничего не смог, возможно, он побоялся сказать правду и отделался ничего не значащими фразами. Тогда Архелай собрал группу других «психоаналитиков» для консультации, но и те ничего путного не сообщили.

В те времена существовала любопытная секта людей, ессеев, (therapeutai) с весьма независимыми взглядами. Они жили неподалеку от Мертвого моря, кстати, вполне возможно, что к этой секте принадлежал Иоанн Креститель. Послали к ним за толкователями. Явился некто Симон ессей и, разобравшись, дал следующий ответ: «Пшеничные хлопья означают годы твоего правления, а скотина, пожравшая их,— перемены. Девять лет истекло, и теперь предстоят большие перемены в твоей судьбе. Голодная скотина предвещает твое падение». Подобные сельскохозяйственные образы в тех странах воспринимались достаточно легко. Поля должны были надежно охраняться от пасущегося скота. Трава на южных пастбищах растет очень низкая, и скот вечно голоден, так что ночной визит коров или волов через сло-

[53] Иосиф Флавий. Иудейская война. Ч. 2. СПб. 1996.

манный забор на засеянное поле может обернуться катастрофой — потерей урожая. Отсюда и основа для толкования сна.

Через несколько дней после визита прорицателя прибыл римский инспектор; он провел расследование, сместил Архелая, лишил всего недвижимого имущества и выслал из Палестины.

Архелай был женат, и его жене, Глафире, тоже приснился сон. Естественно, происшедшее с мужем держало ее под сильным впечатлением. Во сне явился первый муж (Архелай был третьим), согласно сновидческой версии, он был убит Архелаем, так что появился из царства мертвых. Этот бывший муж, по имени Александрос, обвинил Глафиру в недостойном поведении и сообщил, что собирается забрать ее назад к себе. Симон Ессей по поводу этого ничего не пояснил, предоставив эту возможность нам. Важно то, что в действительности Александрос был мертв. Поэтому когда он заявил, что собирается забрать Глафиру к себе, то это означает, что ей предстоит путь в загробный мир. Так оно и случилось — через несколько дней Глафира совершила самоубийство. Способ, которым руководствовался Симон-прорицатель, оказался весьма рациональным и логичным с точки зрения сегодняшнего дня. Правда, он не был слишком сложным, как того требует большинство наших снов. Я отметил для себя следующую особенность: сны по своей сложности или простоте соответствуют самому сновидцу, сложности структуры его сознания. Только они всегда немного опережают сознание сновидца, предшествуют сознанию. Например, я не понимаю свои собственные сны сколько-нибудь лучше, чем сны других людей, так как они — мои сны — отчасти выходят за рамки возможностей моего понимания. Здесь у меня такие же проблемы, как и у людей, совершенно ничего не знающих о толковании снов. Знание не оказывается преимуществом, когда дело заходит о собственных снах.

Другая интересная параллель к нашему случаю — это история, возможно, известная вам из четвертой главы книги пророка Даниила[54]. Когда царь Навуходоносор завоевал всю Месопотамию и Египет, то решил, что теперь он самый великий человек, поскольку владеет всеми известными ему землями. И вот ему снится сон, типичный, как мы говорим, сон *карьериста* (arriviste), забравшегося слишком высоко. Ему приснилось дерево невероятных размеров, выросшее до небес и отбрасывающее тень на всю землю. Но вот наблюдающий с небес ангел-хранитель приказал срубить дерево, обрубить сучья и ветки, сорвать листья, так что в конце концов остался один пень. А сам он, Навуходоносор, дикий и одинокий, живет среди зверей и у него вместо человеческого сердца — звериное.

Конечно, все признанные астрологи, мудрецы и прорицатели отказались разгадать сон. И только Даниил понял его смысл. Он предостерег царя от попыток стяжательства и несправедливостей, иначе, сон может обернуться несчастьем. Но царь, полный манией величия, советом пренебрег. Тогда голос с небес вновь послал ему знамение, повторившее пророчество Даниила. И что же в конце концов? Все случилось, как и было предсказано. Навуходоносор превратился в зверя и очутился среди животного царства. Ел траву, тело покрылось росой, волосы выросли длиной с орлиные перья, ноги стали когтями. Он превратился в дикаря, лишенного за ненадобностью разума. Еще хуже, чем дикаря, так как утратил все человеческое; он стал чудовищем Хумбабой. История символизирует полную деградацию человека, потерявшего себя.

Случай этот иллюстрирует проблему преуспевающего человека, забывающего о себе и наталкивающегося на сопротивление бессознательного. Противоречие возникло прежде всего в снах, и если оно не принимается во внимание, то переживается

[54] Jung C. G. The Structure and Dynamics of the Psyche. C.W. 8.

в реальности, и, как правило, катастрофическим образом. Эти исторические сны, как и все сны, осуществляют *компенсаторую функцию:* они — индикация, симптом, служащий сигнализацией того, что сновидец где-то отклонился от своего собственного пути. Где-то он мог стать жертвой собственной амбиции и тщеславных замыслов, и если он не обратит внимание на это, то пропасть может увеличиться, увеличивая тем самым вероятность в нее угодить.

Я хочу подчеркнуть, что в истолковании снов очень важно внимательнейшим образом рассмотреть все детали, не упуская из виду и сам контекст. Ни в коем случае нельзя подстраивать какую-либо теорию, но всегда спрашивать сновидца, что он чувствует по поводу тех или иных образов. Сны всегда посвящены какой-либо частной проблеме индивида, относительно которой у него неверное сознательное суждение. Сны всегда являются реакцией на нашу сознательную установку, действующей тем же самым образом, каким тело, скажем, реагирует на переедание или недоедание. *Сны — естественная реакция саморегуляции психической системы.*

Эта формулировка лежит в основе теории о структуре и функции сновидений. Я придерживаюсь точки зрения, что сны так же многомерны, непредсказуемы и невычислимы, как и человек, поведение которого можно пронаблюдать в течение дня. Проследите за человеком в течение ряда моментов и вы увидите и услышите самые разнообразные реакции; то же и со снами. В снах мы проявляем такую же разносторонность, как и в повседневной жизни; и так же, как невозможно обосновать теорию многих аспектов сознательной личности, так невозможно выстроить общую теорию сновидений.

Сегодня, вопреки собственной традиции, я собираюсь проанализировать сон не из серии, а единичный. Более того, я не знаком со сновидцем и, следовательно, не могу использовать

ассоциативную сферу. Поэтому интерпретация сна покажется кому-то спорной. Но есть и известное оправдание для подобной процедуры. Если сон сконструирован из *личностного* материала, то и ассоциации носят индивидуальный характер, но если сон главным образом *мифологичен* по структуре — разница между ними очевидна сразу,— то тогда он говорит универсальным языком, и любой интерпретатор может пользоваться параллелями для конструирования текста. По крайней мере, необходимое знание для этого у него есть. Например, если во сне разыгрывается сюжет герой-дракон, каждый кое-что может сказать по этому поводу: все мы читали сказки и легенды и знаем о героях и драконах. На коллективном уровне сновидений практически разницы между людьми нет, в то время как на персональном уровне царит полное различие.

Главная составляющая сновидения, о которой я собираюсь говорить,— мифологическая. Здесь мы сталкиваемся с вопросом: при каких условиях снятся мифологические сны? У цивилизованных людей они крайне редки, так как наше сознание в значительной степени свободно от подспудного архетипического разума. Мифологические сны поэтому воспринимаются нами как очень чуждый элемент. Но это не так, когда речь идет о менталитете, близком к первобытной психике. Примитивы обращают огромное внимание на такие сны и называют их «большими снами» в противоположность обычным. Они чувствуют, что эти сны важны и несут в себе общий для всех смысл. Поэтому в племенной общине сновидец всякий раз объявляет о приснившемся «большом сне» соплеменникам, по поводу чего собирается специальный совет. «Большие сны» каждый раз рассказывались римскому сенату. Сохранилась история I века до н. э. о сновидении дочери сенатора, в котором богиня Минерва явилась перед ней и пожаловалась, что римляне нерадиво относятся к ее храму. Госпожа чувствовала себя обязанной изложить сон

сенату, который, выслушав, проголосовал выделить определенную сумму денег на ремонт храма. Похожая история рассказана Софоклом: из храма Геракла был украден драгоценный золотой сосуд. Во время сна Софокла перед ним явился Бог и назвал ему имя вора. После того как сон повторился в третий раз, Софокл счел нужным известить об этом Ареопаг.

Человек, на которого пало подозрение, был задержан, в процессе расследования он признался и вернул украденный сосуд. Эти мифологические или коллективные сны обладают свойствами, заставляющими людей инстинктивно рассказывать их. Инстинкт здесь совершенно обоснован, так как такие сны не принадлежат индивиду, они несут в себе коллективный смысл. Объективно они содержат в себе бесстрастную истину, в частности являются той же истиной для ряда людей в определенных обстоятельствах. Вот почему в античности и в средние века сны весьма почитались. Тогда наличествовало убеждение, что они выражают коллективную человеческую правду.

Теперь о самом сне. Его сообщил мне коллега моих лет: он добавил при этом некоторые подробности о самом сновидце. Коллега — клинический психиатр, а пациентом оказался весьма приметного вида молодой француз двадцати двух лет, очень интеллигентный и красивой наружности. Француз путешествовал по Испании и вернулся в очень подавленном состоянии, которое врачи определили как маниакально-депрессивный психоз (МДП), депрессивную форму. Степень подавленности не была критически острой, хотя клиент чувствовал себя неважно и был госпитализирован. Спустя полгода он выписался и через несколько месяцев после этого покончил с собой, несмотря на то, что в процессе лечения стал практически здоров, от депрессии избавился, так что была вероятность, что самоубийство произошло в состоянии спокойного сознания. Сновидение происходило в самом начале периода депрессии.

В основании большого собора в Толедо находится резервуар с водой, сообщающийся с речкой Тахо, опоясывающей город. Резервуар представляет собой небольшое темное помещение. В воде живет огромный змей, глаза его сверкают, как бриллианты. Здесь же находится золотой кувшин, в котором хранится золотой кинжал. Кинжал является ключом к городку, и его обладатель имеет полную власть над Толедо. Сновидец знает, что змей — друг и защитник B.C., юного приятеля сновидца. B.C. засунул голую ногу в пасть змею, змей дружелюбно лижет ее, а B.C. радостно играет со змеем, на лице бесхитростного дитяти нет и тени страха. Во сне B.C. что-то около семи лет, в действительности он и в самом деле друг юных лет сновидца. С того момента, вещает сон, о змее позабыли, и уже никто не осмеливается спускаться в его обитель.

Эта часть сна вступительная, затем начинается само действие. Сновидец наедине со змеем. Он почтительно, но без страха, беседует с ним. Змей рассказывает, что Испания принадлежит ему, так как он друг B.C., а затем просит вернуть мальчика. Сновидец отказывается сделать это, но взамен обещает сам спуститься в темную пещеру и подружиться со змеем. Позже он изменяет решение и намеревается послать вместо себя своего приятеля мистера С. Мистер С.— потомок испанских мавров, и его визит в подвальный резервуар с водой должен продемонстрировать исконную храбрость этого народа. Сновидец советует прихватить меч с красной рукояткой, найденный на оружейном заводе по другую сторону реки Тахо. При этом сообщается, что меч очень древний, принадлежащий еще древним фокейцам (Phocaeans)[55]. С. берет меч и спускается в резервуар, сновидец советует ему проткнуть левую ладонь мечом. С. протыкает, но оказыва-

[55] Фокейцы — обитатели древней Фокейи, располагавшейся на западном побережье Малой Азии. Они основали Марсель (Massilia), а также ряд колоний на восточном побережье Испании.

ется не в состоянии сохранить самообладание в присутствии могучего змея. Подавленный болью и страхом С. кричит и, качаясь, вылезает наверх, бросив кинжал. Выходит, что С. править Толедо не сможет, и тут сновидец ему ничем помочь не может. Он вынужден разрешить остаться простым украшением на стене собора...

Сон кончается. Он, естественно, происходил на французском языке. Что мы имеем из самого текста сна? В плане друзей — определенные намеки: В. С.—друг раннего детства, немного старше, чем сновидец. Последний спроецировал на мальчика все обаяние и очарование и сделал из него героя, но позже потерял его из виду, возможно мальчик умер. С.— друг более недавнего времени. Указывается на то, что он родом из испанских мавров.

Уже говорилось, что сновидец недавно был в Испании и, конечно, видел Толедо, после чего случился сон. Пациент был в плохом состоянии и не мог помочь доктору в толковании сна. Мой коллега не знал, что делать с этим сном, но чувствовал его важность и решил отослать сон мне. Получив сон, я не смог сразу расшифровать его. Тем не менее у меня появилось ощущение, что знай бы я больше о такого рода снах и если бы я занимался этим случаем сам, то мог бы помочь молодому человеку и самоубийства, возможно, не произошло бы. Мне знакомы случаи, когда, понимая сны буквально, люди сталкивались с большими трудностями. С таким чувствительным, утонченным, изучавшим историю искусства и необычайно интеллигентным человеком, как наш пациент, следовало быть особенно осторожным и внимательным. Банальности здесь неуместны, был необходим глубокий анализ. Не будет ошибкой предположить, что Толедо — город мечты сновидца, мечты, которая возникла бы у любого человека с его уровнем образования, тонким эстетическим восприятием, эрудицией.

Это чрезвычайно впечатляющий город. В нем находится один из наиболее изумительных готических соборов мира. Место с очень древними традициями, старый римский Толет (Tolletum) веками был резиденцией кардинала епископата и примаса Испании. С VI по VIII вв. он является столицей вестготов, с VIII по XI вв.— столицей провинциального Мавританского княжества, а с XI по XVI вв.— столицей Кастилии. Толедский собор — прекрасное и впечатляющее сооружение — воплотил в себе мощь, величие, красоту и тайну средневекового христианства, нашедшего свое существенное выражение в церкви. Собор является воплощением, олицетворением духовного царства, так как в средние века мир управлялся императором и Богом. Поэтому собор выражает христианскую философию или мировоззрение (Weltanschauung) средневековья.

Сон говорит, что под собором находится место для мистерий, что в реалии не соответствует духу христианской церкви. Что могло находиться под собором в тот период? В древности всегда существовали подземные часовни или крипты. Большая крипта есть в Шартрском соборе, она дает прекрасное представление о мистериальном характере крипты. Крипта в Шартре первоначально была святилищем с источником, там совершались поклонения Деве — не деве Марии, как сейчас, а кельтской богине. Под каждой христианской церковью в средние века сооружалось потаенное место, в котором в старину совершались мистериальные празднества. То, что сейчас мы называем церковными таинствами, в раннем христианстве было мистериями. В Провансе крипта называлась Le müsset, что означает *секрет,* слово, возможно, происшедшее от *мистерии,* могущее означать тайное место. В Аосте, где говорят на провансальском диалекте, есть müsset под собором.

Крипта, возможно, ведет свое начало от культа Митра (древне-иранского бога Солнца). В митраизме главная религиозная

церемония совершалась в сводчатом склепе, наполовину скрытом под землей. Прихожане в это время находились в главной церкви наверху. Сквозь специальные смотровые щели они могли видеть и слышать церемонию службы, самих священнослужителей и избранных, распевающих псалмы, совершающих ритуальные обряды внизу. Вход туда разрешался только посвященным. Крестильни в христианской церкви, отделенные от основной молитвенной залы храма, служат той же цели, так как крещение (и причастие) являлось мистерией, о которой прямо не упоминалось. Пользовались аллегорическим намеками, чтобы сохранить тайну. Засекреченность касалась и имени Христа, которое упоминать не разрешалось. Вместо этого употреблялось имя Ихтиас, Рыба. Возможно, кое-кому приходилось видеть репродукции раннехристианской живописи, где Христос появляется в виде рыбы. Тайна, связанная со священным именем, есть возможная причина, почему имя Христа ни разу не упоминалось в раннем христианском документе 140 года н. э., известном как *Пастырь Гермы*[56].

Последний являлся важной частью христианской литературы, почитаемой церковью до XV века. Автор этой книги видений Герма, как полагают, был братом римского епископа Пия. Духовного учителя, являющегося Герме, зовут Поймен, Пастырь, но никак не Христос.

Идея крипты, или мистериального места, восходит к чему-то лежащему в предыстории христианского мировоззрения, к чему-то более древнему, чем само христианство. Живой пример того — языческий источник под собором в Шартре или античная пещера с живущим в ней змеем. Разумеется, источника со змеем не мог лицезреть наш сновидец во время своего путешествия по Испании. Этот образ — результат не индивидуального опыта, и поэтому не может быть параллелью к мифологическому

[56] К. Г. Юнг. Психологические типы. Глава 5.

и орфографическому знанию. О некоторых реализациях этого параллелизма я скажу. Известно, что каждая церковь имеет купель для крещения. Прообразом ее был бассейн для купания, водоем, в который погружали или символически окунали посвящаемых. После метафорической смерти в крестильном бассейне (купели) посвященные появлялись преображенные quasimodo geniti, совершалось как бы перерождение. Можно поэтому предположить, что крипта, или крестильная купель, имеет значение места ужаса и смерти и одновременно перерождения; места, в котором совершаются тайные посвящения.

Змей в пещере — это образ, часто возникающий в античности. Важно отметить, что в классической античности, как и в других цивилизациях, змей был не только животным, вызывавшим страх, но также означавшим исцеление. Поэтому Асклепий, бог врачевания, связан со змеем; эмблема с профилем змеи часто используется в медицине до сих пор. В храме Асклепия, Асклепионе, являвшемся своеобразной древней хижиной, в земляном основании пола находилась дыра, сверху заложенная камнем, дыра-ход вела в нору, в которой жил священный змей. В камне имелась щель, предназначенная для опускания платы людьми, приходившими исцелиться. Змей одновременно служил как бы кассиром клиники и собирателем даров, бросаемых ему в нору. Во время страшной эпидемии чумы в эпоху правления Диоклетиана зменитый змей из Асклепиона в Эпидарии был доставлен в Рим как панацея. Он представлял своим присутствием самого бога.

После божественной миссии исцеления змею приписывались качества (дар) мудрости и пророчества. В знаменитом Кастальском ключе, символизирующем источник вдохновения, жил питон. Аполлон, сражаясь, победил питона, с этого времени Дельфы стали местом пребывания знаменитого оракула, а Аполлон — их богом. Позже половина могущества перешла

к Дионису, появившемуся с Востока. Под землей, где обитают духи мертвых, змеи и вода всегда встречаются вместе, о чем упоминает в «Лягушках» Аристофан. Легендарный змей часто заменялся драконом; латинское draco переводится просто как «змея». Работающей параллелью символа во сне можно считать христианскую легенду V века о святом Сильвестре. В пещере под скалой Тарпейи в Риме жил страшный дракон, в жертву которому приносились юные девушки. По другой версии, дракон был искусно сделан и, чтобы доказать это, в пещеру спустился один монах. Он обнаружил меч, торчащий из пасти искусно сделанного чудища, а вместо глаз сверкали бриллианты.

Часто в мистериальных пещерах, как и в Кастильской, находился источник. Источники играли очень важную роль в культе Митры, из которого произошли многие ритуальные элементы ранней церкви. Порфирий рассказывает, что Зороастр, пророк и реформатор древнеиранской религии, освятил в честь Митры пещеру, в которой было несколько источников. Те, кто был в Германии и видел Саальбург (Saalburg) около Франкфурта, могли заметить источник неподалеку от пещеры Митры. Его культ всегда связывался с источником. В прекрасной Митрейе в Провансе есть большой бассейн с удивительной кристально-чистой водой, а за ним скала с высеченным изображением сцены жертвенного убийства быка Митрой. Подобные святилища постоянно вызывали склоку у ранних христиан. Адепты Христа ненавидели натурализованные церемонии митрян и тем не менее восприняли от них ряд обрядовых элементов. В Риме обнаружили митрейон[57], находившийся около четырех метров ниже пола церкви св. Клемента. Он неплохо сохранился и был полностью заполнен водой, которая после откачки вновь набиралась. Известны и другие религиозные направления античности, например орфический культ, всегда связывавшие подземный мир с водой.

[57] Митрейон — ритуальное сооружение в честь Митры.

Анализируя сказанное, можно заметить, что все примеры следуют из античности. Действительно, образ змея в пещере с водой в античный период был широко известен и играл важную роль в религиозно-общественной жизни. Но можно было бы провести аналогии и с другими цивилизациями и там найти то же самое. Вода под землей в емкости представляет бессознательное. В глубине, как правило, находится сокровище, охраняемое змеем или драконом. В приведенном сне сокровищем является золотой кувшин с кинжалом. Чтобы завладеть сокровищем, надо победить дракона. Сокровище несет в себе таинственный смысл. Оно связано со змеем необычным образом: своеобразная фигура змея сама по себе представляет характер сокровища, словно змей и сокровище — одно и то же. Часто змей сам оказывается золотым. Золото есть нечто, чем каждый стремится обладать, поэтому золотой змей есть сокровище, источник власти и мощи. В раннегреческих мифах обитатели пещер являются героями, такими как, например, Кекроп, основатель Афин. Он наполовину мужчина, наполовину женщина, гермафродит; нижняя часть тела змеевидная; он чистый монстр, то же можно сказать и об Эрехтее, другом мифологическом царе Афин.

Мы приближаемся к уяснению символа золотого кувшина и кинжала. Видевшие вагнеровский «Парцифаль» знают о соответствии кувшина чаше Грааля, а кинжала — копью, оба составляют единое; это мужское и женское начала, образующие единство противоположностей. Пещера, или подземный мир, представляет собой слой бессознательного, в котором нет никакого поэлементного членения, нет даже различия мужского и женского, что первым делом выделяют первобытные. Подобным образом они различают предметы, цивилизованные люди делают это спорадически. Например, некоторые ключи имеют отверстие в бороздке, а у некоторых бороздка сплошная. Первобытные подразделяют их на мужские и женские. В Италии

черепичные крыши — обычное явление. Выпуклая черепица кладется сверху, вогнутая под низ. Верхнюю называют монахом, нижнюю монахиней[58]. И это не неприличная шутка итальянцев, а квинтэссенция деления целого.

Бессознательное, сводя вместе мужское и женское, делает предметы совершенно неразличимыми, поэтому невозможно сказать, мужские они или женские, так же, как и Кекроп возник из такой мифической дали, что уже невозможно говорить, мужчина он или женщина, человек или змей. Так же и дно цистерны в сне характеризуется полным единством содержащихся в нем противоположностей. Это первозданное, приближенное к идеальному состояние, в котором извечно соединяются противоположные элементы. Но в крайних точках конфликт угасает, и все пребывает или вновь оказывается в первоначальном состоянии нерасчленимой гармонии. Сходные идеи содержатся в древнекитайской философии. Идеальное состояние именуется Дао (рис. 13), и оно состоит из полной гармонии между небом и землей. Одна сторона символа Дао белая с черным пятном, другая — черная с белым. Белая сторона горячая, сухая — светлый принцип, юг; черная сторона холодная, влажная — темный принцип, север. Состояние Дао — это начало мира, в котором еще ничего не началось, а также состояние, достигаемое высшим разумом. Идеи единства двух противоположностей, принципов мужского и женского — образ архетипический.

Рис. 13. Дао

Однажды я стал свидетелем примера все еще бытующей первобытной архетипической формы. Во время войны по долгу

[58] Сравните: разъемы в радиоэлектронике по типу штепсель — розетка называют «папа-мама».— Прим. перев.

службы я бьи в армии, в горной артиллерии. Солдаты копали глубокое укрытие для тяжелого орудия. Вытаскивая тяжелые камни из каменистого неподатливого грунта, они кляли свою работу; я находился неподалеку, прислушиваясь к их разговору. Один произнес: «Проклятье, ну и работка нам досталась: ковыряйся в этой дурацкой долине, где когда-то жили русалки и еще до сих пор спят вместе отец и мать». Та же самая мысль, только выраженная наивным образом. Негритянский миф повествует, что первый мужчина и первая женщина спали вместе в тыкве; они ничего не замечали до тех пор, пока не обнаружили, что разорваны надвое, а между ними находится сын. Посреди был человек, и с этого момента мужчина и женщина разделились и познали друг друга. Первоначальное сознание абсолютного бессознательного выражается как полностью покоящееся состояние, где ничего не происходит. Когда сновидец имеет дело с архетипическими символами, он вступает в область полного бессознательного, которое представляется как величайшее сокровище. Это — центральный мотив «Парцифаля» Вагнера. Копье должно быть возвращено чаше Грааля, потому что они существуют вместе вечно. Тот союз, символ целостного завершения, — вечность до и после сотворения мира, потенциальное условие. Это и возможный идеал, которого так страстно ищет человек. Вот почему он, рискуя, спускается в пещеру, где находится дракон, — найти то состояние, когда сознание и бессознательное объединяются идеальным образом так, что сам человек окажется сознающим и несознающим одновременно. Но, увы, оба слишком разделены, и сознание вновь ищет пути к объединению, спускаясь в глубины, в которых они были одним целым. Это можно найти в Тантрической йоге или йоге Кундалини — попытка достичь состояния, в котором Шива находился бы в вечном союзе с Шакти. Шива — вечно напряженная точка, окруженная женским принципом Шакти в виде змеи.

Список аналогичных идей можно было бы продолжить. Единство и гармония играют значительную роль в эзотерической традиции средневековья. В алхимических текстах можно встретить изображение процесса соединения Солнца и Луны, мужского и женского начал. Аналогичный символизм прослеживается в христианских хрониках о древних мистериях. Например, в отчете епископа Астерия об Элевсине говорится, что каждый священнослужитель совершал *катабазис,* или спуск в пещеру. А жрец Аполлона и жрицы Деметры, матери земли, праздновали *иерогамию* (hierosgamos), священное бракосочетание, дабы земля вечно оставалась плодородной. Это свидетельство христианское и не является, впрочем, окончательно установленным. Посвященные в Элевсинские мистерии сохраняли строжайшую тайну, разгласивших ожидала смерть. Отсюда никаких конкретных сведений о содержании ритуала нет. Известно, правда, что во время мистерий в честь Деметры совершались ритуалы непристойного характера, служившие символизацией оплодотворения земли. Кворум мистерий представляли известные женщины Афин во главе со жрицами Деметры. Начиналась изысканная трапеза, на которую подавалось множество самых разнообразных вин; затем совершался ритуал aischrologia (сквернословия). Он подразумевал произнесение непристойных шуток, которые рассматривались как религиозный долг, ибо связывались с благоприятным прогнозом на будущий урожай[59]. Аналогичный ритуал совершался в Бубастисе в Египте во

[59] К. Г. Юнг. Психология и алхимия. Киев. 1997, пар. 105 сноска 35. По данным классической филологии, сообщение епископа Астерия относится к мистериям Деметры, которые имели место в Александрии; в ходе ритуала жрец (но только не Аполлона) и жрица совершали таинство иерогании (hierosgamos). Сквернословие в угоду Деметре имело место во время Тесмофорий (Thesmophoria) — осеннего празднества в ее честь, Стений (Stenia), празднования ее возвращения и Алой (Haloa) — священнодействия в честь Деметры и Диониса, происходившего в середине зимы. См. Harrison. Prolegomena.— Ch. 4.

времена мистерий в честь Изиды. Жители деревень по берегам Верхнего Нила спускались на своих суденышках группами вниз по течению, и женщины на барках демонстрировали себя женщинам, стоящим на берегу. Это делалось, по всей вероятности, с той же целью, что и в обряде aischologia,— обеспечить большее плодородие земельных участков. Об этом можно прочесть у Геродота (Книга 2.60). В южной Германии вплоть до XIX века для увеличения плодородия почвы крестьянин каждый год брал жену на поле и совокуплялся с ней на борозде. Подобный ритуал относится к симпатической магии.

Кувшин является сосудом, функция которого вмещать или получать, отсюда его женское начало. Это символ пола, содержащего аниму, дыхание и живительную влагу жизни; в то время как кинжал, обладая колющими, проникающими свойствами, является мужским началом. Он режет, разделяет, расщепляет, следовательно символизирует принцип мужского Логоса.

В нашем сне кинжал оказывается ключом к Толедо. Идея ключа часто связывалась с мистериями в пещере. В культе Митры существовал даже отдельный бог, бог ключа Айон, существование его не объяснялось, но я думаю, понять это нетрудно. Бога изображали в виде крылатого существа с мужским телом и головой льва, обвитого змеей, возвышавшейся над его головой. Изображение его имеется в Британском музее[60]. Бог представляет Бесконечное время и Долговечность; он является верховным богом в иерархии митраизма, созидающим и разрушающим все существующее, в бергсонианском смысле творческое время (duree creatrice). Он же и Бог солнца. Лев — зодиакальный знак, в котором солнце обитает летом, в то время как змея символизирует зиму или влажный сезон. Поэтому Айон, львоголовый бог, обвитый змеей, представляет также искомое единство про-

[60] См. рис. на фронтисписе: К. Г. Юнг. Aion. Киев, 1997; см. также указатель к: Jung C. G. Symbols of Transformation.

тивоположностей, свет и тьму, мужское и женское, созидание и разрушение. Бог изображен со скрещенными руками, держащими ключи. Это — ключи к прошлому и будущему.

Древние мистериальные культы всегда были связаны с помпезными божествами. Некоторые из этих божеств снабжались ключами к подземному царству, потому как являлись и хранителями врат к нему; они наблюдали за сошествием вниз, во тьму, посвященных и управляли мистериями. Богиня Геката — одна из них.

В нашем сюжете ключ оказывается ключом к городу Толедо, поэтому рассмотрим символический смысл Толедо и символику самого города. Являясь древней столицей Испании, Толедо был сильно укреплен, что само по себе считалось идеалом средневекового города: убежище и оплот, который невозможно сокрушить извне.

Феодальный город представлял некую целостность, замкнутую на самое себя; несокрушимая и неподавляемая веками мощь. Поэтому город символизировал целостность самого человека, символизировал установку, принцип целостности, которая не может распасться.

Город как синоним самости человека, его психической целостности,— вообще говоря, старый и хорошо известный образ. Например, в «Новых изречениях Иисуса» читаем: «Город, построенный на вершине высокого храма на прочном фундаменте, не может пасть или быть спрятанным». И: «Возжаждите поэтому познать самих себя, и вы познаете, что вы дети Отца всемогущего; и вы познаете, что вы в городе Бога, и вы—сам город»[61]. Существует Кептский трактат в Кодексе Брусинауса (Brucinanus), в котором содержится идея единородного или единственного сына Бога, который также есть Антропос, Че-

[61] New Sayings of Jesus and Fragment of a Lost Gospel. Ed. by Grenfell and Hunt. Pp. 36 and 15.

ловек[62]. В трактате назван город с четырьмя воротами. Город с четырьмя воротами символизирует идею целостности; это индивид, обладающий четырьмя воротами в мир, четырьмя психологическими функциями, так или иначе содержащимися в самости. Город с четырьмя воротами — неразрушимая целостность самости — единство бессознательного и сознания.

Таким образом, эти глубины, этот слой абсолютного бессознательного в нашем сне содержит в то же время ключ к индивидуальной завершенности и целостности, другими словами, к исцелению. Смысл слов «целое» и «целостность» означает сделать *святым* или *исцелить*. Погружение в глубины приносит исцеление.

Это путь к целостному бытию, к сокровищу, которое страждущее человечество вечно ищет и которое находится в укромном месте, охраняемом ужасным *дангером* — опасностью. Это место первичного бессознательного и одновременно место исцеления и спасения, так как в нем содержится бриллиант целостности. Это пещера, в которой обитает дракон хаоса и одновременно это неразрушимый город, магический круг или temenos, священный предел, в котором соединяются все разорванные части личности.

Использование магического круга, или мандалы, как его называют на Востоке, для лечебных целей — идея архетипическая. Когда человек болен, индейцы пуэбло из Нью-Мексики делают песочное изображение мандалы с четырьмя воротами. В центре сооружают так называемый «потный дом», или лечебный вигвам, в котором пациент подвергается потолечению. На полу вигвама нарисован другой магический круг, помещенный в центре большой мандалы[63], а посреди его находится кувшин

[62] Юнг К. Г. Психология и алхимия. Пар. 138 и далее.

[63] Мандала — «круг», «диск» — один из священных символов в буддизме, в мифологии индейцев пуэбло.

с целебной водой. Вода символизирует вход в подземный мир. Процесс излечивания в данной церемонии явно аналогичен символизму, который обнаруживается в коллективном бессознательном. Это процесс индивидуации, идентификации с целостной личностью, с самостью[64]. В христианском символизме целостность есть Христос, и процесс состоит из imitatio Christi (подражания Христу). Ворота заменены осями креста. Змей из пещеры во сне оказывается другом В. С, героя ранних лет сновидца, в которого он проецирует все идеалы, к каким стремился сам, и все добродетели, которыми он вдохновлен. Этот юный друг в большой дружбе со змеем. Он — невинное дитя, безвинен и еще не ведает конфликта. Поэтому он и обладает ключом к Испании и имеет власть над всеми четырьмя воротами[65].

Обсуждение четвертое

Д-р Дэвид Йеллоулис:

Вряд ли нужно говорить о том, что я не собираюсь обсуждать что бы то ни было из сказанного сегодня вечером. Все мы довольны, что профессор Юнг, вместо того чтобы тратить время на полемику, дал нам столь впечатляющий обзор собственных идей. Однако думается, что кое-кто из нас был бы весьма признателен, если бы профессор согласился с тем, что наш подход к психологии и психотерапии если и не исчерпывается линией Фрейда, то все же соответствует определенным фундаментальным принципам, ассоциируемым с его именем, если последние даже и не были сформулированы самим Фрейдом. Мы глубоко благодарны профессору Юнгу за то, что он предложил нам более широкую, как нам кажется, точку зрения. Некоторые из нас

[64] Самость — ключевой архетип в аналитической психологии.

[65] О дальнейшем анализе данного сна (в рамках семинара в Базеле) см. Jung CG. L'Homme a la decouverte de son ame (par. 314fT).

отдают ей предпочтение, и, вероятно, даже сами фрейдисты могли бы объяснить, почему. Но в один из предыдущих вечеров был поднят вопрос об отношении понятия бессознательного, предложенного нам профессором Юнгом, к фрейдовской концепции, и я полагаю, было бы весьма любезно со стороны профессора Юнга, если бы он хоть как-то помог нам в этом направлении. Я вполне отдаю себе отчет в том, что мог неправильно его понять, но во вторник у меня создалось такое впечатление, что профессор сказал буквально следующее: будто он сам занимается фактами, а Фрейд — теориями. Не хуже меня профессор Юнг должен знать, что такое смелое утверждение требует определенного разъяснения и подтверждения, и я надеюсь, он скажет нам, например, что следует делать, с терапевтической точки зрения, когда мы сталкиваемся с пациентом, спонтанно продуцирующим то, что я называю фрейдовским материалом, и насколько правомерно рассматривать его теории в качестве просто теорий перед лицом очевидности, подтверждаемой таким материалом, как инфантильная фиксация либидо — оральная, анальная, фаллическая и др. Если бы профессор Юнг несколько откоррелировал сказанное им прежде, хотя бы в общих чертах, мы были бы ему весьма признательны.

Профессор Юнг:

Вначале я сказал вам, что не хотел бы заниматься критикой. Я просто хочу предложить вам свою собственную точку зрения, свой метод рассмотрения психологического материала, и я полагаю, что, узнав, к чему я пришел, вы сможете составить собственное мнение об этих вопросах и решить, в какой мере вам следовать Фрейду, Адлеру, мне, либо кому-то еще. Если же вы хотите, чтобы я пролил свет на вопрос о связи с Фрейдом, я с удовольствием сделаю и это. Я начинал, находясь всецело на позициях Фрейда. Я даже считался его лучшим учеником. Я был с ним в полном согласии до тех пор, пока у меня не появилась

идея о символичности некоторых вещей. Фрейд не мог с этим согласиться, он идентифицировал свой метод с теорией, а теорию — с методом. Это недопустимо, нельзя отождествлять метод с наукой. Я сказал, что в связи с этим не могу продолжать участвовать в издании Jahrbuch'а[66], и ушел.

Мне прекрасно известны заслуги Фрейда, и я не собираюсь их преуменьшать. Я знаю, что все, что говорит Фрейд, верно в отношении многих людей, и предполагаю, что у этих людей именно такой тип психологии, который описывается Фрейдом. Адлер, хотя у него совершенно иные воззрения, тоже имеет немало последователей, и я убежден, что «адлеровская» психология свойственна многим людям. У меня тоже есть свои последователи — не столь много, как у Фрейда, — и к ним относятся люди, разделяющие мою психологию. Я рассматриваю свой вклад в психологию как собственное субъективное признание. То, как я вижу психологические факты, представляет собой мою личную психологию, мой предрассудок. Я признаю, что вижу вещи таким-то и таким-то образом, но ожидаю, что и Фрейд с Адлером поступят точно так же и согласятся с тем, что их идеи представляют их субъективную точку зрения. От того, в какой мере мы сможем признать наши личные предрассудки, зависит наш реальный вклад в объективную психологию. Мы не можем избежать наследования предрассудков по линии наших предков, желающих смотреть на вещи определенным образом, и потому уже инстинктивно имеем определенные взгляды. Я был бы невротиком, если бы смотрел на вещи не так, как мне подсказывают инстинкты; моя змея, как сказал бы первобытный человек, была бы во всем против меня. Когда Фрейд говорил некоторые вещи, моя змея не соглашалась. И я выбрал маршрут, предпи-

[66] «Jahrbuch für psychoanalytische und psyhopathologische Forschungen» (Лейпциг и Вена) — орган психоаналитического движения. Юнг вышел из состава редакции в 1913г.

санный мне моей змеей, так было лучше для меня. Но у меня были и пациенты, с которыми приходилось проводить фрейдовский анализ и входить во все те детали, которые были точно описаны Фрейдом. Мне встречались и другие случаи, которые требовали обращения к адлеровской точке зрения, поскольку речь шла о комплексе власти. Люди, обладающие способностью к адаптации и преуспевающие, более склонны к фрейдовской психологии, поскольку при таком положении дел человек может думать об удовлетворении своих желаний, тогда как неудачнику не до этого. У него лишь одно желание — выдвинуться, следовательно, у него будет адлеровская психология, ибо у человека, который вечно оказывается на вторых ролях, развивается комплекс власти.

У меня нет комплекса власти в этом смысле, потому что я был довольно удачлив и практически во всех отношениях был способен к адаптации. Даже если со мной не согласен весь мир, мне это совершенно безразлично. У меня в Швейцарии безупречное положение, я доволен собой, и даже если мои книги никому не нравятся, они не перестают нравиться мне. Я не знаю ничего лучше, чем пребывание в собственной библиотеке, и если я открываю что-либо новое в своих книгах — это чудесно. Я не могу сказать, что у меня фрейдовская психология, поскольку, что касается моих желаний, я никогда не знал подобных сложностей. Мальчиком я жил в селе и воспринимал вещи очень естественно, а те естественные и неестественные вещи, о которых говорит Фрейд, меня не интересовали. Разговоры об инцестуозном комплексе способны довести меня до слез. Но я точно знаю, что может действительно сделать меня невротиком: если я начну говорить или верить в нечто такое, что мне не свойственно. Я говорю то, что думаю, если кто-то согласен со мной, меня это радует, но даже если не согласен никто, меня это не огорчает. Я не могу присоединиться ни к фрейдовской, ни к адлеровской

конфессиям. Для меня приемлема лишь юнговская конфессия, ибо если даже на всей Земле не будет ни единого человека, разделяющего мои взгляды, я все равно буду смотреть на вещи именно так, а не иначе. Я лишь надеюсь дать вам ряд интересных идей, а также показать, как я работаю с материалом.

Мне всегда интересно увидеть мастера за работой. Его мастерство придает очарование ремеслу. Психотерапия — это ремесло, и то, что мне положено делать, я делаю своим особым способом — способом достаточно простым, так что и говорить-то вроде не о чем. Я ни на миг не допускаю, что абсолютно прав. В психологических вопросах никто не бывает абсолютно прав. Никогда не забывайте о том, что в психологии средство, с помощью которого вы судите о психическом и наблюдаете за ним, это и есть само психическое. Слыхали ли вы когда-нибудь об ударяющем по самому себе молотке? В психологии объектом наблюдения является сам наблюдатель. Психическое не только объект, но и субъект нашей науки. Как видите, тут имеется порочный круг, поэтому нам следует быть очень осторожными. Наибольшее, чего мы можем ожидать,— это чтобы каждый открыл свои карты и признал: «Я обращаюсь с вещами таким-то и таким-то образом, а вот такими я их вижу». После этого мы можем обменяться своими замечаниями.

Я всегда обменивался впечатлениями с Фрейдом и Адлером. В трех книгах, написанных моими учениками, была предпринята попытка дать конспективное изложение этих трех точек зрения[67]. Вы никогда не услышите ни о чем подобном с противоположной стороны. Таков наш швейцарский темперамент. Мы — либералы и стараемся рассматривать все вместе взятое, в одном ряду. На мой взгляд, лучше всего сказать, что, вероятно, есть тысячи людей, имеющих фрейдовскую психологию, и также есть

[67] Kranefeldt W. M. Secret way of the Mind; Heyer G. R. The Organism of the Mind; Adler G. Entdeckung der Seele.

тысячи людей, имеющих адлеровскую психологию. Некоторые ищут удовлетворения желаний, другие — достижения власти, а третьи хотят оставить все на своих местах и видеть мир таким, каков он есть. Мы не хотим ничего менять. Мир хорош таким, каков он есть.

В настоящее время существует немало различных школ психологии. Некоторые американские университеты каждый год выпускают по тому психологии, соответственно за 1934, 1935 год и так далее. В психологии существует тотальный хаос, поэтому не относитесь слишком серьезно к психологическим теориям. Психология — не символ веры, а точка зрения, и, если относиться к этому по-человечески, то можно найти общий язык. Я признаю, что одних людей беспокоит сексуальность, других — нечто иное. Меня в основном заботит нечто иное. Теперь вы имеете представление о том, как я смотрю на вещи. Битва с огромным монстром исторического прошлого, змея столетий, бремя человеческого сознания, проблема христианства — вот, что не дает мне покоя. Все было бы намного проще, если бы я ничего не знал; но благодаря моим предкам и моему образованию я знаю слишком много. Других людей подобные проблемы не беспокоят, их не заботит историческое бремя, которое возложило на нас христианство. Но существуют люди, охваченные пылом борьбы между настоящим и прошлым или будущим. Это величайшая человеческая проблема. Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде. Случай Муссолини не объяснить простым указанием на факт наличия у него комплекса власти. Он сосредоточен на политике, в ней его жизнь и его смерть. Мир огромен, и ни одна теория не может объяснить в нем все.

Для Фрейда бессознательное является главным образом вместилищем вытесненных содержаний. Он смотрит на него из угла детской комнаты. Для меня бессознательное является без-

брежной исторической сокровищницей. Я сознаю, что и у меня была детская комната, но она невелика в сравнении с безбрежными просторами истории, которые с юных лет интересовали меня больше, чем детство. Таких людей, как я, немало, в этом плане я оптимист. Когда-то, когда я думал, что таковых нет, я опасался, что это мегаломания. Но затем я обнаружил немало людей, отвечающих моей точке зрения, и с удовлетворением узнал, что отношусь к тем, пожалуй, немногим людям, чью психологию, в ее фундаментальных проявлениях, довольно удачно выражают предложенные мной формулировки: если таких людей подвергнуть анализу, обнаружится, что они соответствуют моей точке зрения, а не фрейдовской или адлеровской. Меня упрекали в простодушии. Когда по поводу какого-то пациента я испытываю неуверенность, я даю ему книги, написанные Фрейдом или Адлером, и говорю: «Сделайте свой выбор»,— в надежде на то, что мы выйдем на верный путь. Иногда мы оказываемся на ложном пути. Как правило, людям, достигшим определенной зрелости, философского склада ума, преуспевающим и не слишком склонным к неврозам, отвечает моя точка зрения. Но из всего мной сказанного не следует делать вывод, что я всегда открываю свои карты и рассказываю пациенту все, что по этому поводу думаю. Время не позволяет входить во все детали интерпретации. Но некоторые случаи требуют привлечения больших запасов знания, и пациенты признательны, когда они прозревают путь, ведущий к обогащению своих воззрений.

Я не могу сказать, где я смог бы найти общий язык с Фрейдом, когда некую область бессознательного он называет словом «Ид» (Оно). К чему такое смешное название? Это бессознательное, и это нечто такое, чего мы не знаем. Зачем называть его «Ид»? Безусловно, различие темпераментов порождает различие в воззрениях. Мне никогда не удавалось пробудить к себе такой уж отчаянный интерес ко всем этим сексуальным случаям. Да,

они существуют, существуют люди с невротической сексуальной жизнью, и вам приходится обсуждать с ними все эти сексуальные материи, пока им не надоест, и вы, наконец, избавитесь от этой скуки. Естественно, я, со своим темпераментом, считаю за благо поскорее разделаться с этим. Это невротическая материя, и ни один нормальный благоразумный человек не станет попусту тратить время на подобные разговоры. Задерживаться на таких предметах противоестественно. Первобытным людям свойственна большая скрытность на этот счет. Они намекают на сексуальную связь с помощью слова, равнозначного нашему «тише!». Сексуальные предметы для них являются табу, точно так же, как и для нас, если только мы нормальны. Но табуированные предметы и места всегда имеют тенденцию принимать на себя всякого рода проекции. И поэтому очень часто реальную проблему следует искать вовсе не здесь. Есть немало людей, которые создают себе лишние проблемы по поводу секса, в то время как на на деле их беспокоят проблемы совершенно иной природы.

Однажды ко мне пришел молодой человек с компульсивным неврозом. Он принес мне свою рукопись объемом в сто сорок страниц, в которой давался полный фрейдовский анализ его случая. Все было выдержано в строгом соответствии с правилами и вполне могло быть опубликовано в «Jahrbuch». Он сказал: «Не могли бы все это прочесть и объяснить мне, почему я не излечился, несмотря на то, что провел полный психоанализ?» Я ответил: «Как и вы, я ничего не могу понять. По всем правилам искусства вы должны были излечиться, но раз вы говорите, что этого не произошло, я просто вынужден вам поверить». Но он по-прежнему вопрошал: «Почему я не излечился, несмотря на то, что получил полный инсайт структуры своего невроза?» Я снова ответил: «Не могу оспаривать вашу позицию. Все сработано просто великолепно. Остается лишь один, возможно ду-

рацкий вопрос: вы не упомянули откуда вы родом и кто ваши родители. Вы говорите, что провели прошлую зиму на Ривьере, а лето в Сент-Морице. Вы сами сделали такой выбор или об этом позаботились родители?» — «Конечно же, нет».— «Тогда у вас, наверное, хорошо налаженный бизнес, и вы умеете делать большие деньги?»—«Нет, делать деньги я не умею».— «Может, вам повезло с дядюшкой?» — «Нет».— «Тогда откуда же у вас появились деньги?» Он ответил: «У меня есть определенная договоренность с моим другом, который дает мне деньги». Я позволил себе некоторую оценку: «О, это, должно быть, просто сказочный друг»,— на что он сказал: «Это женщина». Она была значительно старше его, тридцати шести лет, и работала учительницей в начальной школе. Получая довольно низкое жалование, она, как это бывает со старыми девами, влюбилась в двадцативосьмилетнего парня. И чтобы он мог проводить зиму на Ривьере, а лето в Сент-Морице, сама жила на хлебе и молоке. «И вы еще спрашиваете, почему вы больны!» — сказал я. Он тем не менее возразил: «Вы рассуждаете как моралист; а это не научно». Я сказал ему: «Деньги в вашем кармане, это деньги женщины, которой вы морочите голову». Он ответил: «Это не так, у нас был уговор на этот счет. Я имел с ней серьезную беседу, и то, что я беру у нее деньги, вообще не тема для обсуждения». На это я сказал: «Вы убеждаете себя в том, что это не ее деньги, но вы живете на них, и это аморально. В этом причина вашего компульсивного невроза. И это компенсация и наказание за аморальность вашей позиции». Разумеется, подобная точка зрения совершенно ненаучна, но, по моему убеждению, он заслуживает своего компульсивного невроза и не избавится от него до скончания своих дней, если не перестанет вести себя по-свински.

Доктор Томас А. Росс:

Не вышло ли это наружу в процессе анализа?

Профессор Юнг:

Он незамедлительно ушел, сохраняя божественную осанку и думая: «Этот доктор Юнг — никчемный моралист, а не ученый. Другой бы, вместо мелочного морализаторства, с воодушевлением ухватился бы за такой неординарный случай». Но он совершает преступление: ради приятного времяпровождения он обкрадывает порядочную женщину, пользуясь тем, что она сберегала на протяжении всей своей жизни. Этот парень заслуживает тюрьмы, и его компульсивный невроз вполне заслуженное для него наказание.

Доктор Перси У. Л. Кэмпс:

Я не психолог, а обычный практикующий врач-терапевт и отношусь к тем, кто не претендует на большее, чем пригородный домик[68]. В этой аудитории я аутсайдер. В первый вечер я подумал, что не имею права здесь находиться; но во второй — снова оказался здесь; на третий — я уже радовался, что пришел; а на четвертый — вдруг оказался в дебрях мифологии.

Я бы хотел кое-что спросить по поводу прошлого вечера (третья лекция).

Мы уходили под впечатлением вашей идеи о том, что совершенство наиболее не желательно, что оно одновременно знаменует собой конец и цель существования. После этого я, правда, спал крепко, но все-таки чувствую, что пережил некоторый нравственный шок. Возможно, я не столь высоко интеллектуален, но это к тому же был и интеллектуальный шок. Профессор Юнг заявил, что он детерминист или фаталист. После проведенного им анализа от него ушел разочарованный молодой человек, который впоследствии и вовсе потерпел крах. Однако про-

[68] Имеется в виду намек на высказывание Юнга в предыдущей лекции: «Одни люди делают историю, а другие строят маленький домик в пригороде» (см. выше).— Прим. ред.

фессор Юнг считает, что подобный крах был единственно правомерным. Я полагаю, что психологи призваны лечить людей, что у вас должна быть цель в жизни, а не просто удовлетворение собственных интересов, будь то мифология или изучение человеческой природы. Вам необходимо достичь самого дна человеческой природы и попытаться как-то ее перестроить к лучшему.

Я с величайшим интересом вслушивался в простые английские термины профессора Юнга и восхищался ими. Меня просто поразила вся эта новая терминология. Послушать о наших ощущениях — мышлении, чувстве и интуиции, к которым, вероятно, можно добавить еще нечто, было для меня, обычного человека, чрезвычайно интересно. Но я чувствую, что мы не услышали о том, как развивается детское сознание или, скорее, бессознательное. Мне кажется, что о детях мы мало что услышали. Я хотел бы спросить профессора Юнга о том, каким образом бессознательное ребенка становится сознанием.

Я также хотел бы узнать, не сбивает ли нас с пути это обилие диаграмм, барьеров, разного рода «Эго» и «Ид», прочих описанных нам вещей; не разобрались ли бы мы лучше в этих диаграммах, будь у нас некая градация стадий.

Как отметил профессор Юнг, мы унаследовали лица, глаза и уши, так что существует множество лиц, равно как в психологии наличествует множество типов. Имеет ли смысл предположить, что на почве этой наследственности произрастает огромное множество разнообразных возможностей, что это многообразие есть своего рода сеть или сито, воспринимающее впечатления и осуществляющее их селекцию в ранний бессознательный период жизни, а позднее пропускающее их в сознание? Я хотел бы спросить профессора Юнга, не посещали ли подобные мысли и его, столь выдающегося психолога — величайшего, по моему мнению — нынешним вечером?

Профессор Юнг:

После таких суровых упреков в аморальности я просто обязан объяснить свои вчерашние циничные замечания. Я не такой уж плохой, как это могло показаться. Естественно, я пытаюсь сделать для своих пациентов все, что могу, но в психологии очень важно, чтобы врач не стремился вылечить любой ценой. Он должен быть крайне осторожным, дабы не навязать пациенту свою волю и убеждения. Мы должны оставлять ему определенную степень свободы. Бесполезно спорить с судьбой: как и в медицине, вы не можете излечить пациента, если природа назначила ему умереть. И это еще вопрос: дозволено ли вам спасать человека от того, что ему суждено вынести во имя своего дальнейшего развития. Вы не можете уберечь некоторых людей от совершения ужасных глупостей, ибо у них такая натура. Если оберегать их начну я, то в этом не будет никакой их заслуги. Мы приобретаем собственное достоинство и заслуги и развиваемся психологически, только принимая себя такими, какие мы есть, и проживая всерьез вверенную нам жизнь. Наши грехи, ошибки и заблуждения необходимы нам, иначе мы будем лишены наиболее ценных побудительных причин к развитию. Я не пытаюсь вернуть человека, который услышал нечто такое, что могло изменить его разум, но ушел, не обратив на это внимания. Вы можете обвинить меня в отсутствии христианского чувства или варварстве, но меня это уже не беспокоит. Я на стороне природы. Старинная китайская Книга Мудрости гласит: «Учитель говорит единожды». Он не станет гоняться за людьми, это нехорошо. Те, кому дано услышать, поймут, те же, кому не предназначено понять, не услышат.

У меня было впечатление, что эта аудитория состоит главным образом из психотерапевтов. Если бы я знал, что здесь присутствуют медики, я бы нашел более подходящие выражения. Но психотерапевты поймут. Фрейд — цитирую собственные

слова мэтра — говорит, что «не хорошо пытаться лечить любой ценой». Он часто повторял это мне, и здесь он прав.

Психологические истины носят обоюдоострый характер, так что все сказанное мной может быть использовано таким образом, что послужит величайшему злу, величайшему опустошению и абсурду. Нет ни одного утверждения, сделанного мной, которое нельзя было бы обратить в противоположность. Поэтому я не настаиваю ни на одном утверждении. Вы можете принять их, но если и не примете, то все будет нормально. Вероятно, за это меня можно порицать, но я верю в то, что в каждом человеке есть воля к жизни, которая поможет ему выбрать те вещи, которые годятся именно ему. Когда я лечу человека, то должен быть крайне внимательным и осторожным, чтобы не сбить его с ног своими взглядами или своей личностью, ведь он вынужден всю свою жизнь сражаться в одиночку, и он должен быть способен поверить в свою, возможно, очень непрочную броню и в свою, возможно, очень несовершенную цель. Когда я говорю: «Это никуда не годится, должно быть гораздо лучше»,— я лишаю его смелости, отваги, храбрости. Он должен вспахать свое поле, возможно, не самым лучшим плугом, мой был бы, наверное, лучше, но для него-то что толку? У него нет моего плуга, мой плуг у меня, я не могу дать его кому-то взаймы; каждый вынужден пользоваться своими, пусть ненадежными, инструментами и исходить из своих, унаследованных способностей, какими бы они ни были. Конечно, я могу чем-то помочь, например сказать: «Ваше мышление вполне совершенно, но в другом отношении вам есть над чем поработать». Если человек и слышать об этом не хочет, то настаивать я не буду, ибо не хочу заставлять его отклоняться от своего пути.

Доктор Марион Маккензи:

Именно таким образом и ушел со своими печалями тот богатый молодой человек,— вы его не остановили?

Профессор Юнг:

Да, и в этом случае все обстояло так же. Если бы я сказал человеку: «Вы не должны уходить»,— то скорей всего он никогда бы и не вернулся. Я должен говорить: «Ищите свой собственный путь». Тогда он будет мне верить.

Что же касается детей, то в последние десятилетия вокруг этого вопроса было так много шума, что часто на какой-нибудь встрече я чешу затылок и говорю: «Неужели здесь собрались одни повивальные бабки и няни?» Неужели весь мир состоит из родителей и дедушек с бабушками? У взрослых тоже есть проблемы. Оставьте бедных детей в покое. Я могу судить лишь о том, что рассказывает мать. Неврозы детей на совести родителей.

Конечно, очень интересно провести исследование в области развития сознания. На первых порах сознание пребывает в неустойчивом состоянии, и трудно сказать, в какой момент ребенок уже стал сознательным, а в какой — еще нет. Но это относится к совершенно иной области: возрастной психологии. Существует психология детства, которая, соответственно, включает в себя психологию почтенных родителей; психология младенчества и далее вплоть до пубертатного периода; психология подростка; психология юноши и девушки; психология зрелого тридцатипятилетнего человека, вступившего во вторую половину своей жизни; психология пожилого возраста. Здесь уже начинается наука и у меня нет возможности вдаваться в эти материи. Я же в затруднении даже тогда, когда нужно проиллюстрировать один-единственный сон. Наука очень обширна. Это все равно, что ожидать от физика, излагающего теорию света, одновременного объяснения всего курса механики. Это попросту невозможно. Психология — это не вводный курс для медсестер; это очень сложная наука, состоящая из массы знаний; поэтому вы не должны ждать от меня слишком многого. На своем уровне я делаю все, что только могу для того, чтобы разобраться

со снами и рассказать вам что-нибудь о них, а осуществить все ваши ожидания я, естественно, не в состоянии. Что касается вопроса о совершенстве: стремление к совершенству есть высший идеал. Но я говорю: «Сделайте то, что вы в состоянии осуществить, вместо того, чтобы гнаться за тем, чего вы никогда не достигнете». Никто не совершенен. Вспомните изречение: «Никто не благ, кроме самого Бога»[69], и никто не может быть. Это иллюзия. Мы можем лишь скромно стремиться осуществить себя и пытаться достичь наиболее возможной полноты своего человеческого бытия. И с этим у нас будет достаточно хлопот.

Доктор Эрик Штраус:

Намеревается ли профессор Юнг опубликовать те соображения, которые привели его к идентификации определенных архетипических символов с физиологическими процессами?

Профессор Юнг:

Случай, который вы имеете в виду, мне предложил доктор Дэви; впоследствии он опубликовал этот материал без моего ведома[70]. Я хотел бы больше ничего не говорить об этой корреляции, поскольку я еще не чувствую твердой почвы под ногами. Вопросы дифференциального диагноза в случае органического заболевания и психологической символики достаточно сложны, и в данный момент я предпочел бы не говорить на эту тему.

Доктор Эрик Штраус:

Но ваш диагноз был поставлен на основании фактов сновидения?

Профессор Юнг:

Да, поскольку органические затруднения нарушили умственную деятельность. Имела место серьезная депрессия и, предпо-

[69] Лука.—18:19.

[70] См. выше.

ложительно, наступило глубокое расстройство симпатической системы.

Доктор Х. Крихтон-Миялер:

Завтра состоится последний семинар, и есть один интересующий всех нас вопрос, который, однако, еще не был затронут. Речь идет о сложной проблеме переноса. Хотелось бы знать, не сочтет ли профессор Юнг возможным сообщить нам завтра свою точку зрения — касаться взглядов представителей других школ вовсе не обязательно — относительно переноса и соответствующего с ним обращения?

Лекция пятая

Председательствующий (д-р Джон Риз):

Дамы и господа!

Вероятно, вы заметили, что замечания председательствующего с каждой лекцией становились все короче. Вчера профессор Юнг прервался на середине весьма продолжительного рассказа, и я думаю, что все мы хотим, чтобы он его продолжил.

Профессор Юнг:

Дамы и господа!

Вы помните, что я начал излагать материал, касающийся того самого сна. Сейчас я нахожусь в середине своего повествования и еще о многом необходимо поведать. Но в конце вчерашней встречи д-р Крихтон-Миллер попросил меня рассказать о проблеме переноса. Это показалось мне важным, имеющим практический интерес. Когда я анализирую сон, подобный вышеизложенному, я стараюсь делать это с великой осторожностью, погружаясь в работу настолько глубоко, что мои коллеги недоумевают по поводу привлечения мной столь обширного материала. Они думают: «Да, это говорит о его усердии и благом намерении что-нибудь сделать с этим сном. Однако какова практическая польза от всех этих параллелей?»

Меня подобные сомнения совершенно не задевают. Но как раз нынче я и сам близок к той проблеме, к которой меня подтолкнула просьба д-ра Крихтона-Миллера, упредившего мою

собственную попытку. Просьба об обсуждении данного вопроса естественна для любого практикующего врача. Врачи-практики озабочены практическими проблемами, а не теоретическими вопросами; поэтому они всегда проявляют некоторое нетерпение, как только дело касается теоретических разъяснений. И особенно они обеспокоены отчасти занимательными, а отчасти болезненными и даже трагическими проблемами переноса. Окажись у вас немного больше терпения, и вы смогли бы убедиться, что я занимаюсь именно тем самым материалом, с помощью которого можно анализировать перенос. Но так как сам вопрос уже был сформулирован, то я думаю, что следует пойти навстречу вашему пожеланию и рассказать о психологии и лечении переноса. Но окончательный выбор тем не менее остается за вами. У меня есть ощущение, что д-р Крихтон-Миллер высказал пожелание большинства. Верно ли мое предположение?

Слушатели: Да.

Профессор Юнг:

Думаю, что вы решили правильно, так как поскольку я собираюсь говорить о переносе, то у меня есть благоприятная возможность вернуться к тому, с чего я начал в связи с вышеупомянутым сном. Боюсь, правда, что у нас не хватит времени довести начатое до конца, но думаю, что будет лучше начать с ваших актуальных проблем и действительных трудностей.

Ничто не смогло бы заставить меня заниматься этим тщательно разработанным символизмом и столь внимательным изучением параллелей, не будь я серьезно обеспокоен проблемой переноса. Поэтому при обсуждении проблемы переноса открывается поле для такого рода работы, которую я и пытался описать вам в своей вчерашней лекции. С самого начала я сказал вам, что мои лекции будут не более чем жалкий фрагмент. Я попросту не в состоянии за пять вечеров, даже после того, как я спрессовал все, что возможно, дать вам более или менее пол-

ный конспект того, что я должен рассказать. Говоря о переносе, необходимо вначале определить само понятие, чтобы было ясно, о чем пойдет речь. Вы знаете, что слово «перенос» изначально введено Фрейдом; из специфически рабочего термина оно постепенно сделалось общеупотребительным среди широкой публики. В обычном разговорном языке под ним подразумевается «прилипчивый», привязчивый тип отношений.

Термин *перенос* — перевод немецкого слова Übertragung, что буквально означает перетащить что-то с одного места на другое. Это слово используется также и в метафорическом смысле для обозначения перевода из одной формы в другую. Поэтому в немецком языке оно синонимично со словом Übersetzung, т. е. с переводом. Психологический процесс переноса является частной формой более общего процесса проекции. Важно свести оба понятия вместе и осознать, что перенос есть частный случай проекции — по крайней мере, как это понимаю я. Разумеется, любой может пользоваться этим термином свободно по своему соображению.

Проекция есть общий психологический механизм по переносу субъективных содержаний любого рода в объект. Например, когда я говорю: «Цвет этой комнаты — желтый», то это проекция, потому что объект сам по себе не желтый; желтый он только для нас. Цвет, как вы знаете, составляет содержание нашего субъективного опыта. То же самое и со звуком, и это — проекция, так как звук сам по себе не существут; звук существует лишь в моей голове, и это психический феномен — явление, которое я проецирую.

Перенос — это обычно процесс, случающийся между двумя людьми, а не между субъектом-человеком и физическим объектом. Процесс проекции — поскольку субъективные компоненты переносятся в объект и возникают в нем как присущие ему, объекту — не является актом волевым; а перенос как психиче-

ский акт субъектом не осознается. Невозможно одновременно осознавать и проецировать, поскольку в этом случае узнаешь, что проецируешь свои собственные компоненты, а следовательно, невозможно локализовать последние в объекте, так как знаешь, что они в действительности принадлежат тебе. В проекции несомненный очевидный факт, с которым вы сталкиваетесь в объекте, в действительности оборачивается иллюзией, и все же вы предполагаете наблюдаемое в объекте не субъективным, а объективно существующим. Поэтому проекция исключается, когда обнаруживается, что очевидные объективные факты суть реально субъективные содержания. В этом случае эти содержания связываются с особенностями собственной психологии и их уже больше нельзя относить к объекту.

Порой человек вполне осознает свои собственные проекции, хотя и не в полной степени. Та часть, которая все же не осознается, остается носителем качества, присущего объекту. Это часто происходит в практическом анализе. Врач, например, говорит: «Послушайте, вы же просто переносите образ своего отца в этого человека (или в меня)»; и при этом считает, что такого объяснения достаточно, чтобы аннулировать перенос. Данная мера, скорее, достаточна для врача, но не для пациента. Поскольку в проекции содержится нечто еще, пациент ее сохранит. Она не зависит от его желания: подобные явления — самовоспроизводящиеся. Проекция— факт спонтанный, автоматический. Она просто возникает, и все. И этот закон в сущности справедлив и для переноса. Если перенос возникает, то он возникает априори. Механизм проекции бессознателен, вот почему осознание факта проекции разрушает ее.

Перенос в прямом смысле есть проекция, совершающаяся между двумя индивидами; как правило, она носит эмоциональный и принудительный компульсивный характер. Сами по себе эмоции в какой-то степени всегда оказываются непроизволь-

ными психическими состояниями, в которых осуществляются целевые установки эго. Более того, субъект буквально пропитан ими и не в силах отделить их от себя. Одновременно эмоции спроецированы в объект. Поскольку субъект не в силах разрушить канал проекции, то, пользуясь объектом как рычагом, непроизвольные психические состояния управляют самим субъектом.

Эмоции неотделимы от своего носителя, равно как и идеи, и мысли. Они оказываются идентичными с определенными физическими состояниями и, таким образом, глубоко внедрены в физическую сферу жизнедеятельности человека. Эмоции спроецированных содержаний всегда образуют связь, некоторое динамическое соотношение между субъектом и объектом — это и есть перенос. Очевидно, что по своему характеру эмоциональная связь, или мост, может быть отрицательной или положительной.

Проекция эмоциональных содержаний всегда обладает специфическим влиянием. Эмоции заразительны, вследствие того, что коренятся в глубине симпатической системы; отсюда и само слово sympathicus «симпатикус» («сочувственный»—лат.). Любой эмоциональный процесс незамедлительно вызывает подобные ему проявления у других людей. Находясь в толпе, движимой эмоцией, невозможно сдержать в себе те же эмоциональные проявления. Представьте, что вы находитесь в стране, языка которой не знаете, и кто-то из находящихся рядом людей пошутил, окружающие смеются, и вы тоже невольно начинаете смеяться, причем самым идиотским образом. Сдержаться очень тяжело. Французские психологи называют это явление «ментальным заражением». Среди ряда замечательных книг на эту тему следует особо упомянуть работу Лебона «Толпа. Исследование общественного сознания».

В психотерапии же, даже если врач полностью освободился от эмоциональных содержаний пациента, сам факт наличия у пациента эмоций все же существенно влияет на него. Было бы большой ошибкой считать, что врач может полностью выйти из сферы влияния пациента. Большее, на что врач может рассчитывать, — это осознать, что подвергается воздействию. Если он этого не замечает, то находится слишком далеко от пациента и в этом случае стреляет мимо цели, поскольку принимать эмоции больного и реагировать на них является в известном смысле врачебным долгом. По этой причине я отказался укладывать пациента на кушетку и садиться рядом. Я усаживаю его перед собой и разговариваю с ним, как обычно говорят два нормальных человека; здесь я выражаю себя полностью и реагирую без ограничений.

Очень хорошо помню случай с одной дамой лет 58 — тоже врачом — из США. Она приехала в Цюрих в крайнем замешательстве и находилась в таком удрученном состоянии, что я вначале подумал, в себе ли она, но потом выяснил, что ее помраченное состояние — результат аналитической процедуры. Дама рассказала мне некоторые подробности, из коих стало совершенно ясно, что подобного замешательства никогда бы не произошло, если бы психотерапевт был нормальным человеком, а не мистиком-кудесником, сидящим рядом, полностью бесстрастным, как бы нечаянно роняющим мудрость сверху, с высоты своего положения. После общения с этим врачом дама окончательно растерялась и наделала кучу глупостей. Когда она рассказала мне все это, я, естественно, отреагировал и, кажется, выругался. На что она вскочила со стула и воскликнула:

— До чего же вы эмоциональны!

Я не скрыл удивления:

— А что? Разве это возбраняется?

— Вообще-то нет. Но вы же психотерапевт?

— Да. Я врач-психотерапевт. Но не стремлюсь скрывать свои эмоции. Вы что, думаете, что я идиот или кататоник?

— Но вам не положены эмоции?!

— Это вашему врачу не положены, на что смею заметить — он полный дурак.

В этот момент для нее вся ситуация прояснилась.

— Боже,— воскликнула она.— Теперь только я поняла, где я нахожусь. Я беседую с нормальным человеком, у которого нормальные эмоции.

Моя реакция дала ей ориентацию. Поскольку дама относилась к чувственному, а не к мыслительному типу, то нуждалась именно в подобной ориентации. А ее лечащим психотерапевтом был мужчина, живший в интеллектуальной сфере и потому не имевший контактов с чувственной жизнью своих пациентов. Дама же была высоко эмоциональной натурой, сангвиником; нуждалась в эмоциональных переживаниях и чувственных жестах других людей, чтобы не ощутить собственного одиночества. Иметь дело с чувственным типом и говорить исключительно на интеллектуальные темы все равно, что интеллектуалу беседовать в компании клоунов. Чувствуешь себя как на Северном полюсе, крайне потерянным, так как тебя никто не понимает, никто не реагирует на твои высказывания. И люди могут быть самыми замечательными — тем не менее все будет выглядеть по-дурацки, поскольку они не будут соответствовать вашему психическому типу.

Необходимо всегда стараться отвечать людям в русле их ведущей психической функции, иначе контакта не произойдет. Поэтому чтобы иметь возможность показать пациентам, что их реакции достигают меня и воспринимаются мной, я сажусь напротив, так, чтобы они могли прочесть эти реакции на моем лице и видеть, как я их слушаю. Сидя же рядом с кушеткой, на которой расположился пациент, можно было бы зевать, дре-

мать, уходить в собственные мысли и вообще делать все, что заблагорассудится. Пациенты меж тем оставались бы в автоэротическом и изолированном состоянии, находиться в котором обычному человеку не совсем удобно. Разумеется, готовься они к отшельничеству где-нибудь в Гималаях, тогда другое дело.

Эмоции пациентов всегда отчасти заразительны, но они становятся чрезвычайно заразительными в том случае, когда содержание, проецируемое пациентом на психотерапевта, идентично собственным бессознательным содержаниям врача. В этом случае уже оба они погружаются в ту же самую темную дыру бессознательного и делаются соучастниками. Данный феномен, как контрперенос, описан Фрейдом. Он заключается во взаимной проекции и совместной связи с общим бессознательным. Соучастие характеризует первобытную психологию, т. е. психологический уровень, на котором отсутствует осознанное различие между субъектом и объектом. Общее бессознательное, конечно, совершенно недопустимо в ситуации врач — пациент; все ориентации при этом теряются, и конец такого лечения печален.

Но даже врачи-аналитики не бывают абсолютно совершенны, и может случиться, что в некоторых отношениях они так или иначе строят свое поведение бессознательным образом. Поэтому я давным-давно настаивал на анализе самих врачей-аналитиков: у них должны быть свои духовные отцы и матери. Даже сам Папа Римский при всей своей непогрешимости должен регулярно исповедоваться, и не кардиналу, а простому священнику. Если психотерапевт не столкнется объективно со своим бессознательным, то нет гарантии, что рано или поздно пациент не попадет в бессознательное психотерапевта. Возможно, многим известны пациенты, обладающие дьявольской хитростью по нахождению слабой точки, беззащитного места в психике врача. В эту точку они норовят спроецировать свое собственное бессознательное. Некоторые обычно считают, что данное каче-

ство больше свойственно женщинам, но это не совсем так, мужчины делают то же самое. Они безошибочно выбирают то место, где врач наиболее уязвим и склонен делать те же проекции, что и пациент. В результате происходит соучастие, или, точнее, состояние «заражения» (контаминации) личности через общее бессознательное.

Относительно переноса существут предубеждение, сложившееся у всех нас в результате определения, данного Фрейдом. А именно: большинство склонно думать, что мы имеем дело с эротическим переносом. Но мой опыт не подтверждает эту теорию, согласно которой проецируется масса вещей, и эротический перенос — лишь одна из возможных форм переноса. В человеческом бессознательном существует множество других содержаний, также являющихся высоко эмоциональными по природе, и они столь же прекрасно проецируются, как и сексуальность. Все активные содержания бессознательного имеют тенденцию появляться в спроецированном виде. Это, скорее, даже правило: сгруппированное бессознательное содержание обнаруживает себя прежде всего в виде проекции. Любой действующий архетип может обнаружиться в проекции, либо во внешней ситуации, либо в людях, либо в обстоятельствах, короче, в любых объектах. Существуют переносы на животных и на предметы.

Не так давно у меня был интересный случай с очень интеллигентным гражданином. Я объяснил ему совершенную им проекцию — он спроецировал свой бессознательный образ женщины на реальную женщину, а сны очень ясно показали, насколько разительно реальная личность отличается от той, которую он ожидал увидеть.

Выслушав меня, он сказал: «Если бы я знал это два года назад, то сэкономил бы 40 000 франков!» Я спросил: «Каким образом?» «Как-то раз один человек показал мне древнюю египетскую

скульптуру, и я тотчас же влюбился в нее. Это была скульптура египетского кота, очень красивая вещь. Я купил ее за 40 000 франков и поставил на камин в гостиной». Далее мой пациент обнаружил, что потерял покой. Его офис находился этажом ниже, и буквально каждый час он вскакивал, отвлекался от работы и поднимался взглянуть на кота, а наглядевшись, шел обратно вниз, чтобы снова вернуться. Это обстоятельство настолько лишило его отдыха, что он перенес скульптуру и водрузил ее на стол прямо перед собой — и тут обнаружил, что не может работать! Он вынужден был унести ее подальше, в комнату под чердаком, дабы избавиться от назойливого влияния, и все время боролся с искушением подняться и посмотреть на кота еще раз. Когда он понял свою гениальную проекцию женского образа — так как кот в самом деле символизировал женщину,— тогда весь шарм и очарование скульптуры тотчас же исчезли.

Вот пример проекции в «оживший» физический предмет, к которому тянуло, как порой многих снова тянет к врачу-психотерапевту. Как вы знаете, врачей-психотерапевтов часто винят за змеиные глаза, магнетизирующие и гипнотизирующие людей. Этот взгляд будто бы заставляет людей снова возвращаться к врачу. Как исключение существует ряд неблагоприятных случаев контрпереноса, когда психотерапевт действительно не в силах позволить пациенту уйти; но, как правило, такие обвинения — результат проекции пациента, приводящий порой к навязчивой мысли о преследовании.

Интенсивность отношений переноса всегда эквивалентна степени важности субъективных содержаний. В случаях интенсивного переноса можно быть уверенным, что проецируемые содержания — если только они выделены и осознаны — столь же важны для пациента, сколь и сам перенос. Когда последний теряет силу, то не исчезает бесследно; его интенсивность или соответствующее количество энергии проявится в другом месте,

например в измененном отношении к чему-либо или в других проявлениях. Происходит это потому, что сила переноса оказывается силой эмоциональной, присущей самому пациенту. В случае аннулированного переноса вся спроецированная энергия попадает обратно в субъекта, давая ему возможность испытать чувство победителя; в противном случае энергетическое «сокровище» просто утрачивается в самом процессе переноса.

Теперь следует сказать несколько слов относительно *этиологии* самого переноса. Перенос может быть полностью спонтанным, неспровоцированной реакцией, чем-то вроде «любви с первого взгляда». Разумеется, его нельзя путать с любовью, с которой он ничего общего не имеет. Перенос лишь рядится в одежды любви. Порой он выступает так, что его можно принять за любовь, и, поддавшись на это, малоопытные психотерапевты совершают ошибку. Случается, перенос возникает до первой встречи, до начала лечения. Это говорит лишь о том, что личность аналитика в этом случае не имеет никакого значения.

Однажды ко мне в кабинет зашла одна дама, которую недели за три до того я встретил на официальном приеме. Тогда я даже не разговаривал с ней, общался лишь с ее мужем, которого знал весьма поверхностно. Позже дама написала мне письмо с просьбой о консультации, и я назначил ей время. Когда она пришла и стояла уже у самой двери, то внезапно сказала: «Я не хочу входить». Я не настаивал, не хочет, значит, не хочет. Тогда она сказала:

— Но я должна!

Я ответил:

— Я вас не заставляю.

— Но вы заставили меня прийти.

— Помилуйте, каким образом?

Я подумал невольно, что она сумасшедшая, но все было не так. Просто эта женщина испытала перенос, который притягивал ее

ко мне. В это время у нее были некоторые проекции, имевшие такую высокую эмоциональную силу, что у нее не было сил им противостоять. Совершенно магическим образом ее тянуло прийти ко мне. В процессе анализа мы, естественно, выяснили, что причиной для этого послужило содержание неспровоцированного переноса.

Обычно перенос возникает только в процессе анализа. Часто это бывает вызвано трудностями в установлении контакта и создании эмоциональной гармонии между доктором и пациентом, что французские психологи при гипнозе и внушении называют le rapport (связь, отношение, взаимопонимание). Хороший раппорт означает, что пациент и врач прекрасно ладят и доверяют друг другу. Безусловно, гипнотический эффект зависит от наличия или отсутствия раппорта. В аналитическом лечении в случае, когда раппорт между аналитиком и пациентом затруднен ввиду значительной психологической дистанции между ними, бессознательное пациента пытается «покрыть» эту дистанцию и возводит компенсаторный мост. Если нормальное общение отсутствует, брешь заполняется пылкими чувствами или эротическими фантазиями.

Это обычно происходит с людьми, психологически очень одинокими, привыкшими сопротивляться — либо из-за комплекса неполноценности, либо из-за мании величия, или чего-то еще. Из-за страха одиночества они вызывают в себе сильнейшие эмоциональные усилия, чтобы «привязать» себя к аналитику. Они впадают в безысходность от одной мысли, что он может их не понять. Так что пуская в ход своего рода сексуальную привлекательность, они тем самым пытаются умилостивить и расположить к себе обстоятельства, аналитика и даже свою собственную неохоту.

Компенсаторный феномен в той же степени можно отнести и к аналитику. Представьте, что врач занимается лечением жен-

щины, которая вызывает у него сексуальные фантазии. Я не желаю подобного аналитику, но если это случилось, то лучше во всем разобраться. Прежде всего, это информация об отсутствии хорошего человеческого контакта. Бессознательное аналитика маскирует недостаток раппорта фантазией. Такие фантазии могут быть видимыми, это могут быть чувства или ощущения, например сексуальные. Все они — предупреждение о неправильном отношении врача к пациенту. Если вы видите пациента во сне, так же будьте внимательны и попытайтесь понять, не указывает ли сон на вашу ошибку. Больные бесконечно благодарны за честное и внимательное отношение и прекрасно чувствуют фальшь и небрежность.

Со мной был один весьма поучительный случай. Я занимался с девушкой двадцати-двадцати четырех лет. У нее было необычное детство: она родилась на Яве в хорошей европейской семье, воспитывала ее няня-аборигенка[71]. Как часто бывает с детьми, родившимися в колониях, экзотика и эта чуждая нам, я бы сказал, варварская цивилизация наложили отпечаток на эмоциональную и инстинктивную жизнь девочки. Белому человеку это трудно понять. Существует атмосфера великого страха местных жителей перед жестокостью, безрассудством и огромной силой белого человека. Дети, рожденные на Востоке, заражены этой атмосферой, страх проникает в них и порождает бессознательные фантазии, которые искажают всю психологию. Они страдают кошмарами, паникуют, не умеют адаптироваться в нормальных ситуациях, когда дело касается любви, брака и т. д.

Что касается моей пациентки, она безнадежно заблудилась, часто попадала в рискованные эротические ситуации и заработала себе дурную репутацию. Она приспосабливалась

[71] Этот случай более подробно обсуждается в статье «The Realities of Practical Psychotherapy» (Jung C G. C.W. 16), Русский перевод (в печати). См. также «Concerning Mandala Symbolism» в: Jung C. G. 9i, pars. 656—659 и рисунки 7, 8 и 9 с изображениями мандалы, выполненные пациентом.

не лучшим образом: неумеренно красилась, носила огромные украшения, чтобы удовлетворить в себе ту самую аборигенку, первобытную женщину, как будто та могла помочь ей в жизни. Девушка не могла обойтись без своих примитивных инстинктов — она с легкостью стала жертвой дурного вкуса: носила платья безобразных цветов, и все это для того, чтобы задобрить свое примитивное бессознательное. Ее выбор мужчин всегда оставлял желать лучшего и всегда заканчивался безобразными ссорами. Ее называли «великой вавилонской блудницей». Когда она пришла ко мне, то выглядела просто безобразно. Я даже что-то сказал по этому поводу, чем ее очень расстроил.

После всего этого она приснилась мне следующим образом:

Я находился на дороге у подножия большой горы, на горе возвышался замок, в замке была высокая башня, на вершине башни — открытая лоджия с колоннами и мраморной балюстрадой, на ней сидела элегантная женщина. Я посмотрел наверх, и так высоко задрал голову, что почувствовал боль в затылке. В сидящей на балюстраде женщине я узнал свою пациентку.

Проснувшись, я сразу же подумал: «Боже, почему мое бессознательное поместило эту девочку так высоко?» И тут же понял: сон указывает на мою ошибку. Я смотрел на нее сверху вниз, я плохо о ней подумал. На следующий день я обо всем ей рассказал. Это подействовало как чудо. Никаких переносов больше не случалось, я стал общаться с ней на должном уровне.

Если вы действительно пытаетесь быть на одном уровне с пациентом — не слишком высоко, и не слишком низко,— когда вы правильно подходите к его проблеме, вас меньше всего беспокоят проблемы переноса, вызываемые отсутствием раппорта — их у вас не будет.

Явление переноса может возникнуть у пациентов чрезмерно самовлюбленных, которые возводят вокруг себя непробиваемую стену изоляции. Тем не менее они отчаянно желают челове-

ческого контакта, но ничего для этого не делают и не позволяют приблизиться другим. Все это вызывает перенос. Его непросто заметить, поскольку таких людей защищает надежная стена. Вашу помощь они воспринимают как агрессию, поэтому нужно дождаться, пока они добровольно не выйдут из своей крепости. Конечно, они будут выражать свое недовольство, высказываясь в том смысле, что вы их не понимаете, но единственное, что вы можете сделать, это запастись терпением и сказать: «Что ж, вы продолжаете оставаться внутри, вы ничего не демонстрируете, и пока это будет продолжаться, я тоже ничего не смогу сделать».

В подобном случае перенос может дойти до точки кипения. Ведь только сильный пожар может заставить человека покинуть свой замок. Это будет взрыв, но доктор должен его спокойно выдержать. Я помню случай с моей коллегой-американкой (сейчас ее уже нет в живых, поэтому я могу спокойно об этом рассказывать). Она окончила в Америке женский колледж (мы называем эти заведения инкубаторами анимуса), который ежегодно выпускает огромное количество перепуганных несносных девиц. В их числе и была эта «пташка»; она представлялась «очень компетентной» и угодила в достаточно неприятную ситуацию переноса. Это был случай с женатым мужчиной, который безумно влюбился в нее. Конечно, здесь была не любовь, а перенос, но он спроецировал на нее ситуацию, будто бы она желает выйти за него замуж, но не может себе такого позволить. Он задаривал ее цветами, шоколадом, украшениями, в конце концов угрожал даже револьвером. В результате она собралась и прибежала ко мне.

Вскоре выяснилось, что она не имеет ни малейшего представления об отношениях и чувствах мужчин и женщин. Она пребывала даже в неведении по поводу мужской анатомии, потому что в колледже, где она училась, изучали только женское тело. Можете представить, с какой ситуацией я столкнулся.

Я сумел разобраться в ее проблеме и понял, почему этот мужчина угодил в ловушку. Она абсолютно не осознавала себя как женщину, обладая при этом мужским складом ума. Сама природа заставила ее партнера заполнить эту брешь. Он стремился доказать ей, что она женщина и должна ответить ему, мужчине, у которого есть требования к ней как к женщине. Отсутствие же в ней женского начала послужило ловушкой. Он в такой же степени не был мужчиной, поскольку и сам этого не заметил.

Оба они попали в ужасную ситуацию переноса, и кому-то могло показаться, что и тот и другая сумасшедшие, и уж ей-то следовало бы бежать от всего этого. Что же касается лечения, то здесь для меня все было ясно. Следовало довести до ее сознания, что она женщина, но это невозможно до тех пор, пока она не признает свои женские чувства и качества. Поэтому ее бессознательное организовало великолепный перенос на меня, что, естественно, она принять не могла, я же, со своей стороны, никакого давления здесь не оказывал. Она представляла собой случай полной изоляции, обособления, и столкновение с собственным переносом лишь усилило ее защитную реакцию, которая, разумеется, должна была быть подавлена в общем контексте лечебного процесса. Поэтому я никогда не заговаривал с ней об этом, не вмешивался в ход событий и занимался, главным образом, анализом сновидений. Сновидения постоянно информировали меня о развитии ее переноса. Я чувствовал, что приближается кульминационный момент, и ожидал взрыва со дня на день. Я знал, что это будет довольно неприятно и слишком эмоционально, но мне ничего не оставалось делать. После шести месяцев старательной систематической работы она больше не могла сдерживать себя и буквально прокричала: «Но я люблю вас!», после чего ее сопротивления прекратились и обнажились ужасные беспорядок и путаница в ее душе.

А теперь попробуйте представить себе эту ситуацию. Разумеется, нет ничего хорошего в том, чтобы к тридцати четырем годам вдруг обнаружить, что в тебе живет подлинно человеческое начало. И это свалилось на нее как снежный ком. Если бы я сказал ей шесть месяцев назад, что наступит день, когда она произнесет признание в любви, реакция была бы просто непредсказуема. Она пребывала в состоянии самовлюбленной изоляции, но пламя ее эмоций в результате прорвалось сквозь стены и вырвалось наружу, подобно вулканической лаве.

Возможно, мое отношение показалось бесчувственным и равнодушным, но в такой ситуации невозможно вести себя иначе. Фактически справиться с ситуацией подобающим образом можно, лишь полностью исключив из своего поведения какие-либо нотки превосходства. Вы просто следуете за процессом и уравниваете свое сознание и чувства в соответствии с ситуацией для того, чтобы не отличаться в заметной степени от пациента; в противном случае он почувствует себя неловко и впоследствии будет переживать глубокую обиду. Вообще неплохо иметь «резервные» чувства, которые в таких случаях могут очень пригодиться. Конечно, это требует определенного опыта. Не всегда это просто, но необходимо преодолевать подобные болезненные моменты таким образом, чтобы не вызвать отрицательные реакции у пациента.

Я уже упоминал о причинах переноса — это общее бессознательное и контаминация (психическое заражение). Только что приведенный мной случай — яркий тому пример. Контаминация через общее бессознательное происходит, как правило, когда аналитик недостаточно адаптирован, другими словами, когда он невротик. Хорош ли, плох ли его невроз, это всегда открытая дверь, через которую может войти пациент. Тогда происходит контаминация. Именно поэтому сам аналитик должен знать о себе как можно больше.

Я помню случай с молоденькой девушкой, которая, до того как попала ко мне, уже работала с двумя аналитиками. Каждый раз перед началом анализа ей снился один и тот же сон. *Она приезжает на границу и хочет пересечь ее, но не может найти таможню, чтобы заявить в декларации, что она везет с собой.* Сон давал ей ощущение того, что она никогда не найдет правильного отношения к своему аналитику, но поскольку чувство неполноценности сохранилось, а к своим суждениям она относилась с недоверием, отношения с прежним аналитиком не прерывались и, в сущности, никакого прогресса не наблюдалось. Пациентка проработала с ним еще два месяца, после чего все же ушла от него. Затем она нашла другого аналитика.

И снова ей приснилось, что она подходит к границе. *Темная ночь. Ей видится какой-то тусклый свет. Кто-то говорит ей, что это таможня. Сновидица пытается туда пробраться. Для этого она спускается с горы, идет по равнине. Ей нужно пройти через темный лес. Сновидица преодолевает страх. Когда она идет по лесу, кто-то хватает ее. Она хочет освободиться, ее держат все крепче. Вдруг ей открывается, что это ее психоаналитик.*

В результате через три месяца работы у этого аналитика развился стойкий контрперенос, который предсказал сон.

Когда она пришла ко мне, увидев меня перед этим на лекции, ей тоже приснился сон.

Она подходила к швейцарской границе. Был день. Она увидела таможенный домик, вошла туда. Там стоял швейцарский таможенник. Перед ней была какая-то женщина, сновидица позволила ей пройти, потом настала ее очередь. У нее была только маленькая сумочка, она думала, что пройдет незамеченной. Офицер остановил ее. Она сказала, что в сумочке ничего нет. Он настоял на досмотре и стал вытаскивать из сумочки что-

то такое, что становилось все больше и больше и превратилось в двуспальную кровать.

Ее проблема заключалась в том, что она отказывалась выходить замуж по определенным причинам. А кровать во сне была брачной постелью. Я избавил ее от этого комплекса, и вскоре, разобравшись в себе, она вышла замуж.

Такие первые сны часто бывают очень информативны. Поэтому я всегда спрашиваю нового пациента, знал ли он, что придет ко мне, встречал ли меня раньше, что ему снилось накануне визита. Проникая в бессознательное, вы получаете неоценимую информацию, которая помогает вам обогнуть острые углы. Перенос же никогда не бывает преимуществом, это всегда помеха.

Причиной тяжелых форм переноса может оказаться провокация со стороны самого врача-аналитика. Мне грустно об этом говорить, но есть такие аналитики, которые целенаправленно добиваются переноса, думая, что это необходимая и полезная часть самого лечения. Это полностью ошибочная идея. Ко мне попадали люди, которые после двух недель такого «лечения» приходили в безнадежное состояние. Бывало так, что я был уверен в успехе анализа, дела шли великолепно, как вдруг пациент со слезами заявлял мне, что он больше не может.

Почему? В чем дело? Может быть, у вас нет денег?

Нет-нет, причина не в этом. Просто у меня нет переноса!

И мне приходится объяснять, что это великое благо, что перенос — это болезнь, что у нормальных людей не бывает переноса. После этих объяснений анализ снова идет великолепно.

Мы не нуждаемся в переносе, равно как не нуждаемся в проекции. Тем не менее это всегда будет происходить с людьми, в чем можно не сомневаться. Люди всегда создают проекции, правда, не всегда те, которых они ожидают. Некоторые считают, что без переноса они никогда не вылечатся. Это происходит оттого, что они начитались работ Фрейда о переносе, или

пообщались с другими аналитиками, и подобное представление прочно вошло в них. Это полный нонсенс. Есть перенос, нет переноса — это не имеет никакого отношения к лечению. Да, определенные психические состояния просто невозможны без подобных проекций, и точно так же, как проекция исчезает, став осознанной, так и перенос уходит, если добиться его осознания. Если же нет переноса, то тем лучше для вас. Вы получаете материал в любом случае, и не перенос вас им снабжает. Все, что необходимо, выводят наружу сны. Если же вы работаете для переноса, провоцируя пациента, результаты анализа будут неудовлетворительными. Вы пробуждаете ожидания, которые никогда не сможете удовлетворить. И тогда вы просто обманщик. Аналитику не позволительно вести себя слишком дружески, потому что эффект будет направлен против него. Он не сможет оплатить предъявленный счет. Даже если ему кажется, что он делает это на благо пациента, это заблуждение. Оставьте людей такими, какие они есть. Не имеет значения, любят ли они аналитика или нет. Мы вовсе не те немцы, которые ждут, что их должен полюбить каждый клиент, которому они продали подтяжки для носков. Это слишком сентиментально. Главное для пациента — разобраться в своей жизни, и вы не поможете ему этими своими притязаниями.

Таковы некоторые причины переноса. Общим психологическим основанием для переноса всегда является активированное бессознательное, ищущее своего выражения. Интенсивность переноса равна важности проецируемого содержания. Сильный перенос соответствует активному содержанию, он несет в себе нечто значительное для пациента. И чем дольше он проецируется, тем больше аналитик заключает в себя эти ценности. Иначе и быть не может, но ему следует вернуть их пациенту. Без этого анализ не будет завершен. К примеру, если пациент проецирует на вас комплекс спасителя, вы должны вернуть ему этого спа-

сителя, что бы это ни означало. Вы ведь, более чем уверен, не спаситель.

Проекции архетипической природы представляют особую задачу, отдельную трудность для психотерапевта (врача-аналитика). Любая профессия содержит в себе определенные трудности, и опасностью в анализе оказывается возможность заразиться проекциями переноса, в особенности архетипическими содержаниями. Когда, положим, пациент решит, что врач-аналитик (психотерапевт) есть реальное осуществление его сновидений, что он не просто врач, а духовник-герой, нечто вроде спасителя, то, конечно, тот или иной врач скажет: «Какая чушь! Это просто болезнь. Истерическое преувеличение». Однако это пощекочет его нервы, поскольку выглядит очень красиво, и, кроме того, сам психотерапевт несет в себе те же самые архетипы. Постепенно он начинает чувствовать, что поскольку спасители как таковые существуют, то нет ничего невероятного в том, что он окажется одним из них; затем, сначала колеблясь, а потом все увереннее убедит себя в том, что он не совсем обычный индивид. Постепенно сделается обворожительным и исключительным. Он уже не может просто разговаривать со своими коллегами, так как он стал сам не знает кем. Делается все более несговорчивым, избегает человеческих контактов, изолирует себя, в конце концов ему становится совсем ясно, что он очень важная фигура, наполненная высоким духовным смыслом, возможно, равная Махатмам в Гималаях, и — что вполне возможно — он тоже принадлежит высокому братству. И, наконец, такой человек утрачивается для своей профессии.

У меня есть коллеги, с которыми получилось именно так. Они не смогли противостоять атакам коллективного бессознательного пациентов, раз за разом проецировавших комплекс спасителя и религиозных ожиданий на них. Пациент начинал верить в то, что аналитик владеет секретным знанием, «клю-

чом», потерянным Церковью, с помощью которого может открыться великая искупительная правда. Аналитики поддались этому соблазнительному искушению. Они отождествили себя с архетипом, нашли свой собственный символ веры, и нуждаясь в учениках и последователях, которые верили бы в них, стали основателями своего рода сект.

Эта же проблема является причиной тех специфических трудностей, которые не позволяют психологам разных школ и направлений достаточно доброжелательно обсуждать спорные идеи. Существует тенденция разбиваться на небольшие группы и обособляться в них, образуя так называемые «научные» сообщества. В действительности все они сомневаются в исключительности своей «правды» и именно поэтому собираются вместе и твердят одно и то же до тех пор, пока не поверят в это окончательно. Фанатизм всегда есть признак подавленного сомнения. Обратимся к истории Церкви. Когда ее положение было шатким, возникали секты фанатиков. Происходило это потому, что тайные сомнения должны быть подавлены. Если человек действительно убежден в своей правоте, он абсолютно спокоен и может обсуждать противоположную точку зрения без тени негодования.

Для психотерапевта всегда существует профессиональный риск отрицательных проекций в точку, где он беззащитен. Он постоянно должен находиться во всеоружии. «Яд» действует не только психологически, он может затронуть его симпатическую систему. Я наблюдал несколько экстраординарных случаев физических заболеваний среди психотерапевтов, заболеваний с неизвестными медицине симптомами. Я склонен относить их к эффекту продолжительной проекции, когда аналитик не способен оградить от нее свою собственную психологию. Определенные эмоциональные состояния пациента заразительно воздействуют на аналитика, вызывая похожие вибрации в его нервной

системе. Именно поэтому как психиатры, так и психотерапевты бывают иногда со странностями. Такая возможность определенно связана с проблемой переноса, и никогда не следует забывать об этом.

Теперь следует сказать о терапии переноса[72]. Это весьма сложный и запутанный предмет; есть опасность, что я буду рассказывать вам о вещах, в которых вы осведомлены не хуже меня, но обойти их молчанием не могу, поскольку хочу сохранить систематичность.

Чтобы устранить перенос, а речь идет именно об устранении, необходимо заставить пациента осознать *субъективную ценность* личностного и безличностного содержаний его переноса. В проекции может оказаться не только личностный, но и архетипический материал. Комплекс спасителя — явно не личностный мотив; это предчувствие, экспектация, повсеместно обнаруживаемые в человеческих сообществах в особый период истории. Комплекс спасителя — архетипическая идея магической личности[73].

В начале анализа проекции переноса — это неизменные повторения прошлого личного опыта пациента. Допустим, ваш пациент часто бывал на курортах. Вы знаете, какого рода там врачи. Свой опыт общения с ними он будет проецировать навас. Сначала вам придется пробираться сквозь страх своих коллег с морских побережий, отличающихся большими гонорарами и актерством. Возможно, и вас он примет за такого же. Затем вам придется разделаться с целой серией знакомцев вашего пациента — докторов, юристов, школьных учителей, тетушек, кузин, братьев и даже папой. Вы ошибаетесь, если думаете, что это конец. На папе шеренга не заканчивается, и вы начинаете подозревать, что на вас спроецировали даже дедушку. Такое вполне

[72] О более поздних взглядах Юнга на эту проблему см. Jung C. G. C. W. 16.

[73] Jung C. G. C.W. 7, par. 374ff.

возможно. Лично я никогда не сталкивался с проекцией прадедушки, но дедушку на меня проецировали. Когда вы дойдете до няни, возможности вашего сознания будут истощены, и если перенос на этом не закончится, несмотря на все ваши усилия, причина — в проекции безличностных переживаний.

Существование обезличенных проекций опознается специфической безличностной природой их содержаний; например, комплексом спасителя или архаическим Бого-образом. Архетипический характер этих образов воспроизводит магию, т. е. сверхмощный эффект. Нашим рациональным сознанием трудно понять, почему это происходит. Бог, например, есть дух, а дух для нас не содержит ничего вещественного или динамического. Но если исследовать первоначальное значение этих терминов, то выясняется реальная составляющая опыта и становится понятным, как он воздействует на первобытный разум, на первобытную психику в нас самих. Дух, *spiritus,* или *пневма, pneuma,* означает воздух, ветер, дыхание; *спиритус,* или *пневма,* по своему архетипическому смыслу — динамические и полуматериальные сущности, вы движимы ими, как ветром; они вдыхаются в вас, в результате чего вы насыщаетесь, наполняетесь ими.

Спроецированные архетипические фигуры могут точно так же нести отрицательный смысл, как, например, образы колдуна, дьявола, демонов и т. п. Даже сами врачи-аналитики не вполне защищены от подобных реалий. Я знаю коллег, которые распространяют фантастические вещи обо мне и верят, что я связан с дьяволом и черной магией. И у людей, которые до сих пор никогда не думали, что существует, скажем, дьявол, могут возникнуть самые невозможные, немыслимые фигуры при переносе безличностных содержаний. Проекция образов, содержащих родительское влияние, обычно исчезает в результате здравого размышления, но безличностные образы простым рассуждением не аннулируются. Более того, аннулировать или разрушать

их было бы неправильно, так как в общем-то они весьма существенны в психическом бытии. Чтобы пояснить это, я боюсь, мне придется снова вернуться к истории человеческого разума.

Давно известно, что архетипические образы являются спроецированными. Они и должны быть спроецированными, иначе сознание просто было бы наводнено этими образами. Суть заключается в подыскивании формы, которая являлась бы адекватным вместилищем. Испокон веков существует процедура, помогающая людям проецировать безличностные образы. Все ее хорошо знают, возможно, многие сами прошли в ней соответственную выучку, но, к сожалению, не обратили внимания на всю важность подобной институции. Я имею в виду религиозное посвящение, которым у нас, христиан, является крещение. Когда пленяющее и неповторимое влияние родительских образов ослабевает и ребенок высвобождается от своего первоначального биологического участия в совместной с родителями «битве за жизнь», тогда природа, а именно бессознательная человеческая природа, в своей бесконечной мудрости производит ряд посвящений. Их можно обнаружить в самых первобытных племенах — посвящение мужчины, инициация на участие в духовной и социальной жизни племени. В процессе дифференциации сознания посвящение подвергалось множеству изменений, пока не перекочевало в христианство в виде таинства крещения. В обряде крещения участвуют два формальных лица: крестный отец и крестная мать.

На швейцарском наречии они носят имена Бога — «Götti» и «Gotte». Götti — мужская форма, означающая Отца, Gotte — женская форма. Слово «Бог» означает «Отец», «породитель». Крещение и духовные родители в виде крестных отца и матери выражают тайну второго рождения. Известно, что все высшие касты в Индии имеют титул «Дважды рожденный». В этом же смысле быть дважды рожденным оказывается прерогати-

вой фараона. Поэтому в египетских храмах очень часто рядом с главным помещением для богослужений можно встретить так называемую «родильню», состоящую из одной-двух комнат, специально предназначенных для совершения ритуала. В них происходит второе рождение фараона, поскольку, хотя он и рожден во плоти как человек, он, кроме этого, создан Богом и рожден Богиней. И, следовательно, рождается, как сын человека и Бога.

Наше крещение означает обособление ребенка от естественных родителей и от влияния родительских образов. С этой целью биородители заменяются родителями духовными: крестные отец и мать представляют intercessio divina (божественное поручительство) посредством Церкви, которая выступает как зримая форма духовного царства. В католическом ритуале и брак (здесь предполагается весьма важным, что *этот* мужчина и *эта* женщина соединяются друг с другом) осуществляется посредством церковного ритуала; intercessio sacerdotis (божественное поручительство) не допускает непосредственного контакта полов. Священник представляет Церковь, а Церковь всегда оказывается между, в форме вероисповедования, которое является обязательным. Это вмешательство не есть следствие особой хитрости Церкви, но, скорее, ее великой мудрости, сама же идея восходит к истокам христианства — уже тогда мы вступали в брак не просто как мужчина и женщина, но как брачующиеся *во Христе.* У меня есть античная ваза, на которой изображено раннее христианское обручение. Мужчина и женщина держат друг друга за руку. Соединененные руки помещены в Рыбу; Рыба означает Христа. Этим символизируется, что обрученные разделены и соединены Христом. Христос находится между ними; он представляет власть, означающую отделение человека от простых природных сил.

Процесс выделения человека из природного мира испытан в хорошо известных обрядах инициации или обрядах, посвященных юношам, вступающим в половозрелый возраст в первобытных племенах. По достижении половой зрелости мальчики внезапно отзываются из селения. Их выводят в окрестности, где заставляют провести ночь. Из темноты слышны голоса духов, рев быков, женщинам в это время под страхом смерти запрещено выходить из дома. Среди ночи мальчиков приводят в лесную хижину, где демонстрируются всевозможные ужасные сцены. Им запрещено разговаривать: сообщается, что они умерли, а затем, что снова родились, и для доказательства этого дают новые имена. Им внушается, что они теперь другие люди, нежели были раньше, и больше не дети своих родителей. Инициация может зайти так далеко, что после возвращения матерям больше не разрешают разговаривать со своими сыновьями, так как молодые люди уже не их дети. Некогда у Готтентотов один мальчик совершил инцест с матерью, чтобы доказать, что она ему больше не мать, а всего лишь женщина в числе прочих.

Соответствующий христианский ритуал утратил много весьма существенного, но, изучая символику крещения, можно и сейчас обнаружить следы первоначального смысла. «Родильня» — в нашем случае купель для крещения; это в сущности бассейн, рыбный садок, в котором каждый представляет собой маленькую рыбку: вначале он символически тонет, а затем снова воскресает. Известно, что ранних христиан на самом деле погружали в крещенскую купель, которая была гораздо больше, чем сейчас; во многих старых церквях сооружалась крестильня отдельным зданием на собственном основании, в плане представлявшим круг. Накануне пасхи католическая церковь совершала специальную церемонию освящения купели для крещения, Benedictio Fontis («благословенная купель» — лат.). Обычную воду заклинали от смешения со всякими дурными силами, в результате чего она

превращалась в обновленный и очищенный источник жизни, чистое, незапятнанное лоно, заключающее божественное начало. Затем священник святил воду, обходя купель, в форме креста в четырех местах, три раза дул на нее и три раза погружал в воду священную пасхальную свечу как символ вечного света, а в это же время заклинание призывало Целомудренную силу Святого Духа погрузиться в купель. Из *иерогамии* (hierosgamos — святой брак между Святым Духом и крещенской водой как лоном Церкви), и возрождался человек в истинной невинности нового детства. Пятно греха, взятое от него и его природы, соединялось с образом Бога. Человек больше не осквернялся природными силами, он перерождался в духовное бытие.

Известны и другие обычаи и ритуалы, выделявшие человека из естественной животной среды. Не вдаваясь в детали, следует заметить, что изучая психологию первобытных, можно обнаружить тесную связь всех важных жизненных событий с тщательно разработанными церемониями, цель которых — отделить человека от предшествующей стадии существования и помочь ему перенести психическую энергию в следующую стадию жизнеустройства. Когда девушка выходит замуж, она должна освободиться от давления родительских образов и избежать проекции образа отца в мужа. С этой целью в Вавилоне существовал ритуал, с помощью которого психика молодой девушки освобождалась от образа отца. Я имею в виду ритуал храмовой проституции, согласно которому девушки из знатных семей отдавались незнакомцам, посещавшим храм; тем, кто, предположительно, в дальнейшем его не посетит. Как правило, это были чужеземцы, с которыми девушки проводили ночь. Подобный институт существовал и в средние века — jus primae noctis, право первой ночи, этим правом обладал феодал-правитель по отношению к крепостным. Невеста свою первую брачную ночь должна была провести с ним.

Ритуалом храмовой проституции создавался наиболее впечатляющий образ, сталкивающийся с образом мужчины, за которого юная дама собиралась замуж, в случае, если возникала брачная проблема, то возвращение в исходное психическое состояние как естественный результат внутреннего конфликта совершалось не к образу отца, а к однажды встреченному незнакомцу, пришедшему из неведомых земель. Это давало возможность не погружаться снова в мир детских впечатлений, а находить психическое убежище в районе собственного возраста, и тем самым в достаточной степени защищало против инфантильной регрессии.

Данный ритуал демонстрирует одно из самых изумительных качеств человеческой психики. Не случайно женщины сохраняют архетипический образ возлюбленного из отдаленной, неведомой земли, мужчины, появившегося из-за моря-океана, встретившего ее однажды и ушедшего назад. Этот мотив известен из вагнеровского «Летучего голландца» и ибсеновской «Дамы из моря». В обеих драмах дама ожидает чужеземца, который должен прийти из-за далеких морей, чтобы пережить большую любовь к ней и с ней. В опере Вагнера героиня по-настоящему влюбляется в образ, который видит воочию еще до того, как появляется сам герой. В «Даме из моря» героиня только однажды встретила своего избранника и теперь вынуждена все время ходить на берег моря в ожидании его возвращения. («Алые паруса» Александра Грина — тот же мотив.— *Прим. перев.).* В вавилонском ритуале этот архетипический образ существовал конкретно с целью вызволить женщину из тисков родительских образов, являющихся также образами архетипическими и посему чрезвычайно мощными. Я написал небольшую книгу о взаимоотношениях между эго и бессознательным[74], где описал случай проекции образа отца, имевший место у лечив-

[74] Jung C. G. C.W. 7, par. 206ff.

шейся у меня женщины, и о том, как эта проблема разрешилась благодаря анализу архетипического образа, лежавшего в основе этого переноса.

Первая стадия лечения переноса вовлекает не только осознание пациентом того факта, что он все еще смотрит на мир из детской или классной комнаты и т. п., то есть, содержанием его проекций и ожиданий остаются все положительные и отрицательные авторитеты его личного опыта; в осознание должна быть включена вся объективная сторона вопроса. Для создания действительно зрелой установки, зрелого отношения, пациент должен понять саму *субъективную оценку* всех тех образов, которые, как казалось, создают саму проблему. Он должен ассимилировать их, сделать частью собственного психического; должен обнаружить, в каком смысле они является частью его самого; каким образом он приписывает, например, положительную оценку тому или иному *объекту,* когда фактически это и есть он сам, тот, кто эту оценку выставляет. Тем же самым образом он проецирует отрицательные качества и соответственно ненавидит и испытывает отвращение к объекту. Здесь необходимо понять, что субъект сам проецирует свою собственную низменную сторону, свою тень, так сказать, предпочитает иметь оптимистический и односторонний образ себя самого. Фрейд, как известно, имеет дело только с объективной стороной. Но фактически невозможно помочь пациенту усвоить содержание его невроза снисходительными ссылками на детское отсутствие ответственности или смиренным указанием на глупую судьбу, жертвой которой является пациент. Его невроз означает требование стать целостной личностью, а это включает узнавание и ответственность за свое целостное бытие, за его хорошие и плохие стороны, возвышенные и низменные функции.

Предположим теперь, что проекция личностных образов как таковая, состоялась, реализовалась и возымела действие, и тем

не менее имеет место перенос, который вы просто не можете устранить. Тогда в терапии переноса мы вступаем во *вторую стадию*. Эта стадия — *разделение личностных и безличностных содержаний*. Личностные проекции, как мы видели, устраняемы в принципе, для этого они должны оказаться осознанными; но безличностные проекции устранить нельзя, так как они принадлежат структурным элементам самой психики (самого психического бытия). Они оказываются не реликтами переживаемого прошлого, а наоборот, целенаправленными и компенсаторными функциями чрезвычайной важности, надежной защитой в ситуациях, в которых человек, как говорится, теряет голову. Скажем, в случае паники, неважно, внутренней или внешней, вмешиваются архетипы, дающие человеку возможность совершения адаптивных инстинктивных действий. Реакция человека в данном случае оказывается такой же, каковой она обычно и была на протяжении всей истории человечества, поэтому сам механизм жизненно важен.

Следует заметить, что проекция этих безличностных образов сама по себе носит опосредованный характер. А поэтому устранить здесь можно лишь сам *акт* проекции, но никак не ее *содержание,* чего, кстати, не стоит и пытаться делать. При всех стараниях пациент не может ассимилировать безличностные содержания в своем сознании; тот факт, что они по сути *безличностны,* как раз и является причиной их проекции; человек чувствует, что они не принадлежат определенному субъекту, его индивидуальному разуму, а локализуются где-то вне единичного эго, и за отсутствием подходящей субъективной формы вместилищем является определенный человеческий объект. Поэтому необходимо быть крайне внимательным, имея дело с безличностными проекциями. Например, было бы большой ошибкой сказать пациенту: «Пожалуйста, поймите, что вы проецируете на меня образ спасителя. Глупо уповать на спасителя и делать

меня ответственным за это упование». Встретившись с «надеждой» подобного рода, отнеситесь к ней серьезно. Все человечество живет с подспудным ожиданием спасителя; это ожидание можно обнаружить везде: обратите внимание хотя бы на Италию или Германию (1935 г.— время прихода и разрастания фашизма.— *Прим. перев.).* Сегодня у вас, в Англии, нет спасителя, нет его и у нас, в Швейцарии. Но я не верю, что мы так уж сильно отличаемся от остальной Европы. Ситуация у нас лишь слегка отличается от итальянской или германской; возможно, они чуточку менее уравновешены, но даже и у нас с уравновешенностью не все гладко. В указанных странах комплекс спасителя обнаруживается в виде психологии массы, толпы. Комплекс спасителя — архетипический образ коллективного бессознательного, и совершенно естественно, что он активизируется в эпохи, столь насыщенные проблемами и дезориентацией, как, к примеру, наша. В коллективных событиях довольно легко и просто увидеть, как сквозь волшебное стекло, что может произойти с отдельным индивидом, внутри его самого. Даже в относительно простой ситуации — панике — приходят в действие все компенсаторные психические элементы. И это совсем не патологическое явление. Возможно, это покажется странным, что коллективное бессознательное выражается в политической форме. Но форма — фактор весьма иррациональный, и наше рациональное сознание не может указывать ему, каким должно быть его проявление. Конечно, предоставив коллективное бессознательное самому себе, следует ожидать, что его активация может оказаться весьма разрушительной; она может обернуться массовым психозом. Поэтому связь человека с коллективным бессознательным всегда регулируется; существует определенная форма, в которой выражаются архетипические образы. Так как коллективное бессознательное — функция, действующая непрерывно, то человек должен постоянно держать с ней кон-

такт. Его психическое и душевное здоровье зависит от кооперации с безличностными образами. На практике подобная связь поддерживается религией, поскольку в наличии всегда имеется та или иная религиозная форма или структура.

Что такое религия? Религия — это психотерапевтическая система. Что делаем мы, психотерапевты? Мы пытаемся лечить страдания человеческого разума, человеческой психики или человеческой души, а религия имеет дело с той же самой проблемой. Поэтому наш Бог — целитель, доктор, он исцеляет больного и имеет дело с душевными трудностями человека, а это и есть именно то, что мы называем психотерапией. Когда я говорю о религии как о психотерапевтической системе, то это не игра слов. Религия — мощно работающая психотерапевтическая система, в ней заключена огромная практическая истина. Могу сказать одно: клиентура у меня достаточно обширна и обитает на разных континентах, там же, где живу я сам, живут практически одни католики; но за последние тридцать лет у меня побывало вряд ли больше чем шесть действительно верующих католиков. Подавляющее большинство пациентов составляли протестанты и иудеи. Однажды я разослал опросник людям, которых не знал лично, в опроснике я спрашивал: «Как бы вы поступили, окажись в психологическом затруднении? Предпочли бы вы пойти к доктору или к священнику (пастору)?» Самих ответов я уже не помню, но хорошо помню то, что около 20% протестантов предпочли пойти к пастору. Остальные же были настроены против пастора и предпочли доктора, причем самыми убежденными в этом оказались родственники и дети священнослужителей. Помню один интересный ответ китайца. Тот заметил: «Когда я молод, я иду к доктору, а когда стар — к философу». А среди католиков 58% или 60% ответили, что, конечно, пойдут к священнику. Это доказывает, что католическая церковь, в частности с ее строгой системой религиозных

предписаний и наставлений к образу мышления, является терапевтическим институтом. У меня было несколько пациентов, прошедших аналитический курс лечения, которые после этого сделались убежденными католиками; было несколько и других, вступивших в так называемую группу «Оксфордское движение» — с моего благословения! Я думаю, что существование подобных институтов совершенно правильно и полезно. Ими нас обеспечила история, и будь я сам человеком средневекового склада мышления, то с легкостью принял бы подобное вероучение. К несчастью, оцерквление требует в некотором смысле средневекового образа мыслей, чего я не имею в достаточной степени. Но и из сказанного ясно, что я подхожу к архетипическим образам и соответствующей форме для их проекции весьма серьезно, потому что коллективное бессознательное занимает значительное место в психическом существовании человека.

Все личностные проявления типа инцестуозных тенденций и других детских побуждений оказываются на поверку весьма поверхностными; то, из чего в действительности состоит бессознательное, являются великими коллективными событиями времени. По сути дела, в коллективном бессознательном индивида представлена сама история; и когда у отдельных индивидуалов начинают активизироваться архетипы, мы оказываемся окруженными историей, хотя и пребываем в настоящем. Архетипический образ, диктуемый моментом истории, входит в жизнь, и каждый оказывается захваченным им. Это, кстати, то, что мы видим сегодня (намек на фашизм в Италии и Германии — *прим. перев.).* Я предвидел это в 1918 году, когда говорил, что «белокурая бестия» пошевеливается во сне и что в Германии что-то произойдет[75].

Никто из психологов тогда не подозревал, что я имел в виду, так как люди просто не представляли, что наша личностная

[75] Jung CG. C.W. 10, par. 17.

психология не более чем тонкая кожа, всего лишь рябь на океанской толще коллективной психологии. Коллективная психология есть мощный фактор, фактор, меняющий всю нашу жизнь, меняющий поверхность знакомого нам мира, фактор, который делает историю. И коллективная психология действует согласно законам, весьма отличающимся от таковых в нашем собственном сознании. Архетипы — мощные решающие силы, они свидетельствуют о реальных событиях, а не о нашем индивидуальном разуме и практическом интеллекте. Перед (Первой) Мировой войной все интеллигентные люди говорили: «У нас не будет войны, мы стали слишком разумны, чтобы позволить ей случиться; торговля и финансы сплетены в международный узел, так что война абсолютно невозможна». И после этого всего вспыхнула самая чудовищная битва, какую видел мир. И сейчас снова начинают твердить те же самые дурацкие вещи и о разуме, и о мирных планах, и тому подобных вещах. Они завязали себе глаза, цепляясь за этот детский оптимизм — взгляните реальности в лицо! Совершенно очевидно, что архетипические образы решают судьбу человека. Решает бессознательная психология, а не то, что мы думаем и говорим в кулуарах, с трибуны и в совещательных комнатах.

Кто в 1900 году мог подумать, что через тридцать лет будет возможно то, что происходит в Германии сейчас? Могли бы вы поверить тогда, что целая нация высокоинтеллигентных и воспитанных людей может быть охвачена умопомрачающей властью архетипа? Я видел, что это грядет, и понимал это грядущее, так как знаю силу коллективного бессознательного. На поверхности же все выглядит невероятным. Даже мои личные друзья находятся под чарующим влиянием архетипа, и когда я нахожусь в Германии, то сам в это верю; я все понимаю и знаю, что иначе и быть не может. Никто не в силах сопротивляться. Происходящее бьет ниже пояса, а не в голову; мозг при этом ни-

чего не считает, поскольку здесь действует система симпатии, сочувствия. Эта сила, которая очаровывает людей изнутри,— актуализировавшееся коллективное бессознательное. Она — архетип, общий для всех тех, кто призван к жизни. И именно потому, что это архетип, он имеет исторические корни, и мы не можем понять те или иные события, не зная истории[76]. То, что происходит сегодня,— это ожившая история Германии, подобно тому, как фашизм — живая история Италии. Не следует оставаться детьми относительно происходящего, с интеллектуальными и разумными идеями, говорящими: этого не может быть. Даже звучит по-детски: не может быть. Происходящее не имеет ничего общего с рациональными суждениями, оно — просто история. И когда перенос вашего пациента добирается до архетипа, вы попадаете в шахту, которая может взорваться. Взорваться просто потому, что вы ожидаете взрыв коллективно. Безличностные образы содержат громадную динамическую энергию. Бернард Шоу говорил в «Человеке и Сверхчеловеке»: «Человек — это такое существо, которое в своих собственных делишках эгоистично до мозга костей, но за идею будет сражаться как герой»[77].

Конечно, нельзя назвать фашизм или гитлеризм идеями. Это архетипы, и потому можно сказать: дай людям архетип, и вся толпа будет действовать как один человек, без всякого сопротивления. С громадной динамической силой архетипических образов справиться нельзя. Поэтому единственное, что делается на *третьей стадии* терапии переноса,— *отделение личного отношения к врачу-психотерапевту от безличностных факторов.* Совершенно ясно, что когда вы честно и внимательно работаете с пациентом, вы ему нравитесь; если вы переделали порядочный

[76] Юнг К. Г. «Вотан» в: Одайник В. Психология политики. СПб. 1996. Сс. 275—291.

[77] Речь Дон-Жуана в третьем акте.

кусок работы с пациентом, то он нравится вам вне зависимости, мужчина он или женщина. И было бы совершенно неестественно и даже странно не испытывать никакой человеческой реакции со стороны пациента на проделанную работу. Обычная человеческая реакция вполне нормальна и естественна, и она стоит того; и это ни в коей мере не перенос. Но в соответствующей сдержанной форме и до тех пор, пока она не испорчена безличностными оценками. Это означает, с другой стороны, необходимость полного признания важности архетипических образов, многие из которых носят религиозный характер. Допускаете ли вы, что ураган нацизма в Германии содержит религиозную оценку или нет — не играет роли. Думаете ли вы, что Дуче — фигура религиозная, или нет, не суть важно, потому что он все-таки фигура религиозная. Подтверждение тому можно прочесть даже в газетах, вышедших на днях. В них процитирована стихотворная строчка о римском Цезаре: esse deus, deus ille, Mennalka (Вот Бог, Бог Менalька)![78] Фашизм представляет латинскую форму религии, и его религиозный характер объясняет, почему в целом дело приняло такой пленительный и чудовищный оборот.

Следствием осознания важности безличностных оценок может стать оцерквление вашего пациента или его присоединение к религиозному вероучению, или что-нибудь подобное. Вот если он не может объединить свой опыт коллективного бессознательного в пределах той или иной религиозной формы, тогда его ждут трудности. В таком случае безличностные факторы не получают вместилище, пациент вновь оказывается во власти переноса, а архетипические образы губят человеческое отношение к врачу. Психотерапевт оказывается спасителем или — проклятие ему — не оказывается, хотя и должен был оказаться.

[78] См. Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М. 1971. Эклога V, 64.

Но врач — всего лишь человек, он не может быть ни спасителем, ни любым другим архетипическим образом из тех, что активизируются в бессознательном пациента.

Вследствие огромной трудности и важности этой проблемы я разработал специальную методику восстановления спроецированных безличностных оценок. Методика весьма сложная и на прошлой лекции я кое о чем упоминал в связи с вышеприведенным сном. Когда бессознательное говорит, что под христианским храмом находится тайное помещение с золотым сосудом и золотым кинжалом, то оно не лжет. Бессознательное вообще не лжет, так как природно по сути своей. Природа же не лжет никогда. *Есть* золото, *есть* сокровище и есть величайшая цена за него.

Располагай я большим временем, можно было бы продолжить эту тему и подробно рассказать о сокровищах и способах их сохранить. Это убедило бы в справедливости метода, позволяющего индивиду самому держаться вблизи своих безличностных образов. Сейчас же я могу сказать лишь пару слов и отослать к моим публикациям по этому поводу[79].

Четвертую стадию терапии переноса я называю *объективизацией безличностных образов.* Это — существенная часть процесса индивидуации[80].

Ее цель — отделить сознание от объекта настолько, чтобы индивид больше не помещал гарантию своего счастья, а иногда и жизни, в неких внешних посредников, будь то люди, идеи, обстоятельства. Чтобы он пришел к осознанию, что все зависит от того, владеет ли он сокровищем, или не владеет. Если он чувствует, что сокровище в его руках, то центр тяжести находится в самом индивиде, а не в объекте, от которого он зави-

[79] См., в частности: Jung C. G.,C.W. 13; Юнг К. Г. Цели психотерапии. В: Проблемы души нашего времени. М. 1993.

[80] Юнг К. Г. Психологические типы. Гл. XI. Термин «индивидуация». См. также Зеленский В. В. Аналитическая психология. Словарь. СПб. Б.С.К. 1997.

сел. Достичь состояния такого освобождения — цель духовной практики на Востоке и цель всех наставлений Церкви. В различных религиях сокровище спроецировано в фигурах святых, но подобное гипостазирование невозможно для современного просвещенного разума. Огромное число индивидов не могут более выражать свои безличностные ценности в исторических символах.

В связи с этим они оказываются перед необходимостью отыскивать индивидуальный способ, чтобы придать форму безличностным образам. Так как в конечном итоге они призваны найти эту форму, то и жизнь их течет весьма специфическим образом, иначе индивид оказывается оторванным от самой основы психического бытия и неизбежно становится невротиком, дезориентируется и конфликтует с самим собой. Но если он способен объективировать безличностные образы и соотноситься с ними, тогда он соприкасается с той жизненно важной психологической функцией, которая с момента пробуждения человеческого сознания находилась под попечением религии.

Сейчас невозможно вдаваться в детали данной проблемы не только потому, что время истекло, но и потому, что дать адекватное выражение живому психическому опыту означает выйти за пределы научных понятий. Все, что можно сказать рационального относительно условия отделения,— это определить его как некий центр внутри психического бытия индивида, но не внутри его эго. Это «не-эго-центр» (non-ego center). Боюсь, что придется представить вам целую диссертацию по сравнительному религиоведению, чтобы более или менее полно выразить то, что я имею в виду под не-эго-центром[81].

Поэтому я только коснусь существа дела. Это действительно существенная проблема большого числа индивидов, приходящих на прием к врачу-психотерапевту или на анализ. Поэтому

[81] См.: Психология и Алхимия, пар. 44, 126, 129, 135, 325 и

врач должен попытаться найти способ, пользуясь которым он сможет реально помочь человеку в разрешении его проблемы.

Принимая такой метод, мы поднимаем факел, забытый нашими коллегами в XVII веке, когда они погасили его, став химиками. Мы, психологи, исходя из химических и материальных понятий психического бытия, зажигаем этот факел вновь, продолжая тем самым процесс, который на Западе начался в XII веке — так как алхимия была делом врачей-целителей, занятых проблемами человеческого разума.

Обсуждение пятое

Вопрос:

Могу ли я задать профессору Юнгу очень простой вопрос: не может ли он дать определение невроза?

Профессор Юнг:

Невроз — это диссоциация личности, вызванная существованием комплексов. Само по себе наличие комплексов не содержит в себе ничего ненормального; но если те или иные комплексы несовместимы, та часть личности, которая слишком противостоит сознательной части личности, отщепляется. Если это расщепление достигает органической структуры, диссоциация оказывается психозом, шизофреническим состоянием — на что указывает сам термин. Тогда каждый комплекс живет своей собственной жизнью, не давая личности связать их воедино.

Если отщепленные комплексы бессознательны, они находят лишь косвенные средства выражения, скажем, через невротические симптомы. И вот вместо того, чтобы страдать от психологического конфликта, человек страдает от невроза. Любая несовместимость характеров может стать причиной диссоциации, и, например, слишком большой разрыв между мыслительной и чувствующей функциями — это уже в незначительной степе-

ни невроз. Когда вы не вполне в согласии в каком-либо вопросе с самим собой, вы близки к невротическому состоянию. Идея психической диссоциации — наиболее общий и взвешенный подход к определению невроза, которое я могу дать. Естественно, здесь не охвачена вся симптоматика и феноменология невроза; это всего лишь наиболее общая психологическая формулировка.

Д-р Хэлтон Г. Байнес:

Вы сказали, что перенос не дает практической ценности анализу. Неужели невозможно придать ему телеологическое значение?

Профессор Юнг:

Телеологическое значение переноса становится очевидным уже из анализа его архетипических содержаний. Каково его назначение, видно и из того, что я говорил о переносе как о функции, компенсирующей недостаток раппорта (взаимопонимания) между аналитиком и пациентом,— по крайней мере, если считать, что для человеческих существ нормально, когда они находятся в состоянии взаимопонимания (en rapport) друг с другом. Конечно, нетрудно представить философа-интроверта, склонного думать, что у людей нет взаимных контактов. Например, Шопенгауэр говорит, что человеческий эгоцентризм (egotism) настолько силен, что человек способен убить своего брата только для того, чтобы начистить свои ботинки его гуталином.

Д-р Генри В. Дике:

Профессор Юнг, мне кажется, можно предположить, что вы рассматриваете вспышку невроза как попытку самолечения, как попытку компенсации посредством выявления подчиненной функции?

Профессор Юнг: Безусловно.

Д-р Дике:

Я понимаю также, что вспышка невротического заболевания с точки зрения человеческого развития является чем-то благоприятным?

Профессор Юнг:

Это так, и я рад, что вы касаетесь этого вопроса. Действительно, такова моя точка зрения. Я не слишком пессимистичен в отношении невроза. Во многих случаях мы вынуждены сказать: «Слава богу, он смог поправить свой разум, став невротиком». Невроз — это действительно попытка самолечения, точно так же, как физическое заболевание — отчасти попытка самолечения. Мы больше не можем понимать заболевание как ens per se, как нечто обособленное, хотя еще не так давно мы были убеждены, что все обстоит именно так. Современная медицина — например, раздел, касающийся внутренних органов — понимает заболевание как систему, состоящую из вредоносных и целебных факторов. Точно так же и с неврозом. Это попытка саморегулирующейся психической системы восстановить равновесие, попытка ничем не отличающаяся от функции сновидений, только куда сильнее и действеннее.

Д-р Джеймс А. Хэдфилд:

Не может ли профессор Юнг дать нам краткий обзор техники активного воображения?

Профессор Юнг:

На эту тему, признаться, я и сам хотел поговорить сегодня в связи с анализом толедского сна, поэтому я очень рад, что можно этого коснуться. Разумеется, мне не удастся представить вам эмпирический материал, но зато я смогу дать вам представление о самом методе. Убежден, что лучше всего будет рассказать вам о случае, в котором было очень трудно обучить пациента этому методу.

Я лечил молодого художника, который никак не мог понять, что же я подразумеваю под активным воображением. Он пробовал и так и сяк, но понять так и не смог. Трудность заключалась в том, что он не умел думать. Все эти музыканты, художники и артисты часто вообще не могут думать, ибо они никогда не используют свой мозг целенаправленно. Мозг этого человека тоже всегда работал сам по себе, погруженный в свое художественное воображение, так что он не мог использовать мозг психологически и поэтому ничего не понимал. Я предоставил ему множество шансов, он перепробовал всевозможные трюки и фокусы. Всего, что он предпринимал, не перескажешь, я расскажу лишь о том, как он в конце концов преуспел в использовании своего воображения психологически.

Я жил в пригороде, и ему приходилось пользоваться поездом для того, чтобы добраться до меня. Поезд шел от маленькой станции, на стене которой висел плакат. Каждый раз, ожидая своего поезда, он разглядывал этот плакат. Это была реклама Мюррена, расположенного в Бернских Альпах, красочная картинка: водопад, зеленый лужок и коровы на склонах холма посреди луга. Он сидел, уставившись на эту картинку, и думал о том, как разобраться с тем, что я подразумеваю под активным воображением. И вот в один из дней ему пришло в голову: «Наверное, я мог бы начать с фантазии по поводу этого плаката. Я, например, мог бы вообразить самого себя на этой картинке, как будто это реальный пейзаж, представить, что я могу взобраться по склону, где пасутся коровы, на вершину холма и увидеть, что находится по ту сторону».

С этой целью, придя однажды на станцию, он вообразил себя на этой картинке. Он увидел луг, дорогу, взобрался на гору и очутился среди коров, затем, достигнув самой вершины, посмотрел вниз; там тоже был луг, спуск с горы, а у ее подножия — изгородь с перекинутой через нее лесенкой. Он спустился вниз,

перелез через изгородь, за которой начиналась тропинка, обегавшая овраг, обошел камень и наткнулся на небольшую часовню со слегка приоткрытой дверью. «Я хотел бы туда зайти»,— подумал он, толкнул дверь и вошел; там, на алтаре, украшенном прелестными цветами, стояла деревянная фигура Богоматери. Он заглянул ей в лицо, и в тот самый момент кто-то остроухий скрылся за алтарем. Он подумал: «Да, все это чушь», — и вся фантазия мгновенно исчезла.

Молодой человек вернулся домой и сказал себе: «Я так и не понял, что же такое активное воображение». Но вдруг совершенно внезапно его осенила мысль: «Да, но, может быть, это действительно было; может быть, там, за фигурой Богоматери действительно был кто-то с острыми ушами и в мгновение ока исчез». Поэтому он решил: «Я попытаюсь все это проделать в качестве теста», и вообразил, что снова находится на станции, рассматривает плакат и фантазирует о том, как он взбирается на гору. Добравшись до вершины, он удивился тому, что открывалось его взору на другой стороне. Там была изгородь с лесенкой и спуск с горы. Он сказал: «Да, пока все в порядке. Очевидно с тех пор ничего не изменилось». Он обошел камень, и там оказалась часовня. Он сказал: «Вот часовня, по крайней мере, это не иллюзия. Все в порядке». Дверь была приоткрыта, и это тоже его порадовало. Он поколебался с минуту и сказал себе: «Теперь, после того как я открою дверь и увижу на алтаре Мадонну, за ее спиной должно спрыгнуть нечто с острыми ушами, если же это не произойдет, значит это все пустое!» И вот он толчком открыл дверь и увидел, что все на месте, и, как и прежде, кто-то спрыгнул вниз; и это убедило его. Теперь у него был ключ, и он знал, что может положиться на свое воображение, т.е. он научился им пользоваться.

У меня нет времени рассказывать вам о развитии его образов или о том, как приходят к этому методу другие пациенты. Ко-

нечно же, у каждого свой собственный путь. Я лишь упоминаю о том, что началом для активного воображения может послужить сон или впечатление гипнагогического характера. Я предпочитаю употреблять термин «воображение», а не «фантазия», ибо между ними имеется отличие, которое имели в виду старые врачи, говоря, что «opus nostrum» — наша работа — должна делаться «per veram imaginationem et non phantastica», т. е. с помощью истинного, а не фантастического воображения[82]. Иными словами, если верно понять смысл этого определения, фантазия — это просто нонсенс, фантазм, мимолетное впечатление, тогда как воображение является активным, целенаправленным творчеством. Я полностью согласен с таким различием.

Фантазия в большей или меньшей степени является вашей собственной выдумкой, она остается на поверхности индивидуальных смыслов и сознательных ожиданий. А активное воображение, как следует из самого термина, означает, что образы живут своей собственной жизнью и символические события развиваются согласно их собственной логике, если, конечно, сюда не вмешивается ваш сознательный разум. Вы начинаете с концентрации на исходной точке. Я приведу вам пример из своего собственного опыта. Когда я был маленьким мальчиком, у меня была незамужняя тетушка, жившая в чудесном старомодном доме. Дом был полон прекрасных цветных гравюр. Среди них был портрет моего деда по материнской линии. Он был вроде бы епископом и на картине был изображен вышедшим из своего дома и стоящим на террасе. Там были перила, ступеньки, спускающиеся с террасы, и тропинка, ведущая к собору. Дед при всех регалиях стоял наверху террасы. Каждым воскресным утром мне позволялось навестить тетушку; уже у нее в доме я усаживался на стул и смотрел на эту картину до тех пор, пока

[82] Jung CG. Psychology and Alchemy //C.W.— Vol 12 (Par. 360). Русский перевод: Психология и алхимия. Киев. 1997.

дед не начинал спускаться с террасы. И каждый раз тетушка говорила мне: «Мой милый, он никуда не идет, он по-прежнему стоит на месте». Но я знал, что видел его спускающимся вниз.

Вы понимаете, что происходит, когда картина начинает двигаться. Аналогичным образом, если вы концентрируетесь на мысленной картине, то она начинает двигаться: образ обогащается деталями, т.е. картина движется и развивается. Естественно, всякий раз вы не доверяете себе, вам приходит в голову, что вы сами все это вызвали, что это лишь ваша собственная выдумка. Но здесь необходимо преодолеть это сомнение, ибо оно ошибочно. Не так уж много ценного можно достичь нашим сознательным разумом. Все время мы зависим от вещей, которые буквально обрушиваются на наше сознание; поэтому по-немецки мы называем их Einfalle. Если бы, например, мое бессознательное отказалось подавать мне идеи, я бы не мог продолжать чтение лекции, ибо был бы не в состоянии придумать следующий шаг. Вам хорошо известно переживание, которое возникает, когда вы хотите вспомнить имя или слово, достаточно знакомое, а оно просто никак не приходит на ум; впрочем, некоторое время спустя оно все-таки всплывает в памяти. Мы полностью зависим от великодушного содействия со стороны нашего бессознательного. Если оно нам не помогает, то дело швах. Поэтому я убежден, что путем сознательных придумок многого не достичь; мы переоцениваем мощь намерений и силу воли. Поэтому когда мы сосредоточиваемся на внутренней картине и не мешаем событиям идти своим чередом, наше бессознательное начинает порождать серию образов, складывающихся в целую историю.

Я испробовал такой метод на многих пациентах в течение многих лет и обладаю обширной коллекцией подобных «опер». Наиболее интересно наблюдать сам процесс. Естественно, я не всегда прибегаю к активному воображению как к некой

панацее; должны быть определенные показания, свидетельствующие о том, что этот метод подходит для данного индивида; есть множество пациентов, по отношению к которым его применение будет ошибкой. Но часто на последних стадиях анализа объективация образов занимает место снов. Образы предвосхищают сны, и поэтому материал сновидений начинает иссякать. Бессознательное начинает спадать по мере того, как сознание устанавливает с ним связь. Тут вы получаете весь материал в творческой форме, и в этом огромное преимущество по сравнению с материалом сновидений. Это ускоряет процесс созревания, так как анализ есть процесс ускорения созревания. Данное понятие не является моим изобретением; этот термин ввел один пожилой профессор — Стэнли Холл.

Так как активное воображение продуцирует весь материал в сознательном состоянии разума, он в данном случае оказывается значительно более оформленным, нежели в сновидениях с их невнятным языком. Он гораздо более содержателен, нежели сновидения: например, в нем есть чувственные ценности, о нем можно судить чувственным образом. Очень часто сами пациенты ощущают, что определенный материал требует зримого воплощения. Например, они говорят: «Тот сон был настолько впечатляющим, что если бы я только мог рисовать, я бы попытался передать его атмосферу». Или же они чувствуют, что определенная идея должна быть выражена не рационально, а посредством символов. Или они в плену у эмоции, которая, стоит только придать ей некоторую форму, стала бы понятной, и так далее. И вот они начинают чертить, рисовать или оформлять свой образы пластически, а женщины — иногда вязать или ткать. Я даже знал пару женщин, которые вытанцовывали свои бессознательные фигуры. Бесспорно, их можно выразить и с помощью письма.

У меня есть немало длинных серий подобных рисунков. Они несут огромное количество архетипического материала. Именно сейчас я собираюсь разрабатывать исторические параллели к некоторым из них. Я сопоставляю их с живописным материалом, выражающим сходные попытки людей прошлых веков, в особености раннего средневековья. Определенные элементы символизма восходят к Египту. На Востоке мы обнаруживаем множество интересных параллелей к нашему бессознательному материалу, вплоть до мельчайших деталей. Подобная сравнительная работа дает нам наиболее ценную информацию о структуре бессознательного. Вам также следует давать своим пациентам необходимые параллели, естественно, не в таком разработанном виде, в каком это было бы представлено в научном труде, но в том объеме, который требуется пациенту для понимания им своих архетипических образов. Ибо он может уяснить их истинное значение лишь в качестве типичных, повторяющихся способов выражения объективных фактов и процессов человеческой психики, а не сомнительных субъективных переживаний вне всякой связи с внешним миром. С помощью объективации своих безличностных образов и понимая изначально свойственный им смысл, пациент способен сам извлечь все ценности, которыми богат его архетипический материал. Он может сам это увидеть, и бессознательное становится понятным для него. Более того, эта работа определенным образом сама производит некоторый эффект (влияние) на него. Все, что бы он ни вкладывал в нее, оказывает на него ответное воздействие и производит изменение его установки, которую я пытался определить, упомянув не-эго-центр (non-ego center).

Я приведу вам интересный пример. У меня пациент, который являлся университетским ученым, весьма односторонним интеллектуалом. Его бессознательное было вечно чем-то потревожено и находилось в активированном состоянии; поэтому оно

проецировалось на других людей, которые представлялись ему врагами, а поскольку ему казалось, что против него настроены все, он чувствовал себя ужасно одиноким. Дабы забыть о своих проблемах, он начал пить, от выпивки становился чрезвычайно раздражительным и в подобном настроении затевал ссоры с людьми; несколько раз у него были очень неприятные стычки, а однажды его вышвырнули из ресторана и избили. Было и еще немало инцидентов подобного рода. Когда это стало повторяться слишком часто и было уже невыносимо, он явился ко мне, чтобы я посоветовал ему, как жить дальше. В ходе беседы у меня сложилось о нем очень четкое впечатление: я увидел, что его переполняет архетипический материал, и я сказал себе: «Теперь я могу провести интересный эксперимент — получить этот материал в абсолютно чистом виде, причем без всякой тени моего влияния, я даже не прикоснусь к нему». И с этой целью я направил его к другому врачу — женщине, которая была новичком и об архетипическом материале знала немного. Поэтому я был совершенно уверен в том, что она не будет вмешиваться. Пациент был в столь подавленном настроении, что без возражений принял мое предложение. И вот он стал работать с ней и делал все, что она ему говорила[83].

Она попросила следить его за своими снами, и он их все, от первого и до последнего, очень тщательно записал. Теперь у меня есть серия, состоящая приблизительно из тысячи трехсот снов этого человека. Они содержат самую удивительную серию архетипических образов. И совершенно естественно, без всякой подсказки, он начал рисовать серии картин, которые виделись ему во сне, ибо он чувствовал, что они очень важны. С помощью этой работы над своими снами и рисунками он сделал то, что другие пациенты делают посредством активного воображе-

[83] Этот случай послужил материалом для второй части книги «Психология и алхимия» («Psychology and Alchemy»).

ния. Можно сказать, что он сам придумал для себя это активное воображение, когда понадобилось решить наиболее запутанные проблемы, поставленные перед ним снами, например, как уравновесить содержания круга, и многое другое. Он решил проблему perpetuum mobile, причем, не предлагая ничего безумного, а символическим путем. Он работал над всеми теми проблемами, которыми так увлекалась средневековая философия и о которой наш рациональный разум говорит: «Это все чушь». Подобное заявление лишь свидетельствует о нашем непонимании. Они-то как раз старались понять; сейчас мы в дурацком положении, а не они.

В ходе анализа, проводившегося с первыми четырьмястами снами, он был вне моего наблюдения. Со времени первой беседы я вообще не видел его восемь месяцев. Пять месяцев он работал с врачом, а затем три месяца делал всю работу сам, продолжая со всей тщательностью наблюдать за своим бессознательным. В этом отношении он был очень одарен. В конце, в течение примерно двух месяцев, у нас с ним состоялся ряд бесед. Но ему не нужно было объяснять многое из символизма.

В результате работы со своим бессознательным этот пациент стал совершенно нормальным и благоразумным человеком. Он перестал пить, сделался вполне приспособленным и во всех отношениях вполне нормальным. Причина этого достаточно очевидна: одинокий мужчина — он не был женат — жил крайне односторонней интеллектуальной жизнью и, естественно, имел определенные желания и потребности. Но с женщинами ему не везло, поскольку он совершенно не разбирался в чувствах. В присутствии женщин он сразу же строил из себя дурака, и они его просто не выносили. Он становился неуживчивым и с мужчинами, а в результате оставался глубоко одиноким. Теперь же он нашел нечто такое, что очаровало его; у него появился новый объект интересов. Вскоре он открыл, что его сны

говорят о чем-то весьма значительном, отсюда и возник весь интуитивный и научный интерес. Вместо того чтобы чувствовать себя потерянной овцой, он думал теперь: «Итак, вечером, закончив работу, приступаю к своим исследованиям и смогу увидеть, что же происходит; я буду работать над своими снами и открою для себя необыкновенные вещи». Так оно и было. Понятно, что с рациональной точки зрения можно сказать, что он попросту проваливался в свои фантазии. Но дело-то вовсе не в этом. Он проделал реальный кусок трудной работы со своим бессознательным и научно проработал свои образы. Придя ко мне после трех месяцев самостоятельной работы, он был уже почти нормальным. Лишь по-прежнему испытывал неуверенность; его беспокоило то, что он не мог понять определенный материал, извлеченный им из бессознательного. Он пришел ко мне за ответом, и я намекнул ему, что бы это могло значить, но сделал это с максимальной осторожностью — так, чтобы просто помочь ему продолжить работу и довести ее до конца.

В конце года я собираюсь опубликовать подборку из четырехсот его первых снов, где я продемонстрирую развитие только одного единственного мотива — центрального мотива этих архетипических образов[84]. Позднее появится английский перевод и у вас будет возможность увидеть, как этот метод работает в случаях, в которых не было никакого внешнего воздействия и которых я абсолютно не касался. Эта самая изумительная серия образов прекрасно демонстрирует возможности активного воображения. Вы понимаете, что в данном случае можно лишь отчасти говорить о методе объективации образов с помощью пластических форм, поскольку многие символы появлялись непосредственно в снах; но в любом случае тут демонстрируется сама атмосфера, которая создается активным воображением.

[84] Jung C. G. Traumsymbole des Individuationprozesses // Eranos-Jahrbuch.— 1935; см. также: Jung CG. Psychology and Alchemy // Vol. 12 (Part 2).

У меня есть пациенты, которые вечер за вечером работают над своими образами, изображая и запечатлевая свои наблюдения и переживания. Они зачарованы этой работой; архетипы всегда зачаровывают наше сознание. Но в случае их объективации мы тем самым предотвращаем угрозу того, что они могут затопить наше сознание и в то же время делаем доступным их положительное воздействие. В рациональных терминах этот эффект объяснить практически невозможно; это своего рода «магический» эффект, он заключается в суггестивном воздействием образов на индивида, с его помощью расширяется и изменяется бессознательное.

Мне сказали, что доктор Беннет принес ряд картин своего пациента. Не будет ли он столь любезен показать их?

Здесь имеется в виду изображение чаши или вазы (рис. 14). Конечно, выражено это месьма неуклюже, это просто попытка, намек на чашу или вазу. Мотив сосуда сам по себе является архетипическим образом, имеющим определенное назначение, и с помощью этого рисунка я могу показать, каково это назначение. Сосуд приспособлен к тому, чтобы что-то в себе содержать. Он, например, содержит жидкости, сохраняет их, чтобы они не испарялись и не растекались. Немецкое слово, обозначающее сосуд, Gefäss — существительное, происходящее от fassen — класть, содержать, ухватывать. Слово «Fassung» означает схватывание, сдерживание, обрамление, а метафорически — самообладание, собранность. Таким образом, сосуд на этом рисунке отражает движение, имеющее своей целью собирание и объединение. Вы должны объединить нечто, иначе оно распадется на части. Из того, как скомпонован данный рисунок, а также из некоторых его особенностей, очевидно, что психология этого человека содержит целый ряд несоизмеримых элементов. Рисунок характеризует состояние шизофрении. Я не знаком с этим случаем, но доктор Беннет подтверждает правильность моего

Рис. 14. Картина пациента

заключения. Вы видите несопоставимые элементы по всему рисунку; целый ряд немотивированных и несоотносимых друг с другом вещей. Более того, вы видите, что поверхность вазы разделяют какие-то необычные линии. Эти линии являются признаком шизофрении; я называю их линиями разлома. Когда шизофреник рисует свою картину, он, естественно, выражает шизофреническое расщепление, имеющее место в его собственной психике, и вы обнаруживаете эти линии идущими прямо по какой-то фигуре, подобно трещинам на зеркале. На данном рисунке линий разлома на самих фигурах не видно, они лишь идут по всей поверхности.

Далее, этот человек пытается собрать все несоизмеримые элементы с помощью сосуда. Предполагается, что сосуд должен быть вместилищем всего его существа, всех несовместимых частей. Если он пытался собрать их в собственное эго, то это была неосуществимая задача, поскольку эго в каждый конкретный момент времени может совпадать только с какой-то одной ча-

стью. Поэтому он сообщает с помощью символа сосуда, что он пытается найти вместилище для всех вещей и, следовательно, расположенный в середине мяч или шар указывает на существование не-эго-центра (non-ego center).

Сам рисунок является попыткой самолечения. Он выявляет наличие несоизмеримых элементов, а также свидетельствует о попытке собрать их воедино с помощью этого сосуда. Идея вместилища архетипична по сути. Ее можно обнаружить везде — это один из центральных мотивов бессознательных рисунков. И это идея магического круга, который чертят вокруг всего того, что хотят защитить от враждебного воздействия и исчезновение чего хотят предотвратить. Магический круг как апотропаический (греч. apotropaios = отвращающий несчастье) амулет или апотропаическое действие (колдовство, чары) — идея архаическая и ее до сих пор можно встретить в фольклоре. Например, когда человек ищет сокровище и собирается его выкопать на том или ином месте, то он чертит вокруг себя магический круг, чтобы оградить себя от дьявола. Когда закладывался фундамент города, было принято совершать вокруг него ритуальный обход или объезд, дабы защитить все находящееся в пределах этого круга. В некоторых швейцарских деревнях по-прежнему существует обычай, согласно которому священник и староста объезжают поля, своими благословениями способствуя защите урожая. В центре магического круга или священной территории находится храм. Одним из удивительных примеров этой идеи является храм Borobudur на Яве. Обход (circumambulatio) совершается по спирали; паломники движутся мимо изображений всех воплощений Будды, пока не достигнут вершины, на которой находится невидимый Будда — Будда, которому еще предстоит прийти. В основании этого храма находится круг, вписанный в квадрат. На санскрите эта фигура называется мандалой. Данное слово обозначает круг, в первую очередь маги-

ческий круг. На Востоке мандалу можно обнаружить не только в качестве основания храма, но также и на росписях внутри храма, кроме того ее чертят в дни определенных религиозных празднеств. В центре мандалы находится Бог или символ божественной энергии — алмазная вспышка молнии. Вокруг этого сокровенного круга возводится аркада с четырьмя воротами. Затем идет сад, который опоясан другим — внешним — кругом.

Символ мандалы несет в себе именно значение священного места, теменоса (temenos), защищающего центр. И этот символ является одним из наиболее важных мотивов в объективации бессознательных образов[85]. Это средство защиты центра личности от выставления его наружу и от посягательств извне.

Рисунок пациента доктора Беннета является попыткой изобразить подобную мандалу. Она имеет центр и вмещает все его психические элементы, а сама ваза представляет магический круг, теменос (temenos), вокруг которого он должен совершать обхождение (circumambulatio). Таким образом, внимание направлено к центру, но в то же время в поле зрения оказываются все несоотносимые элементы и делается попытка их объединить. Обхождение (Circumambulatio) всегда совершается по часовой стрелке. Изменение направления движения считалось крайне неблагоприятным. Идея обхождения в данном случае является первой попыткой пациента найти центр и вместилище для своего целостного психического. Но ему это не удается. Структура рисунка показывает отсутствие равновесия, и ваза опрокидывается. И опрокидывается именно влево: в сторону бессознательного. То есть бессознательное все еще слишком могущественно. Если он хочет, чтобы апотропаическая магия заработала, ему следует делать это иным образом. Посмотрим, что он делает в своей следующей картине.

[85] Jung C. G. Commentary on «The Secret of the Golden FIowen> // C W. 13; Jung CG. Concerning Mandala Symbolism // C.W. 9i.

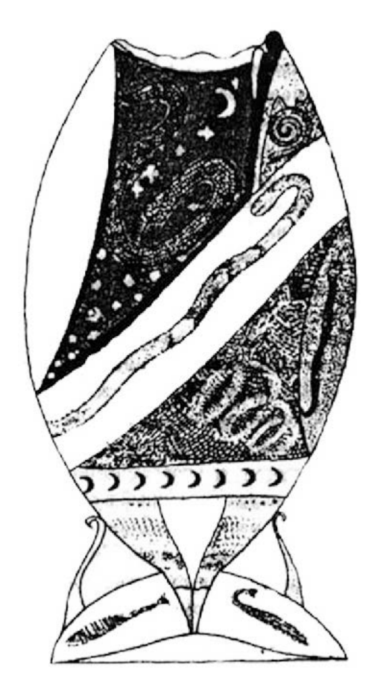

Рис. 15. Рисунок пациента.

На этом рисунке (рис. 15) он пытается добиться симметрии. Теперь все эти несовместимые чудовищные вещи, которые ему раньше никак не удавалось соединить, собраны и ассимилированы более благоприятным и уже не столь патологическим образом. Теперь он может собрать живые элементы своего бессознательного в форме змей на священной вазе. Да и сама ваза стоит устойчиво, она больше не опрокидывается, т.е. ее форма была усовершенствована. Окончательно свое намерение он еще не реализовал, но смог, по крайней мере, придать животным определенную форму. Все эти животные из преисподней: рыбы, обитающие в морских глубинах, змеи из мрака. Они символизируют низшие центры его психологии, его симпатическую систему. Наиболее примечательно то, что тут появляется скопление

звезд. Это означает, что на данном рисунке сосредоточен весь космос, т.е. его мир. Это намек на бессознательную астрологию, которая у нас в крови, хотя мы этого и не осознаем. На самом верху рисунка находится персонификация бессознательного — обнаженная фигура анимы, изображенная со спины. Это типичная позиция; в самом начале объективации подобных образов фигура анимы часто повернута к зрителю спиной. В основании вазы находится восемь полумесяцев; луна также является символом бессознательного. Человеческое бессознательное, является лунным миром, ибо это ночной мир и он характеризуется Луной — женским знаком, ибо бессознательное — это женское начало. По-прежнему представлены разнообразные ломаные линии, нарушающие гармонию. Но можно допустить, что пациент, вероятнее всего, и дальше будет следовать этим конструктивным путем, если не последует какого-то особого специфического вмешательства. Так что есть надежда на то, что он сумеет полностью прийти в себя, поскольку появление анимы — достаточно положительный признак. Анима — тоже своего рода сосуд, ибо поначалу она вмещает в себя все бессознательное, в противовес тому состоянию, когда последнее расщеплено на множество фрагментов. К тому же пациент пробует распределить мотивы по левую и правую стороны, что свидетельствует о попытке сознательной ориентации. Мяч или шар с первого рисунка исчезли, но это обстоятельство отрицательным знаком не является. Тут весь сосуд обозначает центр; благодаря привнесенным исправлениям ваза больше не опрокидывается, она прочно стоит на своем основании. Все это показывает, что он действительно пытается справиться с собой.

Эти рисунки следует возвратить пациенту — они чрезвычайно важны для него. Вы можете сделать копии; пациенты любят делать копии для врача. Но оригиналы нужно оставлять у пациентов, поскольку им хочется видеть их перед собой; гля-

дя на них, они чувствуют, что их бессознательное выразимо. Объективированная форма воздействует на них обратным образом, завораживает. Суггестивное воздействие рисунка влияет на психологическую систему пациента и приводит к тому же самому результату, идею которого сам пациент закладывал в свой рисунок. В этом причина поклонения идолам, магического использования сакральных образов, икон. Их магия обладает свойством проникать в нашу систему и исправлять нас, на условии, что мы открываемся им. Если вы открываетесь иконе, она заговорит с вами. Взять хотя бы ламаистскую мандалу с Буддой или Шивой в центре; в той мере, в которой вы способны проникнуться ей, она отвечает и входит в вас. Это производит магический эффект.

Поскольку рисунки бессознательного выражают актуальное (текущее) психологическое состояние индивида, можно использовать их в целях установления диагноза. Из подобного рисунка вы можете сделать точный вывод о состоянии пациента: есть ли у него склонность к шизофрении, или же он просто невротик. Можно даже сделать некоторый прогноз. Нужно просто иметь некоторый опыт, чтобы извлечь нужные сведения из подобных рисунков. Конечно, следует быть весьма осторожным. Нельзя с упорством догматика навязывать каждому пациенту: «А теперь приступайте к рисованию». Некоторые заявляют: «У доктора Юнга лечение заключается в том, что его пациенты рисуют», точно так же, как прежде говорили: «Он всех делит на интровертов и экстравертов и наставляет: вот вам следует жить так-то и так-то, потому, что вы принадлежите к такому-то типу». Это, естественно, не лечение. Каждый пациент является для врача новой проблемой, и он будет излечен от своего невроза лишь в том случае, если вы поможете ему найти индивидуальный путь к разрешению его конфликтов.

Председательствующий:

Дамы и господа своими аплодисментами вы прекрасно выразили то, что вы чувствуете по отношению к профессору Юнгу. Сегодня нам, в последний раз в этом цикле встреч выпала честь и ни с чем не сравнимое удовольствие слушать профессора Юнга. Нет слов, чтобы достойным образом выразить всю нашу признательность перед ним за эти лекции, которые бросают вызов нашим умам и побуждают к дальнейшим научным поискам, заставляя задуматься над такими вопросами, которые для всех нас, особенно для тех, кто занимается психотерапией, неимоверно важны. Я полагаю, сэр, что именно этого вы и ожидали от нас. Здесь в этом институте[86] мы гордимся выпавшей нам возможностью беседовать с вами и я думаю, что все мы таим надежду, что пройдет немного времени, и вы еще раз посетите Англию, с тем, чтобы продолжить наш разговор и вновь побудить нас к размышлениям об этих грандиозных проблемах.

[86] Имеется в виду Институт медицинской психологии, в котором читался данный курс лекций.

Глоссарий[87]

Амплификация (прояснение)

Уточнение и прояснение отдельных образов в сновидении с помощью прямой ассоциации и в соответствии с данными гуманитарных дисциплин (символогией, мифологией, мистицизмом, фольклором, историей религии, этнологией и т. д.).

Анима и анимус

Воплощение женского начала в мужском бессознательном и мужского начала в женском бессознательном. Эта психологическая бисексуальность есть отражение того биологического факта, что преобладающее количество мужских (или женских) генов является решающим фактором в определении пола. Меньшая часть генов не несет в себе сексуального качества, образуя в человеке соответствующие проявления психики, в обычных условиях остающиеся бессознательными. Анима и анимус проявляют себя наиболее типично, воплощаясь в некоторых фигурах, в снах и фантазиях («сон-девушка»; «сон-любовник») или в иррациональности мужского чувства и женского рассуждения.

[87] Публикуется по кн.: C. G. Jung. Memories. Dreams, Reflections.— London, 1963.—379 с.

Как регуляторы поведения они являются самыми значительными *архетипами.*

«Каждый мужчина носит в себе вечный образ женщины, не какой-либо конкретной женщины, но определенный женский образ. Этот образ в сущности бессознателен; наследственный фактор изначального происхождения, запечатленный в живущей органической системе человека, отпечаток или архетип всего наследственного опыта женщин, хранилище всех отпечатков, когда-либо запечатленных женщиной. Так как этот образ бессознателен, то он всегда (бессознательно же) проектируется на предмет любви (другойчеловек) и является одной из главных причин для страстного увлечения или отвращения». (Юнг К. Г. Развитие личности // C.W.88. Vol. 17. P. 198).

«В своей исходной «бессознательной форме» анимус является соединением спонтанных, непреднамеренных взглядов, которые оказывают мощное влияние на эмоциональную жизнь женщины, в то время как анима является сходным соединением чувствований, которые влияют (искажающе или как-то иначе) на мужское миропонимание. В результате анимус *любит* проецировать себя на *интеллектуалов,* различного рода *героев,* включая артистов, певцов, чемпионов и пр. Анима имеет пристрастие ко всему, что бессознательно, темно, двусмысленно и пребывает в хаотическом состоянии в женщине, а также к ее тщеславию, холодности, беспомощности и т. д. (Юнг К. Г. Практика психотерапии // C.W. Vol. 16. P. 301).

«Естественная функция анимуса (равно как и анимы) — пребывать между индивидуальным сознанием и коллективным *бессознательным.* Подобно тому *Персона* является словом между эгосозна-нием и объектами внешнего мира. Анимус и анима функционируют как мост или дверь, ведущие к образам коллек-

[88] Здесь и далее ссылки на работы К. Г. Юнга даются по: C. G. Jung. Collected Works. (C.W.) —London, 1953—1964. Vol. 1—20.

тивного бессознательного, как и Персона, являющаяся мостом в мир». (Юнг К. Г. [Неопубликованные семинарские записи: Предвидения] P. 116).

Архетип

«Понятие архетипа... вытекает из многочисленных наблюдений над мифами и сказками мировой литературы, которые, как оказалось, содержат определенные устойчивые мотивы, которые неожиданно обнаруживаются повсюду. Мы встречаем эти же мотивы в фантазиях, снах, бредах, галлюцинациях индивидов, живущих сегодня. Эти типичные образы и ассоциации являются тем, что я называю архети-піческими идеями. Чем более живыми они являются, тем более они будут окрашены индивидуально сильными чувственными тонами... Они впечатляют, воздействуют и очаровывают нас. Они имеют свое происхождение в архетипе, который сам по себе является непредставимым бессознательным, пресуществующей формой, являющейся частью наследованной структуры психического бытия и может поэтому проявлять себя спонтанно везде и любое время. Из-за своей бессознательной природы архетип лежит в основании чувственно-настроенных комплексов и разделяют их автономию. (Юнг К. Г. Цивилизация в пути // C.W. Vol. 10).

«Снова и снова я наталкиваюсь на ошибочное представление, что архетип определяется в соответствии со своим содержанием, другими словами, что это вид бессознательной идеи (если такое выражение допустимо). Необходимо указать еще раз, что архетипы не определяются в соответствии с их формой, да и то в очень ограниченной степени. Изначальный образ определяется по отношению к своему содержанию только тогда, когда он становится осознанным и является, следовательно, заполнен-

ным материалом осознанного опыта. Его форма, однако... может быть сравнена с осевой системой кристалла, которая обычно формирует заранее кристаллическую структуру, находясь еще в «материнской» жидкости, хотя собственного материала в кристалле еще не существует. Эта кристаллическая структура возникает согласно специфическому способу, которым ионы и молекулы взаимодействуют. Сам по себе архетип пуст и чисто формален, ничего, кроме способности сформировать, возможности представления, которая дана a priori. Сами представления не являются унаследованными, но лишь формы, и в этом отношении они соответствуют в каждом случае инстинктам, которые также определяются только формой. Существование инстинктов не может быть более доказательным, чем существование архетипов, поскольку они не проявляют себя конкретно». (Юнг К. Г. Архетип и коллективное бессознательное // C.W. Vol. 9. P. 79).

«...Мне кажется невозможным, что действительная природа архетипа неспособна стать осознаваемой, что она трансцендентна, вот почему я называю ее *психоидом*». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия //C.W. Vol. 8. P. 213).

Ассоциация

Связь идей, восприятий и т. д. согласно сходству, сосуществованию, противоположности и причинной зависимости. Свободная ассоциация во фрейдовском толковании сновидения: спонтанные идеи, являющиеся человеку во сне безотносительно к ситуации сна.

Управляемая или контролируемая ассоциация в юнгианском толковании сновидений: спонтанные идеи, которые исходят из данной ситуации сна и постоянно связаны с ней.

Ассоциативный тест

Методы для обнаружения *комплексов* измерением времени реакции и интерпретации ответов на данные стимульные слова.

Аттитьюд (установка)

Готовность, предрасположенность субъекта, возникающая при предвосхищении им определенного объекта (или ситуации) и обеспечивающая устойчивый целенаправленный характер протекания тех или иных действий по отношению к данному объекту.

Бессознательное

«Теоретически в области сознания не может быть никаких границ, как как оно способно к неопределенному расширению. Эмпирически, однако, сознание всегда находит свои границы, когда оно сталкивается с незнаемым. Последнее состоит из всего, что мы не знаем, и, следовательно, никак не связано с *эго,* как центром поля сознания. Незнаемое распадается на две группы объектов: те, которые находятся снаружи и могут быть восприняты органами чувств и те, которые находятся внутри и постигаются «непосредственно». Первая группа включает незнаемое во внешнем мире; вторая — незнаемое во внутреннем мире. Мы называем эту последнюю — территорией бессознательного». (Юнг К. Г. *Aion II* C.W. Vol. 9, ii. P. 3).

«...Все то, о чем я знаю, но о чем в данный момент не думаю; все то, что хоть однажды я осознавал, но забыл теперь; все то, что воспринималось моими органами чувств, но не было зарегистрировано моей сознательной мыслью; все то, что невольно и без внимания я чувствую, думаю, помню, хочу и делаю; все будущие вещи, имеющие форму во мне и могущие однажды

осознаться мною: все это и есть содержание бессознательного». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // C.W. Vol. 8. P. 185).

«Помимо этого мы должны включить все более или менее умышленные подавления болезненных мыслей и чувств. Я называю сумму этих подавленных содержаний «личностным бессознательным». Но, более того и прежде всего, мы также находим в бессознательном качества, которые являются не индивидуально приобретенными, а наследуемыми, т. е. инстинкты, как импульсы, выполняющие необходимые действия без сознательной потребности. В этом «глубоком» слое мы находим также архетипы... Инстинкты и архетипы совместно образуют «коллективное бессознательное». Я называю его «коллективным» потому, что, в отличие от личностного бессознательного, оно складывается не из индивидуальных и более или менее уникальных содержаний, а из универсальных и регулярно появляющихся». (Там же, р. 133).

«Первая группа включает содержимое, которое состоит из целостных компонентов индивидуальной личности и, следовательно, как раз осознаваема; вторая группа образует, так сказать, вездесущее, неизменное и везде идентичное качество или сам по себе субстрат психического бытия». (Юнг К. Г. *Aion II* C.W. Vol. 9, ii. P. 7).

Более глубокие «слои» психического теряют их индивидуальную исключительность, так как они отступают все дальше и дальше в темноту. «Потемнение вниз» означает для них приближение к автономно функционирующим системам, они становятся в возросшей степени общими, обобщаясь до универсализации и угашенного воплощения в телесном материале, т. е. в химической субстанции. Углерод человеческого тела — просто углерод. Следовательно, «на дне» психического есть просто «мировое». (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // C.W Vol. 9, i. P. 173).

Бого-образ

Понятие, идущее от Отцов Церкви, согласно которому божественная суть воплощена в человеческой душе. Когда такой образ спонтанно образуется в фантазиях, сне, видениях и т. д., то он является с психологической точки зрения явлением *самости,* символом психологической целостности.

«Только через психическое бытие мы можем установить, что Бог влияет на нас, но при этом мы не способны распознать: исходят ли эти влияния от Бога или из бессознательного. Мы не можем сказать: является ли Бог и бессознательное двумя различными сущностями или нет. Оба понятия являются пограничными для трансцендентного содержания. Но эмпирически можно установить с достаточной степенью вероятности, что в бессознательном имеется архетип целостности, который проявляет себя спонтанно в снах и т. д., и тенденция, зависящая от сознательного желания соотносить другие архетипы с этим центральным. Поэтому не кажется невероятным, что архетип воссоздает символизацию, которая всегда символизирует и выражает Божество...

«Бого-образ не совпадает с бессознательным как таковым, но лишь со специфическим содержанием последнего, а именно — архетипом самости». (Юнг К. Г. Психология и религия: Запад и Восток // C.W. Vol. 11. P. 468).

«Бого-образ можно объяснить... как рефлексию самости или, соответственно, объяснить Самость как божественный образ в человеке». (Там же, p. 190).

Гиерогамия

Священный, или духовный брак, объединение архетипических фигур в возрожденных мистериях древности, а также в алхимии. Типичными примерами являются представления

Христа и Церкви как жениха и невесты и алхимическое соединение солнца и луны.

Душа

«Если человеческая душа и являет собой нечто, то это нечто оказывается невообразимо сложным и многообразным, и, разумеется, приблизиться к этому нечто с позиций просто психологии инстинкта, невозможно. Я могу только вглядываться пристально с изумлением и трепетом в глубины и высоты нашей психической жизни. Ее непространственный универсум скрывает несказанное изобилие образов, которые были накоплены миллионами лет развития живого и зафиксировались в организме. Мое сознание подобно глазу, который проникает в наиболее отдаленные пространства, оказываясь там уже психическим не-Я *(эго),* заполняющим эти пространства непространственными образами. И эти бразы являются не бледными тенями, а мощными психическими факторами... Рядом с этой картиной я бы хотел поместить зрелище звездного неба ночью, так как единственный эквивалент универсума внутри нас — универсум вовне; и как только я постигаю этот мир с помощью тела, тотчас же я обнаруживаю его посредством психического». (Юнг К. Г. Фрейд и психоанализ//C. W. Vol. 4. P. 331).

«Было бы богохульством утверждать, что Бог может обнаружить себя везде, кроме человеческой души. В самом деле сама интимность отношений между Богом и душой автоматически предотвращает последнее и сводит его на нет. Мы зашли бы слишком далеко, говоря о близости, но все события в душе должны содержать в себе способность отношения к Богу, т. е. соответствие, в противном случае связь никогда не могла бы возникнуть. Это соответствие в психологических терминах,

есть архетип Бого-образа». (Юнг К. Г. Психология и алхимия //C. W. Vol. 12. P. 10).

Индивидуация

«Я использую термин «индивидуация» для обозначения процесса, посредством которого человек становится психически «индивидуальным», неразделимым единством или «целым». (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное // C.W. Vol. 9, i. P. 275).

«Индивидуация означает становление единого, гомогенного бытия и насколько индивидуальность охватывает нашу сокровенную, окончательную и неразделимую неповторимость, настолько они также включают становление самости. Поэтому мы можем перевести индивидуацию как «путь к себе» или «самореализацию». (Юнг К. Г. «Два эссе по аналитической психологии // C.W. Vol. 7. P. 171).

«Снова и снова я замечаю, что процесс индивидуации неправильно отождествляется со становлением *эго* в сознании, и что в результате *эго* идентифицируется с самостью, а это, естественно, создает плачевную концептуальную неразбериху. В этом случае индивидуация есть не более чем эгоцентрация и автоэротизм. Но самость включает неопределенно больше, чем просто *эго*... Самостей столько же сколько и *эго*. Индивидуация не исключает себя из мира, но собирает в себя мир». (Юнг К. Г. «Структура и динамика психического бытия // C. W. Vol. 8. P. 226).

Интроверсия

Отношение или позиция, характеризующиеся ориентацией в жизни, основанной на субъективных психических содержаниях. (См. *Экстраверсия).*

Кватерность

«Кватерность является архетипом почти всеобщего распространения. Она образует логическую основу для любого целостного суждения. Желая воспроизвести суждение подобного рода, неизбежно попадаешь в выражение четырехкратное™. К примеру, если вы хотите описать горизонт как целое, вы называете четыре части света. Везде вы натыкаетесь на четыре элемента, четыре первичных качества, четыре цвета, четыре касты, четыре способа духовного совершенства и т. д. По-видимому, существуют также и четыре аспекта психологической ориентации... Для определения самих себя нам необходимо действие, которое устанавливает, что имеется нечто (ощущение); затем другое действие, которое устанавливает, что есть нечто (мышление); третье действие или функция утверждает, подходит нам это нечто или нет, желаем мы принять это нечто или нет (эмоции и чувства); наконец четвертая функция определяет источник нечто и его направление (интуиция). Когда эти действия осуществлены, сказать больше нечего... Идеал завершенности есть круг или сфера, но ее минимальное естественное членение кватер-ность». (Юнг К. Г. Психология и религия: Запад и Восток // C.W. Vol. 11. P. 167).

Кватерность или кватерион часто имеет структуру 3 + 1, в которой один из элементов, составляющих ее, занимает отличительное положение и составляет сущность, не схожую с остальными. (К примеру, три из символов евангелистов являются животными, а символ четвертого, св. Луки, является ангелом). Этот «четвертый», дополняя других, делает их «одним», символизируя всю сумму целиком. В аналитической психологии зачастую «нижняя» функция (т. е. функция, находящаяся в сознательном расположении субъекта) представляет «четвертую», и их объединение в одно целое в сознании является одной из главных задач *индивидуации*.

Комплекс

«Комплексы суть психические фрагменты, которые выделились в силу травматических влияний или определенных тенденций. Как доказывают ассоциативные эксперименты, комплексы интерферируют с интенциями желания и нарушают обыденность представлений сознания; они нарушают процессы памяти и создают блокады в потоке ассоциаций; появляются и исчезают согласно собственным законам; временно поглощают сознание или бессознательным путем влияют на речь и сознание. Другими словами, комплексы существуют как независимое бытие; факт, который особенно очевиден в состояниях патологического типа. Как, например, голоса, слышимые больными, которые принимают их за собственные, за реализации мысли подобно тем «духам», которые проявляют себя при автоматическом письме и подобным действиям». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // C.W. Vol. 8. P. 121).

Комплексные индикаторы

Увеличенное время реакции, ошибки или идиосинкратическое качество ответов, когда стимульные слова затрагивают комплексы, которые субъект желает скрыть или которые он не осознает.

Мана

Меланезийское слово для обозначения сверхобыденной эффективной силы, исходящей из человеческого бытия, объекта, действия или события или сверхъестественного бытия и духов. Обозначает также здоровье, престиж, силу совершать волшебство и исцелять. Примитивное понятие психической энергии.

Мандала

Магический круг. У Юнга — символ центра, цели *самости* как психической суммации; саморепрезентация психических процессов центрирования; создание нового центра личности. Символически представляется кругом, квадратом или кватерностью симметричным расположением числа четыре и его кратных. В ламаизме и тантрической йоге мандала есть орудие созерцания, местонахождения и место рождения богов. Потревоженная мандала: любая форма, которая отдаляется от круга, квадрата или правильного креста, или чье основное число не равно четырем или кратным ему.

«Мандала означает круг, более точно — магический круг, и эта символическая форма обнаружена не только на Востоке, но также присуща и нам; мандалы были широко представлены в Средние века. Специфически христианские мандалы пришли из раннего средневековья. Большинство их показывает Христа в центре с четырьмя евангелистами или их символами в частях света... Большей частью формой мандалы является цветок, крест или колесо с отчетливой тенденцией к четверке как основе структуры». (Юнг К. Г. Тайна золотого цветка. 1945, Р. 96).

«Мандата... обычно возникают в ситуациях психического замешательства или дезориентации. Вследствие этого архетип представляет констеллированный паттерн порядка, обозначенный крестом или кругом, поделенный на четыре части; этот паттерн наложен на психический хаос так, что содержимое получает место и барахтающаяся сумятица удерживается сохраняющим кругом... В то же самое время мандалы являются yantras, орудиями, с помощью которых в бытие образуется порядок». (Юнг К. Г. Цивилизация в пути // С. W. Vol. 10).

Инфляция (вздутие)

Выход личности за пределы своих собственных границ за счет идентификации с *персоной* или, в патологических случаях, с исторической или религиозной фигурой. Инфляция создает преувеличенное чувство собственной важности (мания величия) и обычно компенсируется чувством неполноценности.

Нуминоз

Термин Р. Отто (психолог религии) для обозначения невыразимого, мистерийного, ужасающего, переживаемого непосредственно и имеющего отношение только к божественному.

Паттерн

1. Организация частей, образующих новую форму.
2. Модель или образец (чего-либо).
3. Организованная группа ощущений.

Первобытный образ

Термин, первоначально использованный Юнгом вместо *архетипа.* (Я. Буркхард).

Персона

По исходной этимологии — маска, носимая актером.

Персона — система приспособления индивида к чему-либо или способ действия, который он избирает, имея дело с чем-либо во внешнем мире. К примеру, любое призвание или профессия имеют свою собственную характерную персону.

...Опасность лишь в том, что люди становятся идентичными своим персонам: певец — голосу, профессор — собственным учебникам.

...Можно сказать, немного преувеличивая, что персона есть то, чего в действительности нет, но что она сама, вместе с другими, считает существующим». (Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное//C. W. Vol. 9. P. 122).

Психоид «Душеподобный» Или «Квазипсихический»

...Коллективное бессознательное... представляет психическое бытие тем, что... не может быть непосредственно воспринято или «представлено» в противоположность перцептибельным психическим явлениям и из-за этой «непредставительной» природы я называю ее [эту сферу психического бытия — *прим. перев.]* пси-хоидом». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // C.W. Vol. 8. P. 436).

Самость

Центральный *архетип* — архетип порядка; суммативность личности. Символизируется кругом, квадратом *кватерностью,* ребенком, *мандалой* и т. д.

«...Самость есть величина сверхобычная для сознательного Я. Она включает не только сознательное, но также и бессознательное психическое бытие и оказывается потому, так сказать, личностью, которой мы также являемся... Надежда когда-либо достичь хотя бы приблизительно полного сознания самости весьма мала, так как хотя многое мы и осознаем, но всегда будет существовать неопределенное и неопределимое количество бессознательного материала, который принадлежит к общей

суммативности самости». (Юнг К. Г. Два эссе по аналитической психологии // C.W. Vol. 7. P. 175).

«Самость есть не только центр, но и полная окружность, которая включает как сознательное, так и бессознательное; самость является центром суммативной целостности, подобно тому, как эго есть центр сознательного разума». (Юнг К. Г. Психология и алхимия // C.W. Vol. 12. P. 41).

«...Самость является нашей жизненной целью, так как она есть завершенное выражение этой роковой комбинации, которую мы называем индивидуальностью...» (Юнг К. Г. Два эссе по аналитической психологии // C.W. Vol. 7. P. 238).

Синхронность

Термин, введенный Юнгом для обозначения значимого совпадения или эквивалентности: а) психического и физического состояния или события, которые не содержат причинной связи друг с другом; такие синхронистические феномены появляются, к примеру, когда внутренне постигаемое событие (сон, видение, предчувствие и т. д.) видится как имеющее соответствие во внешней реальности: внутренний образ предчувствия «оправдывается»; б) сходные или идентичные мысли, сны и т. д., появляющиеся одновременно в разных местах. Ни одно, ни другое совпадения не объяснимы причинным путем, но, по-видимому, исходно связаны с активацией архетипических процессов в бессознательном.

«Мои давнишние изыскания в области психологии бессознательного заставили меня искать другой принцип объяснения, потому что принцип причинности казался мне неадекватным для объяснения определенных удивительных явлений в психологии бессознательного.

Таким образом, я обнаружил, что имеются психические соответствия, которые не могут быть связаны посредством другого принципа, а именно случайности событий. Эта связь событий кажется мне существенно данной самим фактом их относительной одновременности, следовательно, «синхронистичностью». Это выглядит так, как будто время вовсе не абстракция, а конкретная непрерывность, которая содержит определенные качества или условия, проявляющие себя одновременно в разных местах через соответствия, которые не смогут быть объяснены причинно, как, к примеру, в случаях одновременного появления идентичных мыслей, символов или психических состояний». (Юнг К. Г. Тайна золотого цветка. 1945. P. 142).

«Я выбрал этот термин потому, что одновременное появление значимых, но причинно не связанных событий кажется мне существенным критерием. Поэтому я использую общее понятие синхронности в специальном смысле совпадения по времени и двух или более причинно не связанных событий, которые имеют то же самое или сходное значение в противоположность «синхронизму», который просто означает одновременное появление двух событий». (Юнг К. Г. Структура и динамика психического бытия // C.W. Vol. 8. P. 441).

«Синхронность не более трудна и таинственна для понимания, чем понятие дискретности в физике. Последнее — не более чем застывшая вера в духовную власть причинности, которая создает интеллектуальные трудности и делает, как ни странно, немыслимым тот факт, что беспричинные события существуют и могли бы когда-либо существовать... Значимые совпадения являются мыслимыми как чистая случайность. Но чем чаще они случаются, и чем больше и более точным оказывается соответствие, тем вероятность их возникновения заметней уменьшается и их немыслимость возрастает до тех пор, пока они далее не рассматриваются как чистая случайность, но из-за отсутствия

причинного объяснения, мыслятся как значимая мера... Их «необъяснимость» вытекает не из того факта, что причина неизвестна, а потому, что причина немыслима в интеллектуальных терминах». (Там же, P. 518).

Тень

Условно «низшая» часть личности; сумма всех личностных и коллективных психических элементов, которые из-за их несовместимости с избранной сознательной установкой не допускаются к жизненному проявлению и в результате объединяются в относительно автономную, «фрагментарную» личность с противоположными тенденциями в бессознательном. Тень выступает компенсаторно по отношению к сознанию; следовательно, ее эффект может быть как позитивным, так и негативным. В снах теневая фигура всегда совпадает с половой принадлежностью спящего.

«Тень воплощает все, что субъект отказывается признавать о самом себе, и кроме того всегда навязывает себя субъекту прямым или косвенным путем, к примеру низменные черты характера и другие несовместимые тенденции». (Юнг К. Г. Архетип и коллективное бессознательное // C.W. Vol. 9. P. 284).

«...Тень есть то, что спрятано, подавлено в большей части низменной и обремененной виной части личности, чьи основные разветвления уходят в область наших животных предков и, таким образом, включают целый исторический аспект бессознательного... Хотя до настоящего времени полагали, что человеческая тень являлась источником всякого зла, но теперь, с помощью более тщательного исследования может быть установлено, что бессознательный человек, т. е. его тень не состоит только из исключительно морально пред-рассудительных тенденций, но выражает также ряд хороших качеств, таких как нормальные

инстинкты, соответствующие реакции, основанные на реальности инсайты, творческие импульсы и т. д.»

Экстраверсия

Отношение или позиция, характеризующиеся концентрацией интереса к внешним объектам (см. *Интроверсия).*

Содержание

Предисловие Э. А. Беннета (E. A. Bennet) 24

Аналитическая психология. Тавистокские лекции

Лекция первая 32

Лекция вторая 70

Лекция третья 111

Лекция четвертая 147

Лекция пятая 189

Глоссарий 248

Минимальные системные требования определяются соответствующими требованиями программ Adobe Reader версии не ниже 11-й либо Adobe Digital Editions версии не ниже 4.5 для платформ Windows, Mac OS, Android и iOS; экран 10″

Научное электронное издание

Юнг Карл Густав

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Тавистокские лекции

Перевод *В. В. Зеленский*
Оформление *А. Никулин*
Компьютерная верстка *В. Кислюк*

Подписано к использованию 22.03.20
Формат 12,0×19,5 см
Гарнитура Minion Pro

ООО Издательство
«Институт общегуманитарных исследований»
119071, Москва, Ленинский проспект, д. 18

Электронное издание данной книги подготовлено
Агентством электронных изданий «Интермедиатор»
Сайт: http://www.intermediator.ru
Телефон: (495) 587-74-81
Эл. почта: info@intermediator.ru